

В. Ф. РЖИГА

Опыты по истории русской публицистики XVI века

Максим Грек как публицист

Публицистическая деятельность Максима Грека, являющаяся предметом настоящего опыта, полна глубокого методологического интереса. Хронологически она захватывает свыше 30 лет с конца второго десятилетия до начала 50-х годов XVI века и таким образом проходит через все важнейшие стадии публицистики первой половины этого века. При широком захвате деятельность эта представляет собою сложное идеологическое образование, требующее углубленного анализа, который, вскрывая традиционные религиозные формы средневековья, должен выявить выраженные в них общественные тенденции и в результате бросить свет на сложность развертывавшейся тогда классовой борьбы.

Предлагаемое исследование основано не только на изучении напечатанных уже сочинений Максима Грека, но и на разработке его литературного наследия по рукописным материалам, чем и объясняется приложение к работе, в котором впервые издаются тексты трех найденных публицистических произведений исследуемого автора.

1. ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗЛО В ОБЛИЧЕНИЯХ МАКСИМА ГРЕКА

Отдельные обличительные слова Максима Грека часто носят заглавия слишком общего характера, по которым может показаться, что мы имеем дело с обличением пороков вообще: «Слово о неизглаголанѣхъ божіимъ промыслѣ, благости же и челоуѣколюбіи, в томъ же и на лихоимствующихъ» и проч. При ближайшем знакомстве с содержанием таких слов оказывается однако, что все они имеют определенное общественное назначение, в каждом отдельном случае относятся к известной общественной группе и хотя обличение ведется в широкой отвлеченной перспективе, однако оно никогда не теряет конкретной точки своего

приложения. В одних словах обличается монашество вместе с высшими представителями его, в других белое духовенство, в третьих боярство.

§ 1. Наиболее раннее из произведений Максима Грека, посвященных обличению монашества, это, повидимому, — «Повесть страшна и достопамятна и о совершенномъ иноческомъ жительствѣ»,¹ которую есть основание считать написанной до 1525 г. (до первого суда над Максимом Греком).²

Здесь Максим Грек в идеальном свете рисует образ жизни католических монахов картезианцев и организацию их ордена. Нестыжательность латинских монахов, их преданность своему обету, принятый у них порядок избрания игуменов он ставит в пример русскому монашеству. Изображая, как живут картезианцы, как питаются милостынею, получаемой ежедневно от жителей города, как проникнуты они духом нестяжания, как верны своей обители, Максим Грек ассоциирует по контрасту то отрицательное, что видит в русском быту. Говоря о латинских монахах, он восклицает: «Гдѣ у нихъ, особно нѣкое желаемо брашно или питіе, или оwoщъ нѣкій, или ино что наслажающе гортань? гдѣ у нихъ стяжанія злата и серебра? гдѣ у нихъ празднословіе или сквернословіе, или смѣхъ безвремененъ и безчиненъ? піянство же и превзлившее сладкихъ ядений ниже слышатся у нихъ, сребролюбіе же и лихоиманія, и росты, и лукавый нравъ мерзко у нихъ и проклято слышаніе, одѣянія же ихъ власяна и вся бѣла, чистоту житія ихъ и пребыван'я образующа, лжа же и ослушаніе и прекословіе исчезоша вся у нихъ въ конецъ. Гдѣ у нихъ отметаніе обѣтъ, ихъ же даша богови, внегда стригоша власы? Никакоже убо обрящещи, много трудився. Но ниже ину обитель по прехожденію частому знаютъ, яко же мы преходимъ безчинно и кромѣ обѣтъ нашихъ отъ обители нашея ко иной, легкостію нашего ума, преслушающе бога и спаса нашего»...³ А игумены их? Они отличаются смиренномудрием; не увидишь у них жезла в руке, не увидишь их украшенными лучшей одеждой, чем братия. Время от времени настоятели монастырей созываются генералом ордена на соборы для обсуждения и решения вопросов устройства и исправления обителей. На этих соборах рассматривается и деятельность отдельных игуменов, смещаются и подвергаются эпитимиям

¹ Каз. изд. III (1897 г.), стр. 145—167. Сокращенная ссылка «Каз. изд.» как здесь, так и далее указывает на «Сочинения Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии». Казань. Ч. I, 1-е изд. 1859 г., 2-е изд. 1894 г.; Ч. II, 1860 г.; Ч. III, 1-е изд. 1862 г., 2-е изд. 1897 г.

² Это хронологическое приурочение основано на свидетельстве Зивовия Отенского, см. «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи». Сочинение инока Зивовия, стр. 893, 894. Казань. 1863.

³ Каз. изд., III (1897), стр. 149, 150.

те из них, которые безчинно и не по уставу управляют братией, на место них выбираются новые. Здесь же избирают генерала ордена, на обязанности которого лежит постоянно объезжать игуменов и наблюдать, как правят они монастырями. И эта общая организация монашества представляется Максиму Греку весьма привлекательной. Он предлагает, чтобы и у нас игумены монастырей избирались соборами, и не дарами «сребра и злата, приносимыми народнымъ писаремъ»¹ ищущими игуменской власти. Он призывает вообще подражать католическим монахам в исполнении евангельских заповедей: ибо подобно тому, как латвияне, прилежно исполняя заповеди, не достигают совершенства из-за своих ересей, так и православных не может сделать совершенными одна православная вера, если они не усвоят себе «евангельскихъ заповѣдей прилѣжно дѣлание».²

К первым выступлениям против стяжательного монашества Максима Грека приводило не только его общее мирозерцание, но также и рано установившаяся близость его к нашему поборнику нестяжательности — Вассиану Патрикееву.³ Вассиан энергично отстаивал идеи нестяжания еще при жизни Иосифа Волоцкого (ум. в 1515 г.⁴), а незадолго до приезда Максима перерабатывал Кормчую, где защитники монастырских вотчин находили опору своим доводам. С приездом святогорца, Вассиан воспользовался его помощью для перевода некоторых церковных правил Кормчей с греческого подлинника. И Максим оказал ему важную услугу, разъяснив своим переводом, что «*πρῶταιον*» греческого текста должно переводиться не «монастырские села», как переводилось у нас раньше, а «приградие сельное», то есть, что тут разумеются пашни и виноградники, а не села с крестьянами. Известно еще, что Максим Грек знакомил Вассиана с порядками монашеской жизни во Святой горе, о чем свидетельствует особое

¹ Ibid., стр. 152.

² Ibid., стр. 165.

³ Наиболее раннее свидетельство, относящееся к общению Вассиана с Максимом в то время, когда последний еще плохо знал русский язык, сохранилось в виде заметки самого Вассиана в его Кормчей. Вероятно, отвечая на вопросы своего собеседника: «Максимъ Грекъ сказывалъ, что псалтырю толковую преводилъ съ греческого языка на русьской: правила переводилъ по гранем и по главамъ Фотѣй, митрополитъ Константинаграда, а толковники кажетъ: 1—Иоаннись Зонарь, мнихъ, 2—патріархъ антиохійскій Теодоросъ Валсамонъ, 3—Матееосъ, іеромонахосъ, 4—Арменопулосъ. 5—Хоматионосъ, архиепископъ архидійскій». (Бывш. Архив мин. ин. дел, Моск. гос. древлехранилище, V отдел, рубрика I, № 17, полуустав XVI в., л. 21, в Госуд. архиве феод.-крепостн. эпохи в Москве). Приведенную заметку см. также у А. Павлова «О Кормчей князя Вассиана Патрикеева». Учен. зап. Каз. унив., 1864, вып. II. Любопытны греческие формы имен.

⁴ А. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. I, стр. 71—76, Одесса, 1871.

сказание его «ко старцу Вассиану о Святой горѣ».¹ Личные беседы, вероятно, разнообразные и живые, могли еще более углублять принципиальную и фактическую солидарность обоих нестяжателей. Во всяком случае раннее обличение монашества в «Повести страшной и достопамятной» не является со стороны Максима Грека неожиданным. Здесь в этой повести особенно интересно не только то, что в пример ставятся порядки католического ордена, но замечательна и открытая форма обличения; таково, например, определенное указание на подкуп представителей светской власти как средство достижения игуменского сана. Понятно, что впечатление, произведенное повестью на современников, было велико. Много лет спустя Зиновий Отенский в своем «Истинны показании», вспоминая то время, когда Вассиан и Максим были на свободе, энергично возражал на Максимову повесть. Он старался прежде всего заподозрить перед своими собеседниками, клирошанами нравственную последовательность Максима, указывая на противоречие между его требованиями нестяжательности и роскошной трапезой, получаемой от великого князя. Он отказывался видеть преимущество латинского монастыря в том, что монахи питаются милостыней, собираемой среди жителей города два раза в неделю; милостыней питаются и русские монастыри; разница только в том, что они получают ее в виде доходов с деревень, которые собираются раз в год. Вопрос о содержании монастыря должен решаться в зависимости от естественных условий данной среды: не все, что хорошо в другом месте, например в Египте, удобно у нас, и Максим, по мнению Зиновия, явно писал свою повесть только для того, чтобы укорить русские монастыри: иначе, почему не привел он в пример Святой горы или какого-нибудь греческого монастыря. Если так рассуждал Зиновий,² признававший ученость Максима и нравственную высоту обоих «нестяжателей», впоследствии достигнутую страданиями многолетнего заточения, и потому называвший их «преподобными», то как должны были отнестись к повести рядовые иосифляне? Прямых свидетельств об этом у нас нет. Но ответ ясен, повесть и, вероятно, отдельные беседы Максима с разными лицами рано убедили иосифлян, что Максим — на стороне их врагов. Это впечатление осталось зафиксированным в так называемом «письме о нелюбках»: «Как не стало

¹ Каз. изд., III (1897), стр. 197, 198. Это сказание относится, конечно, к первым годам пребывания у нас Максима, так как самим Вассианом было введено в состав его Кормчей, где и читается, например, в списке б. Архива мин. ин. дел Моск. гос. древлехранилища, V отдел, рубрика I, № 17, л. 335 об. — в Госуд. архиве Феод.-крепостн. эпохи в Москве.

² Зиновий. «Истинны показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи», стр. 890 — 899, Казань, 1963 г.

старца Нила, а ученикъ его князь Вассіянъ Косой, князь Ивановъ сынъ Юрьевича, и нача сей князь вельми побогати по своемъ старцѣ Нилѣ, еже бы у монастырей не было селъ, и съ нимъ стаха иные старцы, съ ними жъ святогорцы. Се же бысть при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ всеа Русіи». ¹ Огньине судьба Максима и Вассиана была тесно связана. Собор 1531 г., представлявший акт расправы иосифлян с их противниками и в особенности с Вассианом ² по главному вопросу о вотчинах монастырей, предъявил обоим подсудимым аналогичные обвинения. Вассиана обвиняли в том, что он чудотворцев, владевших селами и крестьянами, называл смутотворцами и отказывался почитать вновь канонизованных Макария Колязинского и митрополита Иону; между тем как соответствующий пункт обвинения Максима Грека был сформулирован так: «Да ты же, Макс мъ, святыя божія соборныя и апостольскія церкви и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжаніе, и люди, и доходы, и села имѣютъ, а и въ вашихъ монастырѣхъ, во Святой горѣ, и въ иныхъ мѣстехъ въ вашей земли и у церквей, и у монастырей села есть, да и въ писаніихъ отеческихъ писано: велѣно ихъ держати святымъ церквамъ и монастыремъ. Да ты же, Максимъ, святыхъ чюдотворцовъ Петра, и Алексѣя, и Ионы, митрополитовъ всеа Русіи, и преподобныхъ чюдотворцовъ Сергія и Варлаама, и Кирилла, и Пафнотія, и Макарія, укоряеши и хулиши, а говоришь такъ: зане же они держали города и волости, и села, и люди, и судили, и пошлины, и оброки, и дани имали, и многое богатство имѣли, ино имъ нелзѣ быти чюдотворцомъ». ³ Как известно, обе части приведенного обвинения лицъ в некоторой степени соответствовали действительности. Максим так же, как и Вассиан, был противником вотчинновладения только монастырей, а не соборных церквей. Далее, по справедливому замечанию Голубинского, «более чем вероятно, что обвинение, будто Максим не признавал наших чудотворцев за чудотворцев есть или просгой собственный вывод митрополита из его полемики против вотчинновладения монастырей, или усвоение ему того, что в значительной степени справедливо было по отношению к Вассиану». ⁴ Таким образом Максим и Вассиан по вопросу о монастыр-

¹ Прибавления к изданию творений святых отцев в русском переводе. Ч. X, стр. 505, 506, Москва, 1851 г.

² С. Чернов. К ученым несогласиям о суде над Максимом. Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. II, 1922, стр. 71.

³ Чтения в Обществе истории и древностей русских при Моск. унив., 1847 г., № 7. «Прѣвнне Данила, митрополита Московского и всеа Руси, со инокомъ Максимомъ святогорцемъ», стр. 5, 6.

⁴ Голубинский. История русской церкви, II, первая половина, стр. 725.

ских вотчинах несли обвинения, сливавшиеся в представлении их врагов, и карой обоих была монастырская тюрьма. Вассиан, вероятно, вскоре умер, изнуренный тяжестью заточения; Курбский даже считает его смерть насильственной.¹ И Максиму Греку в первое время заточения в Твери (теперь гор. Калинин) было не менее тяжело, чем в предшествовавшие годы Волоколамского заключения: его страдания отразились в крагком обращении к своей душе, составленном в 1532 г. и сохранившемся под заглавием: «Сіа словеса сотворил ест інок в темницы затворен і скорбя, іми же себе утѣшаше і утверждаше в терпѣніи вѣ 7040-ное лѣто».² Но, надо думать, скоро участь Максима была несколько облегчена: он был освобожден от оков. Житие Максима, хотя и во многом малодостоверное, объясняет эту перемену за тупничесівом тверского епископа Акакия, который «посетил Максима Грека в темнице и, будучи в Москве, упросил вел. князя Василия Ивановича оказать милость заключенному ради здравия новорожденного сына Ивана (IV), снять с него оковы и облегчить его заключение».³ Во всяком случае в 1532 г. в оковах и вскоре затем в облегченных условиях Максим Грек писал,⁴ и первые годы его жизни в Твери замечательны тем, что с ними связаны важнейшие сочинения Максима, содержащие в себе обличения монашества.⁵ Храня неизменно аскетический

¹ Сочинения кн. Курбского, т. I, стр. 164. СПб., 1914. Русская историческая библиотека, т. XXXI.

² Так читается данное заглавие в ркп. Общ. любителей древн. писъм., О. CLXXVI (6461), полууст. XVI в., л. 289 (см. Описание Хр. Лопарева, ч. III, стр. 220, теперь в Публ. библ. в Ленинграде). Ср. Каз. изд. II, стр. 452, где даты нет.

³ Цитирую по В. С. Иконникову. Максим Грек и его время, стр. 497. Изд. 2-е, Киев, 1915.

⁴ В пользу этого говорит также запись на некоторых сборниках сочинений Максима, относящихся к XVI в., что Максим начал составлять эту книгу «в лѣтах осмыа тысящи, 40-ному лѣту наставшу» (т. е. в 1532 г.) (ркп. б. Общ. люб. др. писъм., О. CLXXVI (6461), XVI в., ркп. Каз. дух. акад. № 309 (497), к. XVI в., см. также: Голубинский. Ист. русской церкви, т. II, I, стр. 804).

⁵ Таковы в особенности: 1) «Инока Максима Грека стяжаніе о извѣстномъ иноческомъ жителствѣ, мѣа же стяжующихся Филоктимонъ да Акимонъ, сирѣчь любостяжательный да нестяжательный» (ч. II, стр. 89—118). 2) «Инока Максима слово о покаяніи велми душеполезно вѣроу и любовію велицемѣроу внимающимъ его и съ разумомъ трезвеннымъ прочитающимъ его» (ч. II, стр. 119—147). 3) «Инока Максима Грека слово душеполезно зѣло внимающимъ ему. Бесѣдуетъ умъ къ души своей въ нем же и на лихоимство» (ч. II, стр. 5—52). Вопреки мненію Иконникова, Павлова и митр. Филарета, эти произведения следует считать написанными не до 1525 г., а между 1531 и 1537: а) «слово о покаяніи» и «беседа ума с душой» упоминаются самим Максимом Греком в «Отвѣтъ въкратѣ къ святому събору о нихъ же оклеветанъ бываю» (Москвитин, 1842 г., № 11, стр. 85) наряду со словом по поводу тверского пожара 1537 г. б) «слово о покаяніи» и «преніе» нестяжателя с любостяжателем вызвали хронологически показательный упрек Зиновия Отенского, будто Максим написал их в досаде на свое заточение (см. «Истинны показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи». Сочинение инока Зиновия, стр. 908, 909. Казань, 1863).

идеал и продолжая неустанно его проповедывать, Максим Грек вместе с тем внимательно вскрывал отрицательные стороны современного стяжательного монашества. Говоря о вопиющем противоречии его жизни заветам Христа, обличитель почти не называет обличаемых, он редко говорит: «иноки», «игумены», «архимандриты» «епископы», он избирает отвлеченную форму: беседу ума с душой, диалог Филоктимона с Акимом. «Душеполезная» проповедь монашеству неразрывно сливается с изображением основного зла тогдашнего монастырского уклада: эксплуатации крестьянской массы. Тяжелое положение монастырских крестьян рисуется определенными, красноречивыми чертами. Максим говорит о бедных поселянах, беспрестанно томимых «лихвами губительными»,¹ притесняемых налогами и «богомерскимъ рѣзоимствомъ».² Требуя процентов за ссуды, монахи бичуют крестьян: «бичи ихъ истязуютъ за лютыхъ сребра рѣзопманій»,³ а кто не может отдать, тех лишают свободы, записывают в рабство, или, отняв имущество у своих должников, выгоняют их из своих сел вместе с женой и детьми с пустыми руками. В различных местах в сходных выражениях Максим Грек не устает повторять одну и ту же печальную картину: «отдати же неимущихъ или свободы лишили ихъ и раби себѣ прочее писаша ихъ, или обнаживше ихъ имѣній ихъ, руками тощими, своихъ предѣлъ отгнаша бѣдныхъ».⁴ В другом слове еще выразительнее: «Нынѣ же истязуеши съ силою и расхищаеши худая его стяжанища и его самого, оле безчеловѣчїя! или изгонишь вкупѣ съ женою и дѣтьми далече отъ селъ твоихъ руками тощими, или поработиши его вѣчнымъ порабощеніемъ».⁵ В третьем слове об этих страданиях «тружающихся» читаем еще подробнее: «Мы же не точію безчювственно и безмилостно къ той горцѣй ихъ скудости пребываемъ и ни единого утѣшенія ихъ сподобляемъ, да еще заповѣдь имуще милостивно прилежати о живущихъ въ убожествѣ и скудости житейскихъ потребахъ, но и зѣло безчеловѣчно прирастаемъ имъ таковую скудость ихъ истязаніи повселѣтними тяжчайшихъ ростовъ о заемномъ ихъ сребрѣ нашемъ, николи же оставляюще имъ таковое безчеловѣчно истязаніе, аще и десятижды воспріимемъ истину заемнаго; не точію же симъ образомъ озлобляемъ ихъ, но аще кто за послѣднюю нищету не можетъ дати готовый ростъ въ припущій годъ, оле безчеловѣчїя! другій ростъ истязуемъ отъ него, и аще не могутъ отдати, разграбимъ стяжанища ихъ и отъ сво-

¹ Каз. изд., II, стр. 32.

² Ibid., II, стр. 34.

³ Ibid., II, стр. 38.

⁴ Ibid., II, стр. 38.

⁵ Ibid., II, стр. 100.

ихъ селъ гонимъ руками тищими... Къ симъ же; аще кто отъ нихъ изнемогъ тяжестію налагаемыхъ имъ беспрестани отъ насъ трудовъ же и дѣланій, восхоцетъ индѣ нѣгдѣ переселитися, не отпускаемъ его, увы, аще не положить уставленный оброкъ, о немъ же толика лѣта жилъ есть въ нашемъ селѣ; бесчисленныхъ трудовъ и потовъ и страданій его, ихъ же положилъ въ нашихъ потребныхъ служеніихъ забывше время бѣднаго его житія, еже въ селѣхъ нашихъ, зѣло безчеловѣчнѣ предаемъ».¹ Возгордившись «властью селъ», монахи смотрятъ на крестьянъ, какъ на рабовъ, уморяютъ ихъ всевозможными монастырскими работами внутри и вне монастыря,² «частыми тягостми трудовъ всяческихъ», и «аще нѣгдѣ прегрѣшати», заключаютъ в оковы железныя.³ Забывшее свои обеты монашество думаетъ только об увеличении своихъ богатствъ, о новыхъ стяжаніяхъ, о стадахъ скота, между темъ какъ трудящіеся на него крестьяне «въ скудостѣ и нищетѣ всегда пребываютъ», терпятъ ужасныя лишения «ниже ржаного хлѣба чиста ядуше, многажды же и безъ соли отъ послѣднія нищеты».⁴

Высокими податями, тяжелымъ обязательнымъ трудомъ, лихвенными процентами за ссуды, и наконецъ, полнымъ порабощеніемъ крестьянъ не исчерпываются все виды монашескаго гнета. Максимъ Грекъ говоритъ еще о двухъ формахъ угнетенія: о присвоеніи монахами земельной собственности крестьянъ и соседей съ помощью судебныхъ тяжбъ и о спекуляціи съ хлебомъ. Проникнутую корыстью страсть къ тяжбамъ, которые разрешались не только словесными спорами, но и поединками, Максимъ изображаетъ въ следующихъ строкахъ беседы ума съ душой: «Селица же ради къ судилищу учащаетъ и сварится зѣло съ своими соперники и словесемъ силою на ны не могущи, обвинити же ихъ зѣло желающи, оружїи въ полѣ разсудитися молить судящихъ прѣ своей... за малую землицу, и сію многажды не свою, противу суперниковъ своихъ оружїи, увы, противится, ниже бога самого отнюдъ трепещущи, ниже свидѣтелій самѣхъ ангельскихъ чинѣ, предъ ними же изволила нестяжательное житіе... Како же кротость и смиренное мудрованіе и священное безмолвіе стяжеша себѣ, яже яростію и прѣнія, яже о земляхъ и къ самѣмъ селяномъ и къ сосѣдомъ своимъ, аще обидяще въ чемъ явятся, обдержима часто и неводержжно, тщащися противу оскорбити ихъ, аки враговъ».⁵

¹ Каз. изд., II, стр. 131, 132.

² Ibid., II, стр. 98.

³ Ibid., II, стр. 38. См. еще аналогичныя места: II, 94, 105.

⁴ Ibid., II, стр. 130, 131.

⁵ Ibid., II, стр. 42.

В погоне за обогащением монахи делают огромные запасы хлеба и продуктов, хранят их, не выпуская на рынок, а затем во время голода продают по дорогой цене. Указание на это встречаем мы также в одном из обращений ума к душе: «Наслаждаеши бо ся и ты, треокаянная, отъ неправедныхъ лихоиманій собираючи себѣ жидовски богатство и тщася всегда исполнь имѣти клѣти своя и всяческихъ брашенъ и сладкихъ питій, и стоги житныя превелики и часты по вся лѣта складая на селѣхъ своихъ, окаянная, яже желаніемъ большого прибытка нарокомъ блюдеши дорого продатися во время глада, не трепещущи отнюдъ богомъ извѣщеннаго прещенія, еже подъ клятвами подлагаетъ родъ уморяемыхъ гладомъ, блюдущи пшеницу и жита всяка на большую цѣну желаніемъ множайшаго прибытка».¹

Нищете и страданиямъ порабощенныхъ «селянъ» Максим Грекъ противопоставляетъ роскошь и праздность иноковъ, то сравнивая ихъ съ трутнями,² то говоря, что они обильно насыщаются пѣтомъ подвластныхъ имъ крестьянъ.³ Забывъ о неимущихъ, погибающихъ отъ голода и мороза, они веселятся, тепло кутаются въ роскошные соболя, «пресладко» питаются каждый день, окруженные множествомъ рабовъ и слугъ.⁴ Такова въ особенности жизнь монаховъ, достигшихъ известнаго сана: они одеваются въ дорогие шелковые одежды, носятъ золотые и серебряные украшения.⁵ Максим Грекъ говоритъ вообще о некоемъ санѣ церковномъ,⁶ составляющемъ предметъ стремления честолюбивыхъ монаховъ, повидимому, разумѣя подъ нимъ не только игуменскую власть, но и епископскую. Этотъ санъ достигается неправдою, путемъ мзды, угождения и заискиваний передъ светскими властями. Въ словѣ о покаяніи Максимъ касается этихъ же злоупотребленийъ, уже ранее обличенныхъ имъ въ «Повести страшнѣйшѣй и достопамятнѣйшѣй». Онъ говоритъ, что въ погонѣ за властью мы «всякимъ образомъ тщимся възйти на нѣкій санъ церковный, не точію лицемѣрствующе житіе благоговѣйно и дружбы составляюще съ сущими во властехъ, и всякимъ образомъ угожающе имъ и ласкающе, но многажды и дары, ова приносяще имъ, ова же обѣщавши, аще довершатъ искомое нами и желаемо».⁷ Высшіе представители церкви, роскошно одетые, обильно и сладко упитанные, настолько забыли о божественныхъ заветахъ, что вместо делъ милосердія увлекаются мирской воинственностью.

¹ Ibid., II, стр. 44.

² Ibid., II, стр. 34.

³ Ibid., II, стр. 130.

⁴ Ibid., II, стр. 39.

⁵ Ibid., II, стр. 128.

⁶ Ibid., II, стр. 127.

⁷ Ibid., II, стр. 127.

В обличениях Максима Грека выступает перед нами любопытный тип иерарха-феодала, тяготеющего к войску, во время мира окруженного ратными людьми, а в военное время снаряжающего и благословляющего их убивать и пленять единовѣрных собратий. В форме обращения ума к душе Максим Грек говорит: «вооружити паче изволила естъ на мужеубительныя брани полки ратныя, ими же провожаема и служима и окружаема во время мира радуется зѣло, брани же наставиши, изѣоруживши ихъ зѣло бодренно и изѣостривше молитвами и благословеніи и словесы подвижными, убивати, плѣняти абіе ихъ отпусти, и что бы иновѣрныя, было бы убо зло менши, ныне же други Христовы и часть господню».¹

Полное пренебрежение иноческими обетами и служение мирскому злу проходит красной нитью через весь жизненный уклад высших представителей церкви: об этом свидѣтельствует даже рисуемая Максимом картина проезда по городу «напитанного, кровью убогих», одетого в монашеские ризы, высшего духовного лица. Иерарх едет на благородных конях, окруженный слугами, которые сопровождают сзади и скачут впереди, с криками бичами разгоняя встречающійся и толпящійся народ. И это обличение выражено в той же форме, что и предыдущее: «Ты же, треокаянна, пишет Максим, кровей убсгихъ безпачдно испиваючи, лихвами и всякимъ дѣломъ неправеднымъ и себѣ оттуду преобильно приготавлиючи вся твоя угодная, егда же и якоже хошеши, во градѣхъ же ѣздящи на конехъ благородныхъ со многими, овѣмъ убо вослѣдующимъ, овѣмъ же напредѣ воплемъ и бичію разбивающимъ срѣтаючи или стѣсняючи тя народы. Угодна ли творити мниши своими долгими молитвами и чернымъ симъ власнымъ образомъ Христу любящу милости паче жертвы и осужающа всякого нищененавидца».² Достигшие известного положения благодаря заискиванию перед светской властью сановные монахи с одной стороны проникнуты безграничной гордостью, ставя себя выше всякого закона («и мнишь прочее, яко над закономъ владѣти поставленъ естъ»)³, с другой охвачены многоятежным попечением, «како угодити властелемъ».⁴ Нравственная атмосфера их отношений к равным характеризуется чертами клеветы и лицемерной дружбы, под личиной показного благочестия скрывается нравственное уродство: «Вина же и масла въ среду и въ пятокъ вкусити блюдется, отеческимъ уставомъ повинуюся, не трепещеть, мясъ человѣческихъ грызуши, стрѣлянии,

¹ Ibid., II, стр. 40.

² Ibid., II, стр. 43, 44.

³ Ibid., II, стр. 37.

⁴ Ibid., II, стр. 37.

сирѣчь оглаголаніи и оклеветаніи острѣйшими, яже отъ языка своего, отай убо зазираючи и безщадно оглаголюючи, а на лице лицемѣрствующи образъ дружбы».¹ Со стороны низших и зависимых эти сановники церкви рады слышать похвалу, лесть, смехотворные рассказы. «Мы же, о душе, восклицает Максим, по премногу нашему славолюбію отъ высокоумдренія мысли нашея, аще взыдемъ на нѣкій санъ, како восплачемъ когда себе или осудимъ славою, яже отъ челоуѣкъ и всякими хваленіи и ласканіи обливаеми, и смѣхотвореніи и кошуны различными предстоящихъ намъ соживуще всегда и шелковыми многоцѣнными ризами и златомъ и серебромъ себе украшающе?»²

§ 2. Если первые ранние протесты Максима Грека против стяжательного монашества находились в тесной связи с деятельностью Вассиана Патрикеева, то как мы должны смотреть на только что изложенные более поздние обличения, которые вышли из-под пера Максима уже тогда, когда он был навеки разлучен с Вассианом?

Сопоставление с сочинениями Вассиана представляется вполне естественным. Еще до приезда святогорца, Вассиан энергично полемизировал с Иосифом Волоцким и его учениками по вопросу о монастырских имуществвах. В его сочинениях, тогда написанных, и встретится нам значительная часть тех обличений, о которых идет речь. Иконников уже заметил, что «общий мотив обличений Вассиана Косого, направленных против монастырской жизни, тот же, что и у М. Грека: это — представление контраста между удовольствиями и роскошью, каким предавались монахи, и бедственным состоянием их крестьян, забытых своими владельцами».³ Но ближайшим образом отношения между литературными трудами обоих обличителей остаются не раскрытыми. Строя свои возражения Иосифу Волоцкому и его ученикам на выяснении противоречий жизни современных монахов евангельской заповеди о совершенной нищете и другим евангельским и апостольским заветам, Вассиан Патрикеев резко восстает против стяжаний иноков: «где въ евангельскихъ и апостольскихъ и огечьскихъ преданіихъ, говорит он, велѣно есть иночьскому житію преизъобиліе стяжаній, сирѣчь села многонародна стяжавати и поработчати христіанъ, братію свою, и отъ сихъ неправеднѣ серебро и злато събирати, подобнѣ въ мирѣ еще обращающіхся».⁴ Далее, интересными конкретными чертами

¹ Ibid., II, стр. 41.

² Ibid., II, стр. 128.

³ В. С. Иконников. Максим Грек и его время, 2-е изд., стр. 399, 400.

⁴ Полемические сочинения инока-князя Вассиана Патрикеева. Ц. авославный Собеседник, 1863, ч. III, стр. 105. Здесь изданы следующие произведения князя Вассиана Патрикеева: а) «Предисловіе Нила и Васьяна, ученика его, на Иосифа, Волоцкаго игумена, собрано

он описывает эту погоню за приобретениями: «Таже въ монастырь вшелше, отъ неразуміа нашего, чюжая не преставаемъ всякимъ образомъ себѣ прістѣжавати, села и имѣнія, ова убо безстуднѣ у вельможъ ласканіемъ просяше, ова же искупающе. Таже господіе бывше чюжихъ имѣній чрезъ заповѣдь, велику правду нещюемъ и добродѣтель, еже тщатися всегда умножити сіа. И глаголавшаго нестяжаніемъ въ слѣдъ его поити и нищетою и правдою, сего забывше, и вмѣсто еже безмлъствовати и рукодѣліемъ своимъ и труды питатися, по заповѣди, градовъ безпрестани обжеждаемъ и въ руки богатыхъ взираемъ, разнымъ образомъ ласкающе ихъ и работѣмъ угождающе имъ, даже възможемъ пріати у нихъ ли село или деревнишко или серебро или нѣкое что отъ животныхъ».¹ Побужденные ненавистнымъ сребролюбіемъ монахи лихоимствуютъ, даютъ деньги займы неимущимъ крестьянамъ, налагаютъ проценты на проценты; а кто не можегъ отдать, техъ всячески притесняютъ и наконецъ «алчущихъ и наготующихъ» изгоняютъ изъ своихъ владеній.² Описанію тяжелого положенія угнетаемыхъ монахами крестьянъ Вассіан посвящаетъ немало выразительныхъ строкъ. Кроме лихоимства, отмѣчаются и другіе формы эксплуатаціи. Въ слѣдующихъ словахъ Вассіанъ обличаетъ злоупотребленія судебными тяжбами изъ-за долговъ и земли: «Оле, вещи скверности! Иноки, иже свѣтъ быти и соль земли отъ господа повелѣваемы дѣланіемъ, сирѣчь апостольскихъ добродѣтелей, а сіи своихъ обѣтованій забывше и всяко благоговѣніе отврѣгше, и отъ своихъ обитателей въ старости уже сѣдей възстающе, въ мирскихъ судилищихъ обращаются, или съ убогими челоувѣки пріищеся о заимоданій многолихвъныхъ, или судящеся зъ съсѣды о предѣлахъ своихъ мѣстъ и селъ».³ Есть указаніе и на спекуляцію въ голодное время: «ова убо въ серебро премѣнившіе о согласіи лихвъ въ заимъ даете; ова же съблюдаютъ, да въ времена скудости продаются, яко да множайшая цѣны пріимѣте».⁴ Вспоминая простоту въ образѣ жизни и полное нестяжаніе древнихъ отцовъ, Вассіанъ противопоставляетъ имъ роскошь и изнеженность современныхъ ему епископовъ. У Василя Великаго не были слуги, съ которыми онъ могъ бы отправлять

о еже разумѣти и внимати богови и молитвѣ». б) «Слово отвѣтно противу клеветущихъ истину евангельскую и о иночскомъ житіи и устроеніи церковнымъ». в) «Собраніе Васьяна, ученика Нила Сорскаго, на Юсифа Волоцкаго отъ правилъ святыхъ Никанскихъ отъ многихъ главъ». г) «Того же инока пустынника Васьяна на Юсифа, игумена Волоцкаго, собраніе отъ святыхъ правилъ и отъ многихъ книгъ собрано, и на его ученики, и различныя межъ себя отвѣты отъ книгъ».

¹ Ibid., стр. 108, 109.

² Ibid., стр. 184.

³ Ibid., стр. 110.

⁴ Ibid., стр. 187.

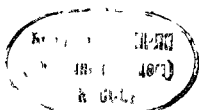
писма, между тем как сколько слуг, великолепно одетых, окружает нынешних святителей, ожидая их мановения. Мало того: владыки держат при себе «множество батогоносныхъ;» «тѣми биваютъ, мучать и различнѣ досаждаютъ прѣщимся предъ ними священникомъ же и миряномъ».¹ Иоанн Милостивый, хотя и стоял во главе богатой церкви, был чужд всякой стяжательности, «нынѣ же предстоящи (т. е. нынешние иерархи) коликими сицевыми церковными имѣніи владѣюще и стяжаніи сами убо себѣ бесчисленыхъ образовъ одежъ и пищу умышляютъ несытно, о погибающихъ же христіанъ братій мразомъ и голодомъ ни едино творятъ попеченіе».² Иоанн Златоуст настолько возлюбил убожество и смирение, что, несмотря на зимнюю стужу, пешком совершил большое путешествие в Эфес для посещения и исправления тамошней церкви. Совсем не такова жизнь наших архиереев. И Вассиан заканчивает свое обличение их открытым смелым риторическим вопросом: «Дроченіе же и украшеніе нынешнихъ архіереевъ кто достойнѣ исповѣсть?»³ По убеждению Вассиана, святители должны оставить всякое «мирское киченіе», править так церковными делами, как подобает строителям божіим и слугам, а не властителям и насильникам людей. Отделив себе немного на житейские потребности, они все остальное должны расходовать на братію, нищих, вдов и сирот, а не отдавать церковные деньги в рост и, взимая проценты, расхищать имущество бедных.⁴ Ясно, что мы находим в сочинениях Максима Грека и Вассиана не только один и тот же общий мотив обличений, но совпадение, захватывающее и отдельные существенные элементы их у того и другого. И Максим и Вассиан говорят об одних и тех же формах монастырской эксплуатаціи: оба указывают и на лихвенные проценты за ссуды крестьянам, и на притеснение их судебными тяжбами из-за земли и на спекуляцію с хлебом в голодное время. Далее, заметно сходство в конкретных чертах, какими описывается у обоих мирская гордость и роскошь высших представителей монашествующего духовенства. Таким образом есть основание решительно утверждать, что важнейшие сочинения Максима против стяжательного монашества, даже написанные после 1531 г., находились в известной связи с полемикой Вассиана и были в значительной мере ею подготовлены. У Максима можно даже наблюдать как-будто некоторые следы литературной реминисценции трудов Вассиана. В этом отношении особенно интересно «Стязаніе о извѣстномъ иноческомъ

¹ Ibid., стр. 193.

² Ibid., стр. 194.

³ Ibid., стр. 196.

⁴ Ibid., стр. 196, 197.

жительствѣ», т. е. диалог Филоктимона с Актимоном. Уже диалогическая форма Стязания как нельзя более соответствует характеру литературной деятельности Вассиана и примыкает к такой же форме одного из его произведений, изложенного в виде беседы Вассиана с Иосифом. Как в произведениях Вассиана стяжательность обличается главным образом путем раскрытия ее прогиворечия евангельской заповеди о нищете, ведущей к совершенству, так и в возражениях Актимона настойчиво подчеркивается то же прогиворечие. Мало того, возражения Актимона напоминают Вассиана не только общим своим духом и основным содержанием, но и деталями. Отдельные места позволяют нагляднее судить о характере сходства:

Вассиан

Господь убо глаголетъ: продаждь имѣніа твоя. Мы же наша убо или. устрояемъ по заповѣди господьской, или ни? Таже в монасгырь вшедше, отъ неразуміа нашею чюжая не преставаемъ всякимъ образомъ себѣ пристыжавати села и имѣніа, ова убо безстуднѣ у вельможъ ласкаемъ ꙗко осяше, ово же испкупающе. Таже господіе быше чюжихъ имѣній чрезъ заповѣдь, велику правду нещумемъ и добродѣтель, еже тщатися всегда умножити (іа).¹

Максим Грек

Мы же, глаголеміи евангельстѣи ученицы, им же ꙗже єсть взыти въ совершенство, еже по бозѣ житія, єго же ради отрицаемъ самоизвольно всѣхъ красныхъ міра сего суетного ... таже обѣтъ нашихъ забывше ꙗки ничто же возниѣвше ихъ, стяжаніи паки себѣ и стадо всяческихъ скотъ, ꙗко и въ первомъ мірскомъ житіи нашимъ, тщимся всегда пристыжати, и злато и сребро себѣ скопити на земли со всякимъ неправдованіемъ и лихоимствомъ беззаконныхъ ростовъ, евангельстѣи заповѣди снцевыа богомерскія прибытки крѣпчѣ отрицающе и въ бесчисленныхъ печалехъ паки и житейскихъ молвахъ, тяжбахъ же и сварехъ себе влагаемъ, равнѣ держащимся мірскаго житія, и еже множайшихъ слезъ достойно, ꙗко сядеая держаючи супротивъ божественнымъ заповѣдемъ и нашимъ обѣгомъ не токмо не чюемъ прегрѣшеніе наше, но еще хвалимся, ꙗки правду исправляюще.²

¹ Соч. Вассиана, стр. 108, 109.

² Каз. изд., II, стр. 95, 96.

Далее:

Вассиан

Максим Грек

Господь повелѣваетъ: и даждь я нищимъ; мы же единаче сребролюбѣмъ и насытостію побѣждени, живущая братія наша убогіа в селехъ нашихъ различными образы оскръбляемъ ихъ, и леств на леств и лихву на лихву на ихъ налагающе, милость же нигдѣ же к нимъ показующе, иже егда не възмогутъ отдати лихвы, отъ имѣній ихъ обнажихомъ безъ милости, коровку ихъ и лошадку отъемше, самѣхъ же с женами и дедами далече отъ своихъ предѣлъ, аки скверныхъ, отгнахомъ; нѣкіихъ же и княжеской власти предавше, истребленію конечному положихомъ.¹

Мы же священную его заповѣдь, яже о ницелюбіи, преступающе... безчеловѣчнѣйше бо напастуемъ подручная наша нищія христова братія, тяжчайшичъ ростовъ изгязаніи моряще ихъ безпрестани и всяческими монастырскими рабогами внутри же и внѣ горчайше ихъ житіе содѣлающе кромѣ щедротъ и милости... Нынѣ же истязуеши съ силою и расхищаеши худая его стяжанища и его самого, оле безчеловѣчія! или изгонишь вкупѣ съ женою и дѣтми далече отъ селъ твоихъ руками тощими, или поработиши его вѣчнымъ порабоженіемъ, яко же и древній мучитель Фараонъ сыны израилевы.²

Сходство, конечно, совсем не таково, чтобы говорить о текстуальном заимствовании. Выразительные «слова» Вассиана производили впечатление и не могли не остаться в памяти сочувствовавшего ему Максима. Во всяком случае полемическая деятельность Вассиана была той исходной точкой в вопросе о монашестве, на которую стал и Максим. Но святогорец не ограничился тем, что дал Вассиан, он дал больше, он развил вширь и вглубь начатые обличения. А. С. Павлов в своем «Очерке секуляризации», переходя от характеристики личных мотивов полемики Вассиана к противостяжательным сочинениям Максима Грека, заметил: «Другой характер носят на себе сочинения литературного союзника Вассианова, Максима Грека. Он ратовал за чистую идею, у него нет ни с кем личной вражды, нет и резкой брани на защитников монастырских вотчин. Он спокойно развивает свои мысли то в «беседе с собственной душой», то в диалоге двух вымышленных лиц: Филоктимона (любостяжателя) и Актимона (нестяжателя), представляющих два противоположные направления

¹ Соч. Вассиана, стр. 109.

² Каз. изд., II, стр. 98, 100.

в среде русского монашества. Зато истинно-греческая диалектика Максима поражает противников гораздо глубже и сильнее, чем размашистая, беспорядочная и раздраженная речь нашего инока-князя.¹ Замечание А. С. Павлова, в общем приблизительно верно передающее первое впечатление от сравнения трудов Вассиана и Максима, недостаточно однако для точной оценки результатов более внимательного сопоставления. Оно нуждается и в существенном изменении и в дополнении. В данном случае особенно необходимо различать форму и содержание произведений. Со стороны формы сочинения Вассиана отличаются, конечно, более выпуклой конкретностью. Мы видели, как Вассиан восклицает о «дрочении нынешних архиереев», как он говорит о том, что стяжательные монахи отнимают у бедных крестьян «коровку» и «лошадку». Тон его речи более житейский, более близкий к обыденности и следовательно более задевающий. Иначе пишет Максим Грек: он отвлекается от непосредственно данной пестроты жизненного многообразия, часто не называет вещей именами, принятыми для них в обиходе. Вероятно, двоякая причина обуславливает наблюдаемую черту. Прежде всего сказалась тут византийская традиция Максима, с ее склонностью к отвлечению. С другой стороны могли сыграть роль и обстоятельства времени. Ведь Максиму Греку совсем не чужда была простая, передающая впечатления форма. Укажем на «Повесть страшну и достопамятну», заключающую в себе живой рассказ об ордене картезианцев, воспоминания пережитого во Флоренции и о Савонароле, указание, как достигается игуменская власть у нас. Но не следует забывать, что эта повесть явилась до 1525 г., между тем как остальные произведения Максима, обличающие монашество, написаны после 1531 г. И нам становится понятным, почему обличитель не употребляет в них слов: «игумены, архимандриты, епископы». Ведь при открытой форме он не мог бы высказать и десятой доли своих обличений. Прием Максима Грека с внешней стороны как-будто смягчает резкость его произведений, но существо дела от этого нисколько не меняется. Обличение остается вполне ясным, глубоко захватывающим. Условность формы сознается автором, и он не раз считает нужным уже в самом заглавии произведения привлечь и направить внимание читателя к должному разумению своих слов: «Словеса, душеполезна зѣлю внимающимъ ихъ . . .», «Слово о покаяніи вельми душеполезно вѣроу и любовію нелицемѣрною внимающимъ его и съ разумомъ трезвеннымъ прочитающимъ его».

¹ А. С. Павлов Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. I, Одесса, 1871, стр. 79, 80.

Максим Грек не только не оставил без внимания ни один из тех пунктов, на которые были направлены обличения Вассиана, но пошел дальше, ввел несколько новых: таков тип воинственного иерарха, в мирное время окруженного ратными людьми, а во время войны благословляющего их убивать единовѣрныхъ братьевъ; такова картина шумного проезда по городу высокаго сановника церкви; таково, наконецъ, прекрасное изображеніе взаимныхъ отношеній честолюбиваго монашества, проникнутаго духомъ клеветы и лицемерной дружбы. Вместе съ тѣмъ соответствующіе произведенія Максима отличаются болѣею углубленностью; одни и те же затрагиваемые вопросы подвергаются въ нихъ многообразному освещенію: отрицательныя явленія въ жизни стяжательнаго монашества то рисуются путемъ раскрытія ихъ контраста призывамъ заповѣдей, то обнаруживаются въ искусномъ спорѣ, гдѣ съ помощью толкованія евангельскихъ заветовъ разбиваются все доводы стяжателей и вводятся аргументы противъ нихъ, ранее неиспользованные, то вообще выявляются на фонѣ аскетическаго идеала.

§ 3. Новые отрицательныя черты изъ жизни высшаго монашества, впервые подмеченныя Максимомъ, въ высшей степени интересны и важны; они находятъ себѣ соответствіе въ другихъ публицистическихъ памятникахъ XVI в., указанія которыхъ, подтверждая ихъ вполне, сами въ свою очередь становятся понятнѣе. Когда мы читаемъ у Максима о воинственномъ иерархѣ, окруженномъ войскомъ, мы невольно вспоминаемъ выразительныя слова Беседы валаамскихъ чудотворцевъ, появившейся въ серединѣ XVI в.: «И не достоинъ иноку храбро вооруженныхъ полкехъ ѣздити съ вершники, аки воину на брань...» И далѣе еще ближе къ смыслу даннаго обличенія: «Не иноческимъ воеводствомъ, ниже ихъ храбростію грады крѣпятся и міръ строится, но ихъ постомъ и молитвами, и непрестанными слезами, и стояніемъ царства утверждаются и грады израильскіе не скончаются».¹ Проездъ по городу высокаго духовнаго лица на благородныхъ коняхъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ слугъ, правда, можетъ вызвать сначала некоторые недоумѣнія, такъ какъ въ другомъ произведеніи Максима есть аналогичное мѣсто, гдѣ сходными (но, конечно, далеко несовпадающими) чертами описывается проездъ римскаго папы: «Чуднѣйши же папа, говоритъ Максимъ Грекъ, обѣщая въ Римъ, аще не поклонимъ будетъ отъ срѣщающихъ его, ничто же радить ему біемыхъ бываемыхъ ихъ отъ паличниковъ своихъ, или въ ланиту приступающихъ къ нему властемъ и княземъ и вельможамъ, но овѣмъ убо

¹ Беседа преподобныхъ Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ, изд. В. Дружининымъ и М. Дьяконовымъ въ Летописи занятій Археографической коммиссіи, вып. X, СПб., 1895, стр. 13 и 17.

колѣно, овѣмъ же ногу на цѣлованіе даяти, кое крайнее киченіе и высокоумія и гордости не превозходитъ»...¹

Эта параллель может возбудить вопрос, относится ли давнее обличение к русской среде. Но при ближайшем знакомстве со «Словом душеполезным», утвердительный ответ представляется очевидным. Произведение во всем остальном, как уже мы могли убедиться, относится к тем же явлениям, о которых писал и Вассиан. Кроме того, обращающая на себя внимание езда высших представителей монашества на дорогих конях, в сопровождении множества слуг, оказывается фактом, отмеченным в нашей обличительной литературе XVI в., именно в интересном произведении, которое носит заглавие: «Слово къ вѣрнымъ, иже христіаня словомъ нарицаются, богови же супротивашеся коварствы, и въ семъ на ся грѣха не возлагають».² В первой своей части Слово «восстает против современного щегольства, брадобрития, а также косметики женщин, зорко подмеченной, во второй говорит о отрицательных сторонах монашества, нарушающего свои обеты, и требует, чтобы миряне не давали сел монастырям ни мужским, ни женским. Автор особенно подчеркивает честолюбие монахов, их мирскую гордость, стремление к высоким местам, к богатству, к телесному покою, и приводимые им живые черты современности с избытком подтверждают наблюдения Максима Грека. Монахи, как говорит «Слово къ вѣрнымъ», держат «въ монастырех множество мірскихъ слугъ, цвѣтоносных и младыхъ юношъ, и множество великихъ конь, и вся притяжанія, яже богатымъ довлѣеть, и различная яди, и язяху, яко же мірстіи вельможи, гордящесе со множествомъ слугъ».³ Вспоминая древние образы монашества (Мелхиседека, Иоанна Крестителя, Ангония Великого и Пахомия), автор противопоставляет им современное ему иночество, дошедшее до отрицания своего смысла: «Мы же сего ли ради ркохомъ отреченіе мірскихъ, яко да солгавше се, паки множество богатства стяжемъ, и различныя яди... и яжденіе творяще на многоцѣнныхъ конехъ со множествомъ цвѣтоносныхъ слугъ».⁴ И далее автор снова упоминает о конях и слугах, очевидно, считая эти черты современного монашества наиболее типичными и красноречивыми: «Се же ли

¹ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. Отдел приложений. Послание Максима Грека к Иоанну Васильевичу о брадобритии, стр. 83.

² «Слово къ вѣрнымъ.» издано также в книге Жмакина, Отд. приложений, стр. 62—69. «Слово», судя по всему, относится к XVI в. Оно находится в ркп. XVI в., среди сочинений Ермолая-Еразма. Об этом в моей работе: «Литературная деятельность Ермолая-Еразма», стр. 167. Л., 1926.

³ Ibid., стр. 65.

⁴ Ibid., стр. 65.

есть мнѣшество, спрашивает он, еже богатства и величества высоты земнаго мѣста искати? Се ли есть ученикъ христовъ? Христови бо ученицы не яздяху на многоцѣнныхъ конехъ со многими слугами, но едини и пѣши, яко крилати, всю землю обтекоста».¹

Вообще произведения Максима Грека, обличавшие монашество, глубоко правдиво передавали отрицательную сторону подлинной действительности.² Лишние свидетельства в пользу этого можно извлечь даже из сочинений политического и личного противника Максима, к тому же стоявшего во главе тогдашней русской церкви — митрополита Даниила. Правда, как уже было отмечено исследователями,³ митрополит Даниил старается возможно мягче говорить о недостатках монашества, сводя их к отдельным частным случаям, но в «наказании» второго слова, обращенного к высшей иерархии, у него есть места, заслуживающие сопоставления с нашим писателем. «Худіи же и лѣнiviи пастыріе, увы мнѣ, якоже азъ, говорит митрополит, себе упасоша и разшириша чрева своя брашны и піанствы, заблуждыхъ не възведоша, погибшихъ не взыскаша, прелщенныхъ не обратиша... и ни мало попекошася исцѣлити овца, но себе упасоша, а овецъ не пасоша, и вся дѣла пастырская презрѣша, но точію на славу и честь, и на упокоеніе, еже ясти и пити сладостная и драгая и честнѣйшая, и на тщеславіе, и презорство, и на въспріатіе мзды уклонишася, душеполезнаго же ученія и врачеванія не сотвориша овцамъ».⁴ Так говорил митрополит, повидимому, в приливе покаянного настроения, и далее еще выразительнее и ярче рисовал погоню монашества за почестями, за богатством, роскошную жизнь сановных монахов, проводящих время в увеселениях и пирах на церковные средства в обществе знатных и богатых мирян: «Почто, братіе, гордимся и възносимся и сами ся прелщаемъ, власти игуменства, или епископства ищущи, страстни суще и немощни на таковая величества възходити? Что же ради сихъ и взыскуемъ? Ясти ли и пити многоразличная и драгая и сладостнѣйшая? Или злата и сребра, и многа богатства, и имѣнія събирати? Или веселитися, и щанити, и пиры съставляти, и съзывати на обѣдъ славныхъ и богатыхъ, и истощити всеу церковныя доходы тунедцемъ, яже церкви и церковнымъ потребна бѣ и страннымъ и нищимъ? Мы же сихъ презираемъ и церковныя доходы съ славными и съ богатыми, и

¹ Ibid., стр. 66.

² Ср. проф. Н. Ф. Каптерев. «В чем состоит истинное монашество по воззрениям предподобного Максима Грека». Богословский вестник, 1903 г., II, стр. 170.

³ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения, стр. 626, 627.

⁴ Ibid., Отдел приложений, стр. 4.

съ тунейдци изъядаемъ, гордостію и тщеславіемъ надывающесе и къ настоящимъ вседушно прилежаще, и мнися пастыри и учителя быти и истинно слово божіе правити и наставляти родъ человѣческій къ спасенію».¹

Такъ говорилъ митрополитъ иосифлянинъ, вообще совсемъ не склонный преувеличивать недостатки монашества и высшей иерархii.

§ 4. Обличения белого духовенства у Максима Грека далеко не отличаются такой обширностью, такой разносторонностью, какъ произведенія его, направленные противъ стяжательнаго монашества. О священникахъ и пастыряхъ Максимъ говоритъ немного. Но и это немногое весьма интересно. Во второмъ словѣ «на богоборца пса Моамееа», указывая признаки близкой кончины мира, однимъ изъ нихъ Максимъ Грекъ считаетъ упадокъ учительнаго слова: нетъ пастырей, которые бы учили, наставляли народъ, утешали малодушныхъ, защищали слабыхъ, обличали противящихся благочестію, спасали заблудившихъ. Никто не сознаетъ высокой ответственности пастырскаго сана, никто по смирению не отказывается быть священникомъ: напротивъ все готовы купить себѣ этотъ санъ великими дарами, чтобы жить «въ отрадѣ и славѣ и всякомъ покои».² Кругомъ ходятъ нечестивые, похищаютъ верныхъ и приносятъ въ даръ отцу своему диаволу, наши же пастыри не обращаютъ на это вниманія, они «безчювьственѣйши каменій устроишася».³

Тверской пожаръ 1537 г., когда сгорѣлъ соборъ, дворъ епископа, много другихъ храмовъ, когда огонь уничтожилъ много дворовъ съ человѣческими жертвами, далъ поводъ Максиму написать вдохновенное слово, посвященное обличенію тверскаго духовенства во главѣ съ епископомъ.⁴ По литературному примеру Иерусалимскаго патріарха Софронія,⁵ который въ своихъ стихирахъ влагаетъ речи въ уста спасителя, Слово написано въ формѣ ответа самаго господа на вопросъ тверскаго епископа о причинѣ божьего гнева, постигшаго Тверь. Епископъ говоритъ, что онъ всегда раделъ о божественномъ пении, о благолепнѣи церковной службы, чтилъ праздники пениемъ красногласнымъ «боголѣпныхъ» священниковъ и шумомъ dobroгласнымъ свѣтлошумныхъ колоколовъ и различными миры благоуханными,⁶ украшалъ иконы божией

¹ Ibid., Отделъ приложений, стр. 5, 6.

² Каз. изд. I (2 изд.), стр. 113.

³ Ibid.

⁴ Не касаемся личныхъ отношеній Максима къ епископу Акакію, которые позднее, повидимому, заставили его, чтобы несколько сгладить резкость этого слова, написать: «Сложеніе вкратцѣ о бывшемъ пожарѣ тверскомъ, въ томъ же и похвала о обновленіи церковнаго украшенія бывшаго боголюбивымъ епископомъ тверскимъ Акакіемъ».

⁵ Какъ замѣтилъ самъ Максимъ Грекъ въ своемъ «Отвѣтѣ въ кратцѣ къ святому събору о нихъ же оклеветанъ бываю». Москвитянинъ, 1842 г., № 11, стр. 86.

⁶ Каз. изд., II, стр. 261.

матери золотом, серебром и драгоценными камнями; и тем не менее бог всепожирающим огнем уничтожил красоту и благолепие храмов. «Сего ради, молимъ ты, раби твои, — обращается епископ к господу, — скажи намъ, въ кѣихъ согрѣшихомъ...»¹. Господь отвечает, что доброгласное пение, звон колоколов, украшение икон и благоухание мира угодны ему только тогда, когда они приносятся от честного труда; если же они смешаны со слезами сирот и вдовиц и кровью убогих, то достойны праведного гнева. Всесильное греческое царство погибло несмотря на все свое внешнее благочестие, потому что «убога возненавидѣша, и сира убиша, пришельца же и вдову, якоже есть писано»;² потому что у них распространилась вера в звезды, укоренился неправедный, корыстный суд, вошло в обычай поставление недостойных священников по мзде. Богу не нужно обилия и роскоши приношений, не для звона колоколов и ласкающих слух песнопений сошел он на землю, но для спасения людей. Для спасения их велел он записать в книги свои заповеди и наставления, ведущие по истинному пути жизни. Между тем вы, говорит господь тверскому епископу, обильно украшаете книгу словес моих золотом и серебром и внутри и снаружи, а записанных в ней велений моих исполнять не хотите. Я призываю итти скорбным, узким путем, вы предпочитаете пространный: «и свѣтло и преобильно питаетесь по вся дни, и въ смѣсѣхъ и пїянствѣ и всяческихъ игранїяхъ и плесканїяхъ ручныхъ пребываете».³ Я ублажаю плачущих о себе, осуждаю питающихся блудно, вы же «гуслими и тимпаны и сурнами и воровъ сгудными бляденїи и пѣнїи тѣщите всегда тѣшити себе язычески».⁴ Я заповедую не скрывать себе на земле сокровищ золота и серебра, призываю через своего пророка не увлекаться богатством («не прилагати къ тому сердца своя»), не уповать на неправду, не радоваться расхищению чужих имений, — «вы же убогія и сироты и вдовицы безщадно и безмилостивно расхищаете, обидите, убиваете всякимъ образомъ богомерскаго лихоимства».⁵ Если до сих пор слова господя можно понимать как обращенные в лице епископа не только к духовенству, но и вообще к населению Твери, то далее становится совершенно ясным, что Максим Грек имел в виду именно духовенство. Несмотря на мою заповедь, говорит господь, вы обидите и ненасытно грабите нищих и убогих. и не только не подаете им му-

¹ Ibid., II, стр. 261.

² Ibid., стр. 263.

³ Ibid., стр. 266.

⁴ Ibid., стр. 266.

⁵ Ibid., стр. 267.

чимым голодом и морозом, от своего богатства, но даже лишаете их и того, что дано моим храмам князьями для прокормления немущих; вы тратите дары славных и богатых вельмож на удовольствия, на «украшение ризное», на роскошные пиры. Я заповедую не приглашать на пир ни богатых, ни соседей, ни сродников, ни друзей, ни слепых, сухих, хромым, убогих и нищих, а вы «съ пребогатыми всегда пируете свѣтло и многоцѣнно и тѣхъ дарите зѣло обильно убогихъ и сиротъ имѣніи». ¹ Я ублажаю миротворцев, называя их сынами Божиими, «вы другъ другу завидуете и ревнуете и, яко дивіи звѣри, друг на друга воздвизаетеся яростію и враждою некончаемою, да еще священники мои нарицаеми и моего нового Израіля наставницы, и иже свѣтъ убо честнымъ житіемъ, соль же учительнымъ поученіемъ, и образъ цѣломудреннаго житія должны суще быти равнѣ вѣрнымъ и невѣрнымъ, вы нынѣ, оле студа неизглаголаннаго! предлежите наставницы всякого бесчинія и претыканіе соблазна вѣрнымъ и невѣрнымъ равнѣ бо простымъ и бесчиннымъ людямъ: и объедаетеся и упиваетеся неводержно и зѣльною яростію другъ другу досаждаете, суетному спору отъ многаго винопитія воздвигшуся и зѣльнѣ избѣсившу васъ, да еще во дни божественныхъ праздникъ моихъ, егда подобаше наипаче трезвитися и благочинно жити и иныя такожде въ ту же ревность спасенную привлачити образомъ трезвенія вашего; вы же учиненнымъ моимъ мановеніемъ праздники въ славу убо и честь мою, вамъ же во святію и житія добраго исправленіе, піянству и безчинію вины творите, зѣло нелѣпно бесчинствующе въ вихъ». ² В дальнейшихъ обличенияхъ мы опять встречаемъ указаніе, что они относятся именно къ духовенству. Господь говоритъ: «вы... тщитесь другъ друга превзыти питаніемъ сладкимъ, и честію и премѣнною славою, и разнымъ украшеніемъ и множествомъ слугъ, ихъ же вседушно желающе, тщитесь всегда на большія степени възйти, не за еже прославити мене больши честнымъ житіемъ вашимъ и славою, и люде: возвращеніемъ къ совершенію заповѣдей моихъ, но да сокровища большая себѣ скопите и отъ человѣкъ большую славу себѣ получите». ³ Напрасно такие пастыри надеются искупить свои грехи, принимая иночество передъ самой смертію: «Или вѣрою, яже въ мя, или крещеніемъ и чернымъ рубищемъ, еже въ послѣднихъ дыханіи пріемлете, оправдатися чаете?» спрашиваетъ господь. ⁴ Но веры и черной ризы недостаточно, нужны добрые дела: вера безъ благихъ делъ и черныя рубища не спасутъ. Слово заканчивается указаніемъ на новый гневъ божій, который ожидаетъ неправедныхъ, и призывомъ къ действительному покаянію.

¹ Ibid., стр. 268² Ibid., стр. 270.³ Ibid., стр. 271.⁴ Ibid., стр. 272.

Только что изложенные обличения Максима Грека, как мы видим, в общем напоминают те слова, с какими он обращался к монашеству.

Максима Грека интересует в данном случае не то, насколько добросовестно и правильно исполняет духовенство различные обряды, не то, какие нарушения церковного устава оно допускает. На первом плане у него стоит мысль о высоте пастырского служения, о долге пастыря по отношению к обществу, и в свете этой мысли изобличается целый ряд отрицательных явлений: достижение недостойными людьми священнического сана по мзде, оскудение учительного слова, различные злоупотребления, прикрываемые внешним благочестием, роскошные пиршества в дни праздников, соединенные с пьянством, светскими увеселениями, ссорами и бесчинством, лихвенное притеснение бедных, захват доходов с церковного имущества, предназначенных для милостыни нищим и убогим, страсть к украшенной одежде.

§ 5. Прошло несколько лет, и картина тверского духовенства, нарисованная Максимом, получила полное подтверждение.

В числе постановлений Стоглавого собора (1551 г.), касающихся белого духовенства, есть несколько таких, которые прямо относятся к затронутым здесь отрицательным явлениям. Стоглавый собор восставал против поставления по мзде как черного, так и белого духовенства (гл. 86). Собор запрещал взимание роста и лихвы как монастырям, так и святителям, и высказывал вообще отрицательное отношение к «резонимству»: «и о томъ божественное писание и священныя правила не только епископомъ и прозвиромъ и диякономъ и всему священническому и иноческому чину возбраняють, но и простымъ не повелѣвають резонимство и лихву истязати»¹ (гл. 76). Стоглавый собор обращал также внимание на ношение духовенством излишних, неподобающих украшений. В главе 90 постановлений собора говорилось: «никто же отъ причитаемыхъ во священнемъ въ церковнемъ причтѣ въ неподобную ризу да облачится, ниже во градѣ пребывая или въ коемъ селѣни жительствуя или на пути шествуя, по приличное и усвоенная причетникомъ да носить...»; всякому званию подобает соответствующее одеяние, между тем «причетницы» имеют обычай подобно женщинам носить так называемые «торлопы»,² «златомъ и бисеромъ и каменіемъ украшены, и сіе неподобно естъ причетникомъ тако украшатися женскимъ одѣяніемъ, ниже воинское одѣяніе носити имъ»³. В той же главе

¹ Стоглав. Изд. 3-е, стр. 160, 161. Казань, 1912.

² Торлоп — верхняя женская одежда.

³ Стоглав, стр. 180.

и светские увеселения духовенства («всякіе игры и глумы и позорища»)¹ вызывали запрет собора. Итак обличения Максима отвечали действительности. Еще новый довод в пользу этого дает нам опять митрополит Даниил. Вот картинка увеселений духовенства, приводимая им в одном из посланий: «Нынѣ же сѹть нѣкыя отъ священныхъ презвитери, и дияконі, и поддіакони, и четци, и пѣвци глумятся и играютъ в гусли, в домры, в смыкы, и зернію, и шахматы, и тавлѣми, и в пѣснехъ бѣсовскихъ, и въ піанствѣ, и всякое плотское мудрованіе и наслаждение паче духовныхъ любяще, и тако себѣ и инымъ великъ вредъ бывающе».²

§ 6. В сочинениях Максима Грека, посвященных монашеству и духовенству, как уже не раз мы могли видеть, не только вскрываются отрицательные явления, развившиеся в этой среде, но во всей полноте выражается и его нравственный идеал. В этих сочинениях идеал Максима совершенно ясен, изображаемая им аномальная действительность так красноречива. Но с первого взгляда далеко не вполне понятно, что думал Максим о путях осуществления своего идеала, о средствах искоренения зла. Позицию Максима, повидимому, лучше всего предварительно уяснить сравнением с тем же Вассианом. Вассиан, как известно, стремился к проведению в жизнь своих взглядов двумя путями: путем литературной полемики со своими партийными противниками; и затем путем влияния на представителя высшей власти в. кн. Василия Ивановича, которому он настойчиво советовал отнять села у монастырей,³ и с которым беседовал вообще о «цѣрковномъ нестроеніи»,⁴ очевидно, излагая и свой проект⁵ относительно земельных владений соборных и мирских церквей, в которых он предлагает ввести такую организацию их управления, при которой доходами не владел бы епископ с духовенством, а все ведал особый эконо́м, и с епископского доклада и разрешения собора попов эти средства лишь отчасти назначались на нужды духовенства, а главным образом шли на милостыню нищим и убогим и на выкуп пленных. Между тем Максим Грек нигде прямо не говорит, каким образом должен быть достигнут его монашеский идеал. Но так как все соответствующие произведения его обращены к самому монашеству, то надо думать, что единственным путем он считал нравственное возрождение самих иноков, их проникновение евангельским духом и затем

¹ Ibid., стр. 180.

² Летопись занятий Археографической комиссии за 1908 г., вып. 21. В. Г. Дружинин. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI в., стр. 80.

³ Правосл. Собеседник, 1863 г. ч. III, стр. 207.

⁴ Ibid., стр. 197.

⁵ Ibid., стр. 196 197 и 207.

исходящую из их же среды реформу монастырского уклада. Во всяком случае следует допустить, что Максим Грек, хотя и решительно высказывался против монастырских вотчин, однако не был сторонником применения светскою властью насильственных мер, не был сторонником той конфискации, за которую открыто стоял Вассиан. Это положение, естественно вытекающее из общего характера рассматриваемых сочинений Максима Грека, находит себе известное подтверждение и с другой стороны, именно в тех взглядах, какие в эпоху Стоглавого собора развивал перед царем старец Артемий, близкий к Максиму и как раз во время собора исходайствовавший¹ для него разрешение переселиться к Троице (теперь Сергиево). В послании к царю 1553 г. Артемий говорит по поводу своего другого более раннего послания, написанного на собор и до нас не дошедшего. Он оправдывается от обвинений, какие вызвало неправильное толкование его мыслей: «Враждуючи на мене, — пишет он, — говорить не такъ, какъ азъ говорилъ, а всѣ нынѣ съгласно враждуютъ, будто азъ говорилъ и писалъ тобѣ селъ отнимати у монастырей, другъ другу сказываютъ; а отъ того мною, государь, што азъ тобѣ писалъ на соборъ, извѣщая разумъ свой, а не говаривалъ есми о томъ, ни тобѣ не совѣтую нуженію и властію творити что таково. Развѣ межи собою говорили есмо, какъ писано въ книгахъ быти инокомъ, и се наше мудрование, яко же и святіи отци уставляютъ жити, яже по Великому Василью... А инимъ есмы не говаривалъ, развѣ межи собою говоримъ, чтобъ намъ жити своимъ руководѣлемъ и у мирьскихъ не просити, а и то есми, государь, писалъ азъ и говорилъ тобѣ о истиннѣмъ и непрелестнѣмъ пути христовыхъ заповѣдей, и о том, бога ради, не ускори съблзнитися, будетъ бо время, егда просвѣтитъ тебе господь разумѣти сіа, аще възыщени всѣмъ сердцемъ волю его».² В этих словах Артемия важно и заявление его о чисто принципиальном характере высказанных взглядов, и указание на тех единомысленных с ним монахов, в среде которых именно таким образом обсуждались данные вопросы. Если иметь в виду, что Артемий, бывший в 1551 г. игуменом у Троицы, мог встречаться и беседовать с переселившимся туда Максимом Греком, то предположение, что в приведенном отрывке Артемия имеются в виду и беседы с Максимом, становится более чем вероятным.

Что касается земельных владений мирских церквей, то в этом отношении взгляды Максима Грека, повидимому, мало отличались от взглядов

¹ В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Изд. 2-е испр. и доп., стр. 513. Киев, 1915.

² Русская историческая библиотека, т. IV, 1440—1441.

Вассиана. Как Вассиан допускал эти владения, так и Максим Грек принципиально не возражает против них; как, далее, Вассиан настаивал перед верховной властью на правильной организации управления церковными землями, так и Максим обращался по этому поводу к самому царю Ивану. В «главах поучительных начальствующимъ правовѣрно» он между прочим пишет, что современные «предстатели» церквей злоупотребляют церковным имуществом: они «вся бо, яже отъ правовѣрныхъ царей и христовлюбивыхъ князей возложена святымъ божіимъ церквамъ имѣніа же и стяжаніа на прокормленіе нищимъ и сиротамъ, преложиша въ своихъ потребахъ преизлишнихъ и житейскихъ устроенихъ». Сами бо во всякомъ прохладѣ и довольствомъ живуще и пространно питающиеся и племенники и сродники обильно обогащающа, а нищии христовы голодомъ и наготою и страданіемъ погибающе презираеми суть отъ нихъ».¹ По убеждению Максима Грека, вполне исправить такую обиду нищих может только бог, но и царь должен предпринять известные меры к реформе церковных порядков. Вот в каких выражениях предлагается этот совет молодому Ивану: «и царствующимъ благовѣрно на земли нужно и зѣло прилично благочестивымъ царемъ сичевыя священническія недостатки, да не реку прегрѣшенія, исправляти, по ревности древнихъ православныхъ царѣхъ, Константина, Θεодосіа и Іустиніана великихъ. Ничто же ино толь вѣсь утвердити царская скипетра, елико же еже по бозѣ о нищихъ попеченіе и милосердіе».² Итак Максим Грек, подобно Вассиану, стоял за такую организацию церковных имуществ, при которой доходы с них действительно шли бы на нищих и убогих. «Главы поучительны», кроме того, ясно показывают, что Максим Грек был вообще противником всякого рода конфискации, и таким образом лишний раз подтверждают, что мысль о принудительной секуляризации не только церковных, но и монастырских вотчин была ему чужда. Как раз перед тем местом о церковных имениях, которое мы только что приводили, Максим Грек энергично возражает против «хищенія чюжихъ имѣній и стяжаній» и убѣждает царя никогда не поддаваться страсти «богомерскаго и раболѣпнаго сребролюбія». Он пишет: «Сіе бо суще свойственно есть благовѣрному царю и пастырю неложному, еже не на земли неправдою и хищеніемъ чюжихъ имѣній и стяжаній, но всякою правдою и страхомъ божіимъ, вѣрою же и любовію полагати на небесѣхъ сокровища неистошима пренедобія и милостыни и всякія кротости и бла- гости, яже къ подручникомъ. Царь убо пресвѣтелъ сый и преславенъ

¹ Каз. изд., II, стр. 174, 175.

² Ibid., стр. 175.

утверди себе богомудрено, да не побѣжденъ будеши когда страстію іудейскаго богомерскаго и раболѣпнаго сребролюбія».¹ Хотя Максим Грек не склонен был делать радикальных практических выводов из своих обличений монашества и духовенства, однако жизненная действительность их была на уровне острых вопросов тогдашней общественной жизни. Еще в 1858 г. И. В. Беляев писал: «Несомненно влияние на Стоглав сочинений пр. Максима Грека. Всякий, кто прочтет сочинения этого замечательного писателя и после него Стоглав, не может не заметить влияния не только мыслей, но даже иногда как будто выражений Максима на мысли и выражения царя Иоанна в его вопросах собору... Сколько, например, сходства, но сколько и различия, если сравнить только написанное о духовенстве, в особенности о монашествующем, у пр. Максима и в Стоглаве».² И позднейшие исследователи в той или иной форме допускали влияние произведений Максима Грека, обличающих монашество и духовенство, на царя Ивана Васильевича и признавали их роль в подготовке Стоглавого собора. «Влияние этих наставлений, — говорит Павлов, по поводу приведенного выше места из «Глав поучительных», на молодую и впечатлительную душу Ивана IV, — несомненно. Знаменитая речь, сказанная Иваном с лобного места, вопросы, предложенные им собору 1551 г., отчасти и позднейшие сочинения царя-писателя глубоко запечатлены взглядами той литературной партии, во главе которой стоял Максим Грек».³

Жданов также присоединился к взгляду И. Беляева и по поводу его сказал: «Так замечает г. И. В. Беляев, — и нужно прибавить — совершенно основательно. Подготовка Стоглавого собора шла именно от людей того направления, видным представителем которого был Максим. Таковы и Кассиан, и Артемий, и Сильвестр. К сожалению, о прямом участии Максима в деятельности Стоглавого собора мы не имеем никаких указаний».⁴ Итак отдельные исследователи уже не раз указывали на связь между Стоглавым собором и произведениями Максима. Необходимо однако точнее выяснить, в чем могла заключаться эта связь. В. С. Иконников сопоставлял обличения Максима с соответствующими постановлениями Стоглава. Правильнее однако сопоставлять Максима не прямо с «ответами» Стоглава,

¹ Каз. изд., II, стр. 172, 173.

² Ив. Беляев. Об историческом значении деяний Московского собора 1551 г. Русская Беседа, 1858 г., IV, стр. 13.

³ А. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Стр. 107. Одесса, 1871.

⁴ Сочинения И. Н. Жданова, т. I, стр. 203, прим. 1., СПб., 1904.

в общем, как известно, «иосифлянски» настроенного, а прежде всего с отдельными пунктами того проекта реформ, который под названием первых царских вопросов был предложен собору самим царем. Согласно анализу исследователя Стоглава, проект этот, составленный царем и его советниками, по своему происхождению распадается «на две группы: более первоначальную образуют 19 вопросов, направленных против недостатков в быту монашеском и в высшем церковном управлении и суде; это вопросы: 1, 7 (с примыкающими к нему 2 и 4), 3; 8 и 9; 10 и 12; 13, 15—18; 19 и 30, 31; 32 и 37. Впоследствии под влиянием послания, усвояемого Сильвестру, прибавлены были вопросы, касающиеся недостатков при совершении богослужения и пороков среди мирян, с 20 по 29 включительно, а также 33—36 и четыре вопроса: 5, 6, 11 и 14, быть может, по указанию митрополита Макария. Редактировал вопросы, по поручению царя, кто-либо из членов избранной рады, как называет кн. Курбский советников царя, группировавшихся около Сильвестра и А. Адашева, вероятнее всего Сильвестр».¹ В первой группе этих вопросов мы и найдем такие, которые из всего Стоглава наиболее близки к исследуемым обличениям Максима, таковы именно: 8—«О монастырехъ и иноцѣхъ», 12—«О милостыни», 15—«О монастырехъ, иже пусты отъ небреженія», 16—«О церковныхъ и монастырскихъ денгахъ». В вопросе 8 царь указывает на то, что некоторые архимандриты и игумены достигают своего сана подкупом, «власти докупаются», и затем тратят монастырское богатство на широкую жизнь со своими родственниками «и съ племянники и съ бояры и съ гостми и съ любимыми друзи», между тем как братия страдает: «а священницы и братія бѣдныя алчни и жадни и всячески непокойны всякими нуждами одержимы».² Вопрос касается, как видим, тех отрицательных явлений в жизни высшего монашества, которые хорошо знакомы нам по сочинениям Максима. Но замечательно, что самая постановка вопроса здесь иная, свидетельствующая об ином политическом настроении, об иной программе. В то время как Максим, подобно Васспану, противопоставляет роскошной жизни монашества бедствия и страдания угнетаемого им крестьянства, царь о крестьянах не говорит совсем, а широкой жизни архимандритов и игуменов противопоставляет бедственное положение священников и рядовой братии. Поэтому гораздо целесообразнее сближать данный вопрос не с проповедью нестяжателей непосредственно, а с тем посланием, которое между 1547 г. и

¹ Дм. Стефанович. О Стоглаве. Его происхождение, редакция и состав, стр. 54. СПб., 1909 г.

² Стоглав. Изд. 3-е, стр. 28. Казань, 1911.

1551 г.¹ было направлено монахами подмосковных монастырей — самому царю. Послание это исходит от авторов, стоявших вне тогдашних партий. Послание для мотивировки своих положений ссылается на пример как заволожских монастырей, так и монастыря Иосифа Волоцкого, цитирует устав последнего, но в то же время делает заимствования из Максима Грека.² Монахи просят царя, чтобы «во окрѣстныхъ обителехъ града Москвы» был строго проведен принцип общежития, чтобы архимандриты и игумены имели стол общий с монастырской братией, «а не съ мирскою чадію». Далее они приводят в пример Кириллов монастырь, Иосифов и другие. Предвидя возможные возражения, авторы стараются их устранить. Если кто из архимандритов и игуменов станет возражать, что не везде можно ввести порядки Кириллова или Иосифова монастыря: то обители великие, а мы живем по «убогимъ мѣстомъ», и неоткуда взять, чтобы всего

¹ Так датируется послание, потому что на 1547 г., как *terminus a quo*, указывают следующие слова: «Славою и честію венчаному, имя имущу боголюбія, державному государю православному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи нищіе твои богомольцы, иноцы убозіи плачутся и челом бьютъ»... С другой стороны послание писано до Стоглавого собора, так как собор постановил, чтобы архимандриты и игумены имели общую пищу с братией: «а пища бы архимаритомъ и игуменомъ и строителемъ и соборнымъ старпомъ съ братією обща была: а иныхъ бы брашенъ на архимаритовъ и на игуменовъ и на строителейъ и на старцовъ соборныхъ особныхъ не было развѣ немощи, а пища бы была на трапезѣ всѣмъ равна» (Стоглав, гл. 49. Изд. 3-е, стр. 108. Казань, 1911 г.).—Г. Кунцевич, издавший послание в отдельной брошюре под заглавием: «Челобитная иноков царю Ивану Васильевичу». СПб., 1912—справедливо заметил в предисловии к изданию: «Просить о том, что было уже предписано Собором, и не упомянуть даже о Соборе кажется странным». Ввиду этого, а также замечаемого сходства содержания, отчасти даже выражений Стоглава и Челобитной, является предположение, что Челобитная, вероятно, была написана до Собора 1551 г. и послужила вместе с другими данными материалом для Стоглава» (стр. 9). Г. Кунцевич издал послание по трем спискам: 1) Публ. библ. имени Ленина в Москве, б. Румянцовского музея, собр. И. Д. Беляева № 11 (1517), XVII в. 2) Публ. библ. имени Ленина в Москве, б. Румянцовского Музея № CCCCLX. 3) Публ. библ. в Ленинграде, Q I, № 1405. К этим трем спискам мы можем присоединить четвертый в ркп. б. Архива мин. иностран. дел, собр. Мазурнина № 930, XVII в., а 16—20 об. Госуд. архива Феола.-крепостн. эпохи в Москве.

² Заимствованным из Максима Грека является следующее место:

Послание монахов

Максим Грек

.. многоценнѣхъ и красныхъ мира сего ничто же имуще, во еже принести благовѣрному царствію твоему; токмо приносимъ много-трудное моленіе твоему благородію, его же приѣмъ со обычною тихостію твоею, возри во свои богомоли... (стр. 12 по изд. Кунцевича).

Инѣ убо ино что отъ многоцѣнныхъ и маловременныхъ красныхъ міра сего мимоходящаго да принесетъ благовѣрному царствію твоему, азъ же убогій, ихъ же стяжахъ, лучшее, глаголю же, слово, растворенное солю писанною приѣмъ тебѣ царю преславному, его же и приѣмъ со обычною тихостію твоею, воздаруй ми рабу твоему и богомольцу нищему еже во Святую гору возвращеніе.. (Каз. изд. II, 355, 356).

было одинаково довольно для всех—те, говорится в послании, «своего радѣ чревообъяденія таковая вѣщаютъ»; они привыкли устраивать пиры и в обществѣ мирскихъ людей искать удовлетворенія своему тщеславию: «обыкли бо сѹт пирове наражати и мирскимъ челоувѣкомъ соводворятися и отъ нихъ тщетныя хвалы желающе приимати,¹ да егда мирстїи челоувѣцы они, честь прїемше, другъ со другомъ сошедшеся, глаголютъ: «вчера убо или ономъ дне быхъ въ ономъ монастыри и велїю честь воспрїяхъ; игуменъ въ немъ вельми добръ и зѣло очестливъ, не токмо самому честь воздаде, и слуги моя различнымъ питїемъ упоени быша». А что пользы в этом? Многие монастыри запустили от этихъ похвалъ гостепрїимству игуменовъ. Начальники монастырей дадутъ богу отвѣтъ за свою жизнь и за то, что подвластными «убогая братїя мнишескаго чину во всѣхъ онѣхъ презераемы телесне и небрегомы духомъ, скитаются безпутїемъ, яко овца, неимуща пастыря». Монахи отвѣчаютъ далее: если всемъ в монастыре нельзя предоставить равнаго довольства, то почему архимандриты и игумены не могутъ жить «безъ прохлажденїя». Конечно, если самъ игуменъ станетъ питаться хлебомъ и водой, то вся братїя безъ негодованїя и ропота, съ радостїю последуетъ его примеру. Замечанїе, будто Кирилловъ и Иосифовъ монастыри не могутъ служить для всехъ образцомъ, какъ монастыри богатые, несправедливо: эти обитатели только въ послѣдствїи разбогатѣли, сначала они жили въ скудости и темъ не менѣе равенство въ пищѣ строго соблюдалось. Въ заключенїе монахи просятъ царя не прогнѣваться на нихъ убогихъ «еже много вѣщаемъ къ твоему благородїю» и указываютъ, что они молятъ царскую державу не объ изобилии въ пищѣ и питїе, а о равенствѣ: «не о множествѣ бо потребныхъ пекущеся молимъ твое деръжавство, дабы на братїю яденїя или питїя много было и прѣизлишно, нѣсть тако, не буди сего, господи!—но² о равенствѣ и о общемъ пребыванїи: аще воздержанїе, да вси имуть равно; аще недостатки, то вси купно потерпятъ, аще ли прохладженїе, то все же равно, а не два или три въ монастыри покоины были, а всей братїи тыщета и униженїе». Посланїе заканчивается словами: «Приклонися, христолюбче, господа ради, къ³ умильнымъ симъ моленїемъ къ твоей богомъ хранимѣй державѣ исполнити такое прошенїе въ конецъ».⁴

¹ Испр. по ркп. Публ. библ. им. Ленина въ Москвѣ, б. Румянц. муз. № CCCCLX; въ ркп. собр. Беляева (Рум. муз.) № 11 (1517): прїимающе.

² Испр. по ркп. Публ. библ. им. Ленина въ Москвѣ, б. Рум. муз. № CCCCLX; въ ркп. собр. Беляева ошибочно: не.

³ Испр. по ркп. б. Рум. муз. № CCCCLX и собр. Мазурина № 930; въ изд. Кунцевича. ошибочно: ѹ.

⁴ Г. Кунцевич. Челобитная иноковъ царю Ивану Васильевичу, стр. 12—19. СПб., 1912.

Должно быть, просьба подмосковных монахов дошла до царя. Царский вопрос 8 вполне отвечает ей, обращая внимание наряду с широкой жизнью архимандритов и игуменов на скудное, тяжелое существование простой братии. И ясно, что послание монахов по содержанию и позиции своей стоит к большей части вопроса 8 гораздо ближе, чем обличения Максима.

12-й вопрос «о милостынѣ»¹ посвящен нищим и убогим. Здесь говорится, что богадельни по городам получают милостыню и корм годовой из казны, получают также милостыню от частных благотворителей, но в заведывании ими допускаются злоупотребления: «вкупаются у прикащиковъ мужики съ женами, больныхъ мало», — «а нищие и клосные и гнилые и престарѣвшіи въ убожествѣ гладъ и мразъ и зной и наготу и всякую скорбь терпятъ, и не имѣють, гдѣ главы подклонити, по миру скитаются, вездѣ ихъ гнушаются, отъ глада и отъ мраза въ недозорѣ умирають и безъ покаянія и безъ причастія, никимъ небрегомы». Нарисовав такую картину, царь спрашивает: «на комъ тотъ грѣхъ възыщется?». Забота о нищих и убогих напоминает, конечно, Максима Грека, но ни в постановке вопроса, ни во внешней его форме нет черт, которые давали бы основание к установлению здесь более тесной зависимости. Максим Грек так же, как и Вассиан, дело призрения нищих и убогих считал одним из первых дел церкви, для которого, главным образом, предназначено церковное имущество, между тем как царь лишь осторожно намекает на необходимость участия церкви в помощи обездоленным, да и то, повидимому, представляя ее лишь в виде помощи религиозной, в виде исповеди и причастия. Именно так поняли бы этот вопрос членами собора, что видно из ответа на него, данного в гл. 73. В вопросе 15 «О монастырехъ, иже пусты отъ небреженія» царь говорил, что монастыри увеличивают свои владения, то получая вотчины и села на помин души, то прикупая, то выпрашивая у самого царя («а иное угодие у меня припрашиваютъ»), однако количество монастырской братии не растет, а напротив падает; да и та братия питается более скудно, чем прежде, и кроме того «строенія въ монастырехъ ни котораго не прибыло и старое опустѣло». Царь спрашивал по этому поводу: «Гдѣ тѣ прибыли и кто тѣмъ корыстуется?». Далее в том же вопросе указывалось, что монахи имеют тарханские, несудимые и льготные грамоты и пользуются правом беспошлинной торговли, что они живут по селам и ведут в городе тяжбы о земле — допустимо ли это? И наконец, получая села и имения, монахи не исполняют своих обязанностей по отно-

¹ Стоглав. Изд. 3-е, стр. 30. Казань, 1911.

шению к благотворителям, не совершают поминовения вкладчиков и их родителей. «Кто о семъ истязанъ будетъ въ день страшного суда?» снова спрашивает царь. Хотя отдельные пункты этого вопроса близки к обличениям Максима Грека, как, например, указание на выпрашивание монахами имений у представителя верховной власти, на их жизнь по селам, и тяжбы в городе, однако эта близость носит довольно общий характер: такие же обличения принадлежат, как мы знаем, и Вассиану. С другой стороны, 15-й царский вопрос стоит на той же позиции, как и 8-й, т. е. говорит о тяжелом положении монастырской братии, а не крестьян. Затем, обязанности, налагаемые на монахов владением вотчин и сел, с точки зрения вопроса, не идут далее добросовестного поминовения. Важный шестнадцатый вопрос «О церковныхъ и монастырскихъ денгахъ» приведу дословно полностью: «О церковной и монастырской казнѣ, еже въ росты дають, угодно ли се богови, и что писание о семъ глаголетъ: божественное писаніе и миряномъ резоиство возбраняеть, нежели церквамъ божимъ денги въ росты давати, а хлѣбъ въ наспы; гдѣ то писано во святыхъ правилехъ? о семъ пишеть: церковное богатство — нищихъ богатство и прочимъ на потребу, якоже пишеть». Высказав, что церковное богатство составляет достояние нищих, царь в этом вопросе ближе всего подошел к точке зрения нестяжателей; недаром собор в своем ответе на данный вопрос игнорировал приведенную царем мотивировку, а кроме ссылки на писание и правила, вообще запрещающие «резоиство», выставил указание на экономическую выгоду самих епископов и монастырей: «и того ради отнынѣ, постановил собор, по священнымъ правиломъ свягителемъ и всѣмъ монастыремъ денги давати по своимъ селомъ своимъ хрестьяномъ безъ росту и хлѣбъ безъ наспу того для, чтобы за ними хрестіане жили и села бы ихъ были не пусты». Однако, перечитывая 16-й царский вопрос, трудно найти в нем, кроме общей близости к нестяжателям, каких-либо специальных черт, которые давали бы повод к более определенным сближениям. Любопытно между прочим, что выражение «хлѣбъ въ наспы» не встречается ни у Максима Грека, ни у Вассиана. Итак можно решительно утверждать, что мы не имеем никаких оснований говорить о непосредственном влиянии Максима Грека на составление рассмотренных царских вопросов.

Тут важно общее влияние обличений Максима на современников, которое, судя по всему, было значительно. Максим Грек после Вассиана был самым ярким поборником нестяжательности, голос которого не только не умолкал после суда над ним и в малолетство Грозного, но оставался таким же твердым. Сочинения Максима, обличающие монашество и духо-

венство, вошли в сборник слов, составленный самим автором, и при жизни его получили широкое распространение. Настроение общества было подготовлено этими сочинениями. Сознание необходимости реформы как монастырского, так и церковного быта нарастало даже в правящей среде. Жизненность обличений Максима была велика.

§ 7. И светские правящие феодалы нашли свое место в обличениях Максима Грека. Это замечательно тем более, что взаимная культурная близость между Максимом и виднейшими представителями московского боярства двух поколений вне всякого сомнения. Достаточно назвать красноречивые имена И. Н. Берсенья-Беклемишева, кн. Вассиана Патрикеева, Ф. И. Карпова, кн. П. И. Шуйского, кн. Курбского и др., чтобы вспомнить, насколько тесны были эти связи. Но дружба и близость с лучшими представителями боярства не заслонила от взора Максима отрицательных явлений и фактов в деятельности правящего слоя. Раскрытию их посвящены два произведения: 1) «Слово о неизглаголаннѣмъ божіи промыслѣ, благости же и челоуѣколюбіи, въ томъ же и на лихоимствующихъ» и 2) «Слово, пространнѣе излагающе, съ жалостію, нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія.» Оба произведения, как надо думать, относятся по времени своего возникновения к эпохе середины и конца 30-х годов XVI в., т. е. к ранним годам малолетства Грозного.

§ 8. Первое Слово¹ интересно, главным образом, как обличение злоупотреблений в суде. Сначала Слово говорит о промысле божием в отношении человека и проявлении его, начиная с Адама в течение всего ветхого завета. Изображая дары благодати и челоуеколюбия божия, Максим ставит затем вопрос, как благодарим мы бога за эти «дарованія»: «Мы же окаянніи и неблагодарнии, что противу сихъ безчисленныхъ его преблагихъ дарованій воздаемъ ему?»² и отвечает на него новым вопросом: «Мы же, такового преблага и щедра владыку имуще и спаса, и толик их богоданныхъ дарованій отъ него сподобльшеся, чесо ради сице безумно и неблагодарственно прилежимъ къ нему, и ниже, аки сынъ славить отца своего, славимъ его, ниже, аки рабъ боится господина своего, не боимся его, но всякими образы безчествуемъ его и лють огорчеваемъ, попирающе спасительныя заповѣди его и якоже языцы незнающе бога жителствующе?»³ Максим заявляет, что упреки в нарушении заповедей относятся и к тем, кто является носителями власти. «Кто же не и мы, елицы во властѣхъ

¹ Это Слово следует считать написанным около 1537 г.

² Каз. изд., II, стр. 197.

³ Ibid., стр. 198.

и начальствѣхъ есме, — говорит он, — не подѣ тѣми же ли укореніи и клятвѣ подлежаимъ, иже отринувше вѣру, не яже во Христа бога нашего, да не будетъ, но еже вѣровати и послушати владычныхъ заповѣдей». . .¹ И эти слова служат переходомъ ко второй части произведения, которая дает картину злоупотреблений и злодеяний, творимых органами административно-судебной власти. Несмотря на обобщенность своей литературной формы, картина эта, без сомнения, относится къ Московскому государству. Изображаются порядки православной державы въ противоположность ляхамъ и немцамъ, «иже, аще и латина суть по ереси, но всякимъ правосудіемъ и челоувѣколюбіемъ правятъ вещи подручничювъ. Гдѣ у латинумудренныхъ онѣхъ обрящеши сицевъ образъ неправосудія, яковъ же нынѣ есть держаемъ у насъ православныхъ?»² Что речъ идет не о православныхъ вообще, а именно о Московской Руси, на это указываетъ упоминаніе «благовѣрнаго царя»³ и «благовѣрной державы». Максим Грекъ говоритъ: «Познаимъ убо и мы себе и отступимъ всякія злобы нашея, неправды, лихоиманія, гордости сатаническія, блуженія содомскаго и гоморскаго, очистимъ увѣренную намъ отъ всѣхъ бога и владыки благовѣрную сію державу, очистимъ отъ всякаго беззаконія, неправданія же и жиловскаго сребролюбія и лихоиманія.»⁴ Прежде всего Максимъ упрекаетъ власти въ несправедливомъ судѣ вообще, во взиманіи мзды съ правого и виноватаго: «мы, елицы во властѣхъ и начальствѣхъ есме, — говорит он — . . . ниже судъ (псир. вм.: суть) праведно судимъ, ниже милость являемъ ко обидимымъ и требующимъ помощи, но приносящему намъ множайшу мзду, или обидя или обидимъ, обои слухи даемъ ему. волею преслушающе страшнаго судію, претящаго намъ своимъ пророкомъ, глаголющемъ: горе оправдающимъ нечестиваго мзды для и праведное праведнаго вземлющаго.»⁵ Максимъ обвиняетъ далее судей и наместниковъ не только въ нарушеніи правосудія, но и въ допущеніи со стороны ихъ слугъ вопіющихъ злодеяній, въ томъ, что эти агенты власти подкидываютъ ночью вещественныя улики преступленія въ дома состоятельныхъ людей или бросаютъ трупъ мертвого человека посреди улицы, чтобы затемъ начать дело об убійствѣ и съ корыстной целью подвергать допросу не только одну улицу, но целую часть города, въ которой произошло мнимое преступленіе. Вообще наши власти, ведающіе управленіе и суд, разжигаемые ненасытнымъ сребролюбіемъ, по словамъ Максима, «обидятъ,

¹ Ibid., стр. 199.

² Ibid., стр. 201

³ Ibid., стр. 199.

⁴ Ibid., стр. 208

⁵ Ibid., стр. 199

лихоимствуютъ, хитятъ имѣнія и стяжанія вдовиць и сиротъ, всякія вины замышляюще на неповинныхъ».¹ они и бога не боятся и людей не стыдятся, окрест живущих, т. е. ляхов и немцев, которые несмотря на свою латинскую ересь соблюдают правосудие и управляют подданными на основании «градскихъ законовъ»,² установленных царями Константином Великим, Феодосием, Иустинианом и Львом. Бог заповедал праведно судить, а наши «властеліе и судіи» отвергают это повеление, и Максим Грек приводит еще один определенный вид нарушения правосудия. Он указывает на злоупотребление «полем», т. е. поединком для решения тяжб. Властели и судьи из корыстных побуждений не принимают единодушного свидетельства целого города против обидчика, но велят тяжущимся разрешать спор оружием, и кто победит, хотя бы на самом деле он был обидчиком, того и признают правым. Максим Грек добавляет при этом любопытные черты для изображения «поля»: он указывает на приглашение той и другой стороной особых «полевщиковъ», а также чародеев и ворожей. «Повелѣно убо, — говорит он, — оружіи разсудитися тяжбѣ: взыскуется отъ обою достобраненъ полевщикъ. взыскуется отъ обидящаго и чародѣй и ворожея, иже возможетъ дѣйствомъ сатанинскимъ пособити своему полевщику».³ Максим Грек решительно высказывается не только против злоупотреблений «полем», но и против самого «поля», как средства решения тяжб, заявляя, что такого безумного обычая нет даже у неверных; даже у них всякая тяжба разрешается или показаниями достоверных свидетелей или клятвой. Сопоставление наших судебных порядков и обычаев с судом у неверных вызывает у Максима Грека горькое чувство: «Коликихъ убо слезъ и рыданій достойно есть, егда у невѣрныхъ убо божіе повелѣніе и оправданіе, еже о судѣ глаголю, правѣ и прямѣ и якоже богомъ изначала уставися, исполняется и твердѣ соблюдается, у насъ же благовѣрныхъ презираемо есть и попирается».⁴ Распирая и обобщая свои обличения, Максим Грек приходит к печальному выводу, что нет ни одного вида «лихоимства и хищенія», который бы не совершался у нас «безстудно и безъ боязни»: «вездѣ разбойники и душегубцы и татіе и хищницы и насильники и росты на росты немилостивіи, совершенну нищету наводяще бѣднымъ должникомъ».⁵ Гнев божий угрожает нам на эти беззакония. Нужно помнить о судьбе знаменитых царств древних народов, ассирийцев,

¹ Ibid., стр. 200.

² Ibid., стр. 201.

³ Ibid., стр. 202.

⁴ Ibid., стр. 203.

⁵ Ibid., стр. 206.

вавилонян, персов, македонян, эллинов и римлян — эти царства «не вся ли истребишася и до конца погасоша всяческих ради ихъ неправдоу, блуждений же и гордыней».¹ Максим Грек призывает обличаемых исправиться самим, отступить от всякой злобы, неправды и других пороков и очистить благоверную державу от всякого рода беззаконий. В конце Слова автор опять возвращается в вопросу о суде и призывает правителей соблюдать справедливость в управлении и хранить правый суд: «О, благовернѣйшии царіе и князе и бояре и судіи земстїи», — говорит он, — «со страхомъ божїимъ и правдою правите вещи подручниковъ, ненавидяще всяко мздопрїятіе, да можете и вы молитися къ праведному судіи и глаголати со дерзновенїемъ: сотворихъ судъ и правду, не предаждь мене обидящимъ мя. Уразумѣйте силу краткія сея молитвы праведнаго и чуднаго сего царя, яко ни едину ину добродѣтель свою, ни день, ни бдѣние всенощное, ни молитву многосрочну, не слезы предлагаетъ на умоленіе страшнаго судіи, но точїю сіе, что правымъ судомъ и правдою судилъ увѣреннымъ ему людемъ божїимъ и исправилъ яже о онѣхъ кромѣ всякого лихоиманїя».² Слово завершается призывом следовать примеру царя пророка Давида, указанием на награду, ожидающую праведника в земной жизни и будущей, и возмездие, предназначенное тем, кто не украсит себя одеждой, сотканной из дел правды и милосердия.

Призывы к праведному суду и обличения суда неправедного не были новостью в русской литературе. Из эпох предшествующих особой напряженностью моральной и политической мысли в этом направлении был отмечен XIII век. Не говоря о Серапионе Владимирском, поучавшем между прочим отступить «скверныхъ и немилостивныхъ судовъ» и обличавшем расправу с ведьмами посредством испытания водой, мы остановимся на важнейшем памятнике XIII в., который не только объединил все данные тогдашней переводной письменности церковного и дидактического характера по вопросу о суде, но и включил в свой состав отдельные элементы нашей оригинальной публицистики на ту же тему. Имею в виду первую часть юридического сборника, известного под названием Мерила Праведнаго, во второй своей части заключавшего различные юридические статьи, Русскую Правду, Устав Владимира Мономаха и проч. Древнейшая редакция первой части, представленная ркп. Публ. библ. им. Ленина в Москве, бывш. Троицкой лавры № 15—2026, XIV в.,³ а также ркп.

¹ Ibid., стр. 208.

² Ibid., стр. 210.

³ Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Лавры, ч. I, стр. 28—33. М., 1878.

Государственного Исторического музея, б. Синодальной библиотеки № 524 (1582 г.), № 525 (XV—XVI в.), сложилась не позднее второй половины XIII в.¹ Надо думать, она сложилась и не ранее второй половины этого века, так как к этому времени, повидимому, относится находящееся во всех указанных списках «Наказаніе Семена, епископа тверскаго» (ум. в 1289). После поучения к неизвестному великому князю (называемому в разных рукописях различно: то Михаилом, то Дмитрием, то Василием, то Ярославом), первая часть Мерила заключает в себе главнейшим образом выписки из различных переводных произведений: из книг священного писания, из отцов церкви, из житий, из Шестоднева и Пчелы и других произведений византийской письменности. В них развиваются общие мысли о суде, которые в самом существенном могут быть сведены к следующему. Право суда, данное царям и князьям, это — дар божий, талант божий, за который они ответственны перед богом. Вспоминается царь Давид, который учит судить справедливо, не по мзде. Чтобы разуметь правду и истину и «исправить» суд, необходимо вникать в поучения притч; и вообще чтобы праведно судить, нужно познать сначала правду. Только познавший истинную правду может творить праведный суд: «а истинныя правды не имѣя, преже лежащія въ души его, но имѣніемъ растлѣнъ или любленіе подая, или вражду муча или силою умоленъ бывая, суда исправити не можетъ» (из отрывка «О исправленіи суда», л. 52 об. в ркп. б. Син. библ., № 525, теперь в Гос. Истор. музее). Добродетель борется с грехом, добро со злом; задача праведного суда заключается в том, чтобы способствовать победе добра над злом. Право судить тесно связано с ответственностью, с судом над самим собой, согласно евангелия: «имъ же судомъ судите, судитесь вамъ, ею же мѣроу мѣрите, отмѣрите вы ся.» Словами разных цитат Мерило Праведное неоднократно обращается с призывом к праведному суду, восстает против насилия над вдовами, сиротами, пришельцами и убогими, напоминает, что зло, творимое судьями, «возопіетъ къ богу», насильников покарает «мечь ярости» и «плѣненіе». Та же «ярость господня» ожидает вообще людей, емлющих мзду и неправедно судящих. Горе им! Суд должен быть нелицемерен. Судья не должен слушать клеветы, должен проверять обвинение показаниями нескольких свидетелей, должен разузнать о «житіи» и «праве» обвиняемого (л. 25, 25 об.). Помимо этих мыслей, стоящих вне связи

¹ Акад. М. Н. Сперанский. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. Исследование и тексты, стр. 316—320, Москва, 1904. О Мериле Праведном см. также Н. Калачев, Мерило Праведное, Архив ист.-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым, кн. первая, отд. III, стр. 28, Москва, 1850. Филарет. Обзор духовной литературы, стр. 61.

с временем и местом, в Мериле Праведном встречаем мы и некоторые элементы, находящиеся в непосредственном явном взаимоотношении с русской жизнью. Таковы, кроме «Наказания епископа Семена»,¹ «Слово отъ лѣтописца» и «Наказаніе княземъ, иже дають вѣлость судіамъ небогобойнымъ и лукавнымъ мужемъ».² «Слово отъ лѣтописца» — посвящено не столько вопросу о суде, сколько о княжеской власти, в данный же момент для нас особенно важны оба наказания.

В Наказании епископа Семена рассказывается, как князь полоцкий Константин, по прозванию Безрукий, однажды во время пира, желая укорить своего тиуна, при всех спросил епископа тверского Семена: «Владыко! гдѣ быти тивуну на ономъ свѣтѣ?» Епископ ответил. «Гдѣ и князю». Ответ этот не понравился князю и он сказал епископу: «Тивунъ неправду судить, мзду емлет, люди продаетъ, мучить, лихо все дѣть, а аз же что дѣю?» Епископ объяснил, что добрый богобоязненный князь избирает в тиуны или волостели человека доброго и богобоязненного, разумного, праведного, поступающего по закону божію и «судъ вѣдуща». И тогда и князь и его тиун попадут в рай; если же князь чужд страха божия и милосердия, тогда «поставляеть тивуна или коего волостеля челоуѣка зла, бога не бояшася и закона божіа не вѣдуще и суда не разумѣюще толико того дѣля, абы князю товара добывал, а людій не щадить, аки бѣшена челоуѣка пустилъ на люди, давъ ему мечъ, тако и князь давъ вѣлость лиху челоуѣку губити люди.»³ Такой князь и тиун с ним будут в аду. Конечно, основная мысль данного Наказания сводится к ответственности князей перед богом за отправление суда в их области, за поставленных ими судей, но особенно важно, что эта мысль приводится здесь в живое соприкосновение с русской действительностью XIII в. и в результате дается силуэт полоцкого тиуна, не лишенный четкости. «Наказаніе княземъ, иже дають вѣлость судіамъ небогобойнымъ и лукавнымъ мужемъ» выражает в сущности сходные мысли, но с еще большей определенностью. С одной стороны, оно развивает положение о божественном происхождении власти, доходя до ее обоготворения, с другой — говорит об ответственности князей за поставляемых тиунов и дает яркое изображе-

¹ Изд. по ркп. 6. Троицкой лавры, № 15 — в Памятниках старинной русской литературы, IV, стр. 185. Кроме того, по другим ркп. напечатано Карамзиным (История государства российскаго, т. IV, прим. 178) и арх. Варлаамом (Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерскаго монастыря, стр. 66. Ученые Записки второго отд. Академии Наук, кн. V, 1859).

² Изд. в Памятниках старинной русской литературы, IV, стр. 184.

³ Ркп. Гос. Истор. муз., 6. Син. библ. № 525, л. 77, об. 78. Ср. Пам. стар. русск. литературы, IV, стр. 185.

ние тиунской неправды. «Вы, — обращается наказание к князьям, — в себе мѣсто поставляете власти и тивуны, мужи небогобоины, язычны, злохитры, суда не разумѣюще, правды не смотряще, піани судяще, спѣшаще судомъ, а богъ повелѣлъ не единомъ днемъ вещь испытати».¹ Пострадавшие от несправедливостей судей жалуются князю, но князь, к которому обращено Наказание, не карает своего тиуна «держа истину в неправдѣ, любя незаконныя прибитки, и тѣхъ дѣля напустивъ злаго судію на люди.»² Наблюдаемое явление представляется автору Наказания настолько красноречивым, что для завершения его характеристики он берет образы из запаса житейской мудрости, отлившейся в афористическую форму: «Писано есть не добр позоръ лисица в курѣхъ и нелѣпо л(ѣ)ву овци паствити, единъ вѣлькѣ всю чреду възмутить, одинъ тать на всѣ стороны мерзить; царю неправедну, всѣ слуги под нимъ незаконны суть».³

Сходно с только что рассмотренными и другими статьями Мерила обсуждается вопрос о суде в Слове о судьях и властелях, которое приписывалось митр. Кириллу (XIII в.),⁴ но на самом деле ему не принадлежит,⁵ и при сопоставлении с отдельными статьями Мерила оказывается памятником совершенно не оригинальным, а объединяющим в своем составе отрывки разных частей Мерила. На неоригинальность Слова было уже отчасти указано. Было указано в качестве одного из источников его «Слово Сирахово на немилостивые цари».⁶ Но с этим нельзя согласиться. Состав Слова почти целиком объясняется из элементов, восходящих к следующим статьям Мерила: 1) «Слово святого и великаго Василия о судіяхъ и клеветахъ».⁷ Нач: «Святыи Константинъ рече...», ср. со стр. 372, 373 и нач. 368 текста Слова о судьях и властелях;⁸ 2) «Наказание княземъ, иже даютъ вѣлость судіамъ небогобойнымъ и лукавнымъ мужемъ»⁹ — ср. со стр. 370, 371; 3) «Павла апостола о властелехъ». Нач. «Глаголетъ писаніе:

¹ Ркп. б. Син. библи. № 525, л. 76 об. Ср. Пам. стар. русск. лит., т. IV, стр. 184.

² Ibid.

³ Ркп. б. Синод. библи. № 525, л. 77. Ср. Пам. стар. русск. лит., IV, стр. 184.

⁴ Вл. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти, стр. 126, прим. 3, Пгр. 1916.

⁵ Макарий. История русской церкви, т. V, стр. 407.

⁶ Вл. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти, стр. 129.

⁷ «Слово святого и великаго Василия о судіяхъ и о клеветахъ» было издано Н. Калачовым. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды, вып. первый, изд. второе, СПб., 1880, стр. 238—242.

⁸ Православный Собеседник, 1864 г., ч. I. Полное заглавие Слова о судіяхъ и властелехъ: «Слово, святого отца нашего Василия, архіепископа Кесарійскаго, о судіяхъ и властелехъ».

⁹ Издано в Пам. стар. русск. лит., IV, стр. 184.

властели яри суть. . . », ср. с началом стр. 372. Итак Слово о судьях и властелях — произведение, возникшее под влиянием Мерила и, вероятно, вскоре после появления его. Небольшая сравнительно оригинальная часть Слова на стр. 369 интересна тем, что вводит некоторые новые изобразительные черты, рисуя уже знакомого нам несправедливого тиуна: «Иже без правды, — говорится здесь, — тивунъ кого осудивъ продасть, и тѣми кунами купить себѣ ясти же и пити и одѣяніе себѣ, и вамъ (князьям) тыми же кунами строить обѣды и пиры, и се, яко же рѣхъ, стадо христово вдали есге татемъ и разбойникомъ, иже бо ножемъ заклаша, се есть, несправеднымъ судомъ осуждаютъ; а иже мяса ихъ ядятъ, — продающе на кунахъ; а иже кровь ихъ пѣютъ, — упиваются безъ урока, продающе сироты; а иже овчинами одѣяніе себѣ стваряють, — иже дома ихъ искореняють, жены и дѣти продающе иноплеменикомъ. Вы же причастницы имъ есте и сообщеницы по всему, якоже глаголетъ пророкъ: князи твои обещници татемъ» (стр. 369, 370). Усиленное внимание памятников XIII в. к обличению несправедливости было обусловлено, надо полагать, многими причинами. В качестве одной из них указывают на получение митр. Кирилломъ II во второй половине XIII века из Болгарии славянской Кормчей с толкованиями и думают, «что славянская Кормчая возбудила или, по крайней мере, возобновила в русском обществе интерес к вопросам церковного права, а через то и к вопросам права вообще».¹ Но, конечно, это одна из производных причин, в свою очередь требующая объяснения, которое можно видеть в той широкой, организующей деятельности, какую в первые десятилетия после татарского нашествия развивало в северо-восточной Руси высшее духовенство, группировавшееся около митр. Кирилла II (или III, как думает Голубинский) и участвовавшее во Владимирском соборе 1274 г.² Такова одна сторона дела. Но внимание к ненормальностям в области суда, как видели мы, носит не только отвлеченный, но и глубоко жизненный характер, и заставляет думать, что или сами злоупотребления обострились, или стали для массы более чувствительными. Это предположение в свою очередь нуждается в подтверждении и объяснении, которое следует искать в несомненном углублении классовых противоречий, наблюдаемом в северо-восточной Руси во второй половине XII в. и в XIII в.

От последующего времени XIV и XV вв. мы совсем не имеем сколько-нибудь оригинальных обличений несправедливости. Те призывы милостиво

¹ Вл. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти, стр. 122, 123. Пгр. 1916.

² Голубинский. История русской церкви, т. II, перв. пол., стр. 50—89.

судить и не нарушать справедливости, которые попадают иногда в поучения митрополитов, носят слишком бесцветный характер. Это — какие-то стереотипы, унаследованные издавна и не оживленные чувством современности. Для иллюстрации данного положения достаточно нескольких цитат. В XIV в. митр. Алексей (ум. в 1378) в своем Поучении «отъ апостольскихъ дѣяній къ христолюбивымъ христіаномъ» лишь немногими словами касается суда: «А князи и боаре и вельможи, судите судъ милостивно: судъ бо безъ милости есть не створипему милости, хвалится милость на судѣ; мзды неповинныхъ не пріимайте и не на лица судите, судъ бо божій есть судите людемъ въ правду, и вдовицъ и сиротъ и пришлецъ не обидите, да не взопіють на васъ къ богу».¹ Из XV в. можно упомянуть митр. Фотия, который в своих посланиях между прочим не раз затрагивал тему о суде. Так, в послании в Псков по случаю моровой язвы (в 1426 г.) он говорит, обращаясь к властям города: «Вамъ же, посадникомъ и властелемъ всѣмъ, вмалѣ же воспоминаая, учительно глаголю: отъ господа како дана есть на вы власть и сила отъ вышняго; и сего ради должници есте работати господеви, а не челоувѣкомъ, а ниже лихвамъ и прибиткомъ неправеднымъ желѣюще, милованіе же и заступленіе и правду всяку показующе къ господнимъ людемъ, со всякимъ смиреніемъ и любовію, и судъ же всякъ божія правды имѣюще, и помняше, егда будетъ нелицемѣрнаго и немздоимнаго суда воздаяніе; и сего ради никако превращая суда убогаго, ниже стыдѣнія имуще лица силнаго, понеже бо рече: «судъ жестокъ владальцемъ бываетъ»...² Такой же призыв с аналогичной мотивировкой находим мы в другом послании Фотия, в «послании Литовскими православнымъ священникамъ и мирянам, при вторичномъ вступлении его в управление Западно-русскою церковью» (1419-1430 г.): «Вы же, благородніи князи и велможи, иже народъ христова людства, врученный вамъ сущен, молю непреложно благодѣтельство всяко и заступленіе стяжати, и помощь всяку благу къ христовымъ людемъ... И сего ради молю вы, чяда моя, зрѣти сихъ и блюсти въ соблюденіе всякое христовыхъ заповѣдей, и такоже о христовѣ людствѣ съблюденіе имуще, и во всемъ сдержаше нелицемѣрный судъ божія правды, ибо яко «держава дана есть вамъ и сила отъ вышняго»; и вси же убо, елико власти съдержаша, молю вы радими

¹ Прибавления к изданию творений святых отцев в русском переводе, год пятый, стр. 33, 34, М., 1849. Поучение, как думает Голубинский, написано митр. Алексеем при званіи им митрополитчѣй кафедрѣ, т. е. в 1354 г. — История русской церкви, т. II, первая полов., стр. 188.

² Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссіею, т. VI, № 53, стлб. 470, 471. СПб., 1880. Послание издано также в Актах исторических, т. I, № 30.

бывайте, великаго паче словесе христова евангельскаго смотряще: «не на лице судъ судите, сынове человѣчѣстїи, но праведенъ судъ судите, имъ же бо, рече, судомъ судите, судится вамъ, въ ню же мѣру мѣрите, взъмѣрится вамъ;» и убо, чяда моя, немилостивымъ владальцемъ судъ напрасенъ бываетъ, и державнымъ же паки и сильнейшимъ грозное отъ праведнаго судїи належить испытаніе; и яко же убо правосудство, тако же и правомѣріе любить богъ, праведенъ бо сый и промысляяй праведнымъ. И о семъ убо и пророкъ глаголетъ: «Накажитесь, рече, вси судящей земли». И паки пророческое же слово къ симъ глаголющее: «лживїи сынове человѣчѣстїи въ мѣрилѣхъ неправдующѣи! не уповайте на неправду и на въсьхищеніе чюжихъ не желайте, и богатство аще мимотекаетъ не прилагайте сердцю».¹

В приведенных цитатах как у митр. Алексея, так и у Фотия нет ни одной оригинальной мысли, которая не была бы уже известна Мерицу Праведному; мало того, это применение старых формул поражает своею бледностью.

Сделанный нами экскурс в область древнерусских поучений может дать известный исторический фон для понимания Максима Грека. Мы видим, что известную аналогию к рассматриваемому Слову представляют лишь произведения XIII в. Слово Максима сходно с ними по характеру, по своему открытому и смелому касанию к современности. И если необходимо отметить пределы этой аналогии, то следует сказать, что Слово Максима даже превосходит «Наказания» XIII в. своей реальной содержательностью.

В. С. Иконников,² говоря о данном Слове, привел целый ряд свидетельств из летописи о нарушении правосудия во второй половине XV в. и первой трети XVI в., по поводу которых могло быть написано Слово. Но связь, намеченная Иконниковым в чертах слишком общих, едва ли покажется достаточно убедительной, если не обратить внимания еще на одну сторону. Замечательно, что большинство летописных указаний на злоупотребления в суде во второй половине XV в. и первой трети XVI в. относятся к Новгороду и Пскову и несомненно вызваны столкновением централизующей тенденции Москвы с областной свободой. Любопытно, что в Слове Максима есть явный намек на областное приурочение подобных явлений, на связь их с западными окраинами. Судьи и начальники, посылаемые по городам, «хитятъ имѣнія и стяжанія вдовиць и сиротъ, говорит Максим, всякія вины замышляюще на неповинных, ни бога боящеся... ниже чело-

¹ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссией, т. I, № 183, стр. 344, 345. СПб.

² В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Изд. 2-е, стр. 442—448. Киев, 1915.

вѣковъ срамляющесе, окрестъ себе живущихъ, ляховъ глаголю и нѣмцовъ»...¹

Если Слово Максима написано около 1537 г., то оно является первым публицистическим выступлением против судебных злоупотреблений той эпохи. Этот протест против злодеяний, допускаемых наместниками и волостелями, или, как говорит Максим Грек, «судьями и аноипатами», посылаемыми в города, важен тем более, что Слово появляется в момент, непосредственно предшествующий губной реформе, которая в ограничение кормленщиков стала предоставлять городским и сельским обществам право самостоятельно через посредство своих выборных представителей разыскивать в своей среде и казнить лихих людей. Неудовлетворительность суда наместников и волостелей, с одной стороны, и необходимость бороться с разбоем, с другой — глубоко сознается в Московском государстве с конца 30-х годов XVI в. Если сопоставить рассказ Псковской летописи под 1541 г.² с показаниями губных уставных грамот (начиная с 1539 г.),³ то получится картина, которая вполне оправдывает свидетельства Максима Грека. Нам станут понятны и нарисованные им «судьи и аноипаты» и его слова: «у насъ же который образъ лихоимства и хищенія не дѣется безстудно и безъ боязни: вездѣ разбойники и душегубцы и татіе и хищницы и насильники»...⁴ Вместе с тем чрезвычайно интересно, что Слово указывает особый вид злоупотреблений в суде кормленщиков — подкидывание трупа с целью начать судебное разбирательство и создать повод для всевозможных поборов. Другой важный пункт обличений Максима относится к той форме древнерусского судебного процесса, которая известна под названием «поля». Максим Грек, как видели мы, высказывается не только против злоупотреблений «полем», но и вообще против этого способа решения судебных дел. В отношении к «полю» Максим, несомненно, сближается с митр. Фотием, также греком по происхождению, который уже в начале XV в. настаивал на моральном и религиозном осуждении участников «поля». В послании новгородцам (29 авг. 1410)⁵ он запрещает священникам давать причастие тому, кто вызывается «на поле»; убитого «на поле» предписывает не допускать в церковь, а убитого не хоронить, под угрозой лишения поповства. Правда, еще в послании, приписываемом митр. Петру (ум. 1326), говорится

¹ Каз. изд., II, стр. 200, 201.

² Полное собрание русских летописей, т. IV, стр. 304.

³ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. Изданы под редакцией А. И. Яковлева, М., 1909.

⁴ Каз. изд., II, стр. 206.

⁵ Акты Археографической экспедиции, т. I, № 369.

то же почти в тождественных выражениях, но подлинность этого послания вызывает справедливые сомнения.¹ Итак Максим Грек стоит на той же точке зрения, что и Фотий, но он гораздо ближе подходит к рассматриваемой форме судопроизводства. Он прежде всего указывает на два злоупотребления, связанные с «полем»: во-первых, присуждение «поля» судьями и властями из-за корыстных побуждений даже в тех случаях, когда против обвиняемого единогласно показывает вся масса свидетелей («аще и весь градъ предстанеть вопіюще и свидетельствующе на обидѣвшаго»)²; во-вторых, применение враждующими сторонами чародейства и волхования с целью помочь своему бойцу («полевщику»). Наконец, Максим высказывает осуждение «поля», как безумного обычая, не существующего даже у неверных, которые всякую тяжбу разрешают или показаниями достоверных свидетелей, или присягой. Только ради несправедливой корысти придумано у нас это «богомерское судилище». Выступление Максима против «поля» нашло себе красноречивый отзвук через несколько лет в законопроектах и законодательстве 50-х годов XVI в. 17-й вопрос так называемых вторых царских вопросов Стоглава целиком посвящен изображению тех суеверных волхований, к каким прибегали участники «поля». В то время как Максим Грек писал: «взыскуется отъ обидящаго и чародѣй и ворожея, иже возмо- жетъ дѣйствомъ сатанинскимъ пособити своему полевщику»,³ здесь, в 17-м вопросе то же самое описывалось подробнее: «Нѣщые же непрямо тяжутся и поклепавъ крестъ цѣлуютъ или образы святыхъ и на поле бьются и кровь проливаютъ. И въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творять, кудесы быють и во Аристотелевы врата и въ Рафли смогрять и по звѣздамъ и по планитамъ глядають и смотрятъ дней и часовъ, и тѣми дьявольскими дѣйствы миръ прельщаютъ и отъ бога отлучаютъ. И на тѣ чарованія надѣся, поклепца и ябедникъ не мирится и крестъ цѣ- луетъ и на поле бьются и поклепавъ убиваютъ».⁴ В ответ на этот вопрос собор постановил, чтобы правительством были приняты меры как против чародеев, так и против тех, кто станет пользоваться их услугами.⁵ Вместе с тем, как известно, Стоглав другими своими постановлениями принял меры к ограничению «поля»: 1) запрещено было присуждать «поле» священникам

¹ Памятники старинной русской литературы, т. IV, стр. 186—188. Сомнение в принадлежности послания митр. Петру высказано Е. Голубинским. История русской церкви, II, первая полов., стр. 118, 119.

² Каз. изд., II, стр. 201.

³ Каз. изд., II, стр. 202.

⁴ Стоглав, изд. 3-е, стр. 86, Казань, 1912.

⁵ Соответствующие распоряжения вскоре были сделаны: Акты исторические, I, 252.

и монахам по всем делам, кроме душегубства и разбоя с поличным; 2) «поле» совершенно устранялось из суда духовного. Таким образом безусловному принципиальному протесту Максима Грека соответствовали частичные компромиссные меры Стоглава, приводившие лишь к ограничению «поля», но мысль, выраженная Максимом, скоро вполне восторжествовала: акты с середины XVI в. постепенно осуществляли полную отмену «поля».¹

Публицистические тенденции Максима Грека, проводимые в Слове на лихоимствующих, не только свидетельствовали о верной ориентации автора в тогдашней социальной действительности и предвещали законодательство, но в то же время находили себе живой отклик и дальнейшее развитие в литературе того времени. Нам уже приходилось указывать в другом месте,² что Иван Пересветов (писавший около 1546—1549 гг.) останавливается на тех же конкретных проявлениях преступного корыстолюбия наместников и волостелей, какие знакомы нам по Максиму Греку. Теперь, когда становится яснее хронологическая последовательность данных выступлений, честь приоритета следует признать за Максимом. Некоторые важные аргументы Максима Грека также развивались в публицистике XVI в. Мы знаем, что лихоимству наших судей и правителей Максим Грек противопоставлял правосудие ляхов и немцев и даже шел далее, когда говорил о правосудии неверных народов (т. е. не-христиан). «Кто бо искони вѣка, — спрашивал он, — слышалъ дерзнути въ невѣрныхъ языцѣхъ толь богомерскій образъ лихоиманія, яковъ же нынѣ умыслися нашимъ властелемъ».³ О неверных вспоминает он и по поводу «поля». Контраст между правосудием неверных и нашей неправдой подчеркивается, как важный моральный мотив: «Коликихъ убо слезъ и рыданій достойно есть, егда у невѣрныхъ убо божіе повелѣніе и оправданіе, еже о судѣ глаголю, правѣ и прямѣ и якоже богомъ изначала уставися, исполняется и твердѣ соблюдается, у насъ же благовѣрныхъ презираемо есть и попирается».⁴ Как истый грек, Максим не упомянул, что под «невѣрными», соблюдающими правосудие, можно разуметь турок. Но общая мысль, им высказанная, явилась как бы предвестни-

¹ Ф. Дмитриев. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от судебника до учреждения о губерниях, стр. 252—254. М., 1859. — Ланге. Древнерусское уголовное судопроизводство в XIV, XV, XVI и полов. XVII в., стр. 203—210. СПб., 1884. — Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. Изданы под ред. А. И. Яковлева, М., 1909.

² И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 42, 43. М., 1908.

³ Каз. изд., II, стр. 200.

⁴ Ibid., стр. 203.

ком той идеализации турецких порядков, которая вслед за Западом получила блестящее развитие и у нас.¹

§ 9. Если «Слово о неизглаголаннѣмъ божіи промыслѣ, благиости же и челоувѣколюбіи, въ томъ же и на лихоимствующихъ» в своей обличительной части сосредоточивает внимание на органах административно-судебной власти на местах «во градѣхъ», то «Слово, пространство излагающе, съ жалостію, нестроения и безчинія царей и властей послѣдняго житія», написанное, судя по всему, между 1534 г. и 1539 г.,² имеет в виду центральное правительство, т. е. представителей верховной власти или тех, кто правит от ее имени. Такая тема делает вполне понятной не только обобщенность изложения данного Слова, но обуславливает и применение аллегорической формы. Прежде чем оценивать реальный смысл этого интересного произведения, я напому в общих чертах его содержание, стараясь держаться возможно ближе к тексту. Максим Грек разворачивает перед нами такую картину. Идя по трудному пути, исполненному многих страданий, встретил я женщину, сидевшую при пути, наклонив голову, горько и неутешно плакавшую. Одета она была в черную одежду, как подобает вдовам, а кругом ее были звери: львы, медведи, волки и лисицы. Я испугался этой странной и неожиданной встречи, однако осмелился подойти к женщине и спросить, кто она, каково ее имя, почему сидит она при этом пустынном пути и почему плачет. Женщина, тяжело вздохнув, отвечала: «Напрасно утруждаешь меня, путник. Прошу тебя, молча проходи мимо: мои невзгоды нельзя передать и люди их исцелить не могут. Не спрашивай, не старайся узнать, так как никакой пользы не будет тебе от этого, напротив только подвергнешь себя беде. К прочим многочисленным моим неизлечимым страданиям присоединилось то, что властвующие ныне мною, под влиянием своей жестокости, совсем не принимают полезных советов от своих доброжелателей, и от этого больше, чем от других своих страстей, сделали меня поругаемой, а сами оказались пленниками «живущихъ окрестъ ихъ». Поэтому, путник, иди радостно своей дорогой, не беспокойся обо мне, ты не можешь принести мне ни исцеления, ни пользы». Но я настаивал и, желая знать причину ее печали, говорил: «О, честнейшая среди жен, пусть я не могу

¹ Об идеализации турок в XVI в. на Западе и у нас см. Д. Н. Егоров. Идея турецкой реформации в XVI в. Русская Мысль, 1907 г., июль. — Ср. также: Слово об обретении мощей архиеп. Ионы, написанное Зиновием Отенским — Ф. Калугин. Зиновий, инок Отенский и его богословско-полемиические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894.

² Из содержания Слова ясно видно, что оно написано в раннюю эпоху малолетства Грозного, т. е. после смерти Василия III. (ум. 4 дек. 1533 г.) и при митрополите Данииле, т. е. до сведения его с кафедры 2 февраля 1539 г.

ничем помочь тебе, по крайней мере ты сама облегчишь свои страдания от томлящей тебя болезни, открыв ее, и я сам и все, кто услышит от меня об этом, получим не малую пользу; ведь если люди, слыша о чужих достойных похвалы успехах, стараются подражать им, то с другой стороны чужие невзгоды заставляют их остерегаться, чтобы не впасть в те же бедствия. Поэтому, молю тебя, говори смело, не скрывай ничего о себе». Тронутая этими просьбами, она подняла голову и, взглянув на меня, сказала: «Мне не хотелось, странник, рассказывать о себе, чтобы мой рассказ, будучи записан тобой, не навлек на тебя какой-нибудь напасти и ненависти со стороны тех, которые отворачиваются от истины и ненавидят поучения старцев, что более всякого другого общественного недуга («градского недугования») приводит к гибели человеческие начальства и власти. Но возлагая надежду на бога, я расскажу тебе все о причинах моей печали: может быть, некоторые благоразумнейшие, слыша об этом, исправятся и предпочтут то, что приносит славу, честь и рост их державы. Слушай же со вниманием о том, что ты хочешь от меня услышать. Я, странник, — одна из благородных и славных дочерей всех царя и владыки, у меня не одно имя, а несколько: меня называют и начальством и властью и владычеством и господством. Мое имя, как бы заключающее смысл всех этих имен, — Василия. Это имя я получила от высшего потому, что владеющие мною должны служить к укреплению и утверждению подвластных им людей, а не к пагубе и постоянному смятению. Так толкуется по-гречески имя Василии. Между тем многие не понимают этого и, недостойно моего царского наименования управляя делами подвластных и являясь мучителями, а не царями («мучители вместо царевъ бывше»), меня опозорили, ввергли в бедствия и болезни, получив от высшего возмездие за свое безумие». Слыша это, я бросился к ее ногам, поклонился ей скромно и благоговейно, прося простить меня, что по неведению с самого начала не воздал ей чести, подобающей царям, и вместе с тем молил ее сказать подробнее о причинах своей печали, чтобы я мог яснее понять все, что касается ее. Она, приветливо обратившись ко мне, сказала: «Так как, странник, я вижу, что ты, проникнутый ревностью по боге и нелицемерной любовью к людям, хочешь знать обо мне, чтобы своими внимательными расспросами принести пользу другим, то слушай дальше и пусть через тебя услышат все, кто по истине благоверен и стремится к бесконечному царствию божью. Меня, странник, дочь, как я сказала, царя и создателя всех, пытаются подчинить себе славолюбцы и властолюбцы; очень мало таких, которые по истине радели бы обо мне, украшали бы меня, и достойно моего отца и царского наименования моего

устроивали бы жизнь людей («вещи живущихъ на земли челоуѣковъ»); больше таких, которые, будучи одолеваемы сребролюбием и лихоимством, жестоко изнуряют подвластных всевозможными поборами денежными и принудительными работами над постройкой дорого стоящих зданий, несколько не способствуя утверждению державы, только для излишнего самоугождения и веселия их развратных душ». Василия говорит далее, что к этим правителям применимы слова царя Давида: «яко наполнишася помраченіи земли домовъ неправедныхъ». Отвергнув призыв того же пророка не уповать на неправду, они поработились страстью сребролюбия и лихоимства. В противоположность им Василия останавливается на своих древних поборниках, в особенности на первом царе Мелхиседеке, и указывает, что не даром в толковании его имени на первое место выдвигается правда, а затем мир: это для того, чтобы показать, что там, где существует правда, умножается и мир, а не наоборот, между тем как многие из тех, кто обручился с Василией наполовину, мир полюбили и любят его иметь с подобными же властителями народов, а подвластных ненасытно поедают всевозможными несправедливейшими поборами и лихоимственнейшими извещениями. Цитируя пророков Иеремию, Исаию и псалмы, Василия говорит о праведном гневѣ божіем, который грозит всем, кто растлеивает сан царскій «всяческими своими неправдоу и лихоиманіи и богомерскими блуженіи», кто под влияніем «ярости звѣрской» готов скоро проливать кровь. Когда Василия, развивая эту мысль, привела слова Давида: «ныне, царіе, разумѣйте, накажитесь вси судящіи земли, работайте господеву со страхомъ и радуйтесь ему съ трепетомъ», собеседник прервал ее словами: «Все сказанное тобой свято и страшно для тех, кто поистинѣ боится бога, но прошу тебя я, раба твой, научи меня, как возможно работать вышнему со страхом и в то же время радоваться съ трепетом. Ведь где вселился действительный страх господень, оттуда исчезает радость». . . Василия на это отвечала: «Странник, разве ты не слышал евангелиста, который говорит: нет страха в любви, ибо совершенная любовь изгоняет страх, т. е. страх раблепный, а не сыновний». «Радуйтесь съ трепетомъ» сказано в смысле наполняйтесь радости духовной, происходящей от исполнения заповѣдей божіих. Эти слова можно понимать и по другому: бог по своей совершенной благодати, зная человеческую немощь, не запрещает людям радостного общенія между собой, собраний для торжеств и пиров, но напоминает: «радуйтесь и празднуйте съ трепетомъ», т. е. не забывая моих спасительных заповѣдей. Между тем облеченные властью («сущіи во властехъ») нарушают эти заветы: беззаконно и богопротивно пируют ныне «гуслими и сурнами и тимпаны и смѣхо-

твореніи всяческими, сквернословіи же и буесловіи себе обливающе». Указав примеры из нового и ветхого завета, к чему приводили «богомерзкія пирова́нія», Василия говорит: «Такое возмездие обыкновенно бывает тем, кто презирает законы и уставы всех царя и владыки, и такие плоды получают предающиеся всяческому лихоимству, пьянству и плотским нечистотам — цари и князья и неистовые рачители сребролюбия; к этому присоединяется неразумение бога, забвение смерти и мук после смерти, ожидающих нечестивых и грешников; к тому же — безмыслие и безумие, сатанинская гордость, исступление ума и, наконец, самоволие и самоугодие. Они не принимают поучения священнического, ни советов многоискусных старцев, не слушают угроз боговдохновенных писаний, но ко всему этому остаются глухи, подобно аспидам глухим затыкая себе уши, поработившись сатанинским играм, объядению, пьянству и сладострастию. Поэтому их оставляет бог и владеют ими лукавые духи и бесы. В такое зло повергают себя и таким жестоким мукам подлежат те, кто от безумия своего и бесчувствия ложно облечены моим царским саном. Ты, странник, услышал уже все, что хотел знать от меня, теперь иди радостно своим путем, если только ты можешь радоваться, услышав, что вселенная одержима таким злом». Поскорбев об этом, как подобало, я стал просить ее, говоря: «Не ленись, госпожа моя, молю тебя, еще немного мне объяснить: почему сидишь ты при этом пустом пути, окруженная такими лютыми зверями?». И она опять отвечала мне: «Пустой путь этот, странник, знаменует собою последний окаянный век сей, пустой потому, что не имеет он царей благоверно-мудренных и ревнителей отца моего небесного: все ищут своего, не думают о вышнем, о том, чтобы прославить его праведными деяниями, благотворением и борьбой с тем, кто хочет истребить божественную веру, но стремятся расширить пределы держав своих, друг друга обидят, радуются кровопролитию христианских народов («вѣрныхъ языкъ»), строят наветы друг против друга, как дикие звери, а о церкви христовой, жестоко терзаемой и подвергающейся различным наветам христианоборных измаильтян, нет у них никакой заботы. Разве не справедливо сравнивается треокаянный век сей с пустым путем, и я сама уподобляюсь вдове и, одетая в одежды вдовства, сижу, окруженная дикими зверями, терзаемая ими, как раньше тебе сказала. А что больше всего повергает меня в печаль последнюю, это — то, что не имею я поборников, проникнутых ревностью божией, которые исправляли бы бесчинствующих обручников моих, — поборников, каких я имела в древности. Нет у меня Самуила великого, иерея вышнего, дерзновенно ставшего против Саула, нет Нафана, который мудрою притчей

исцелил Давида и избавил его от страшного падения, нет ревнителей, подобных Или и Елисею, не устыдившимся беззаконнейших насильников, царей самарийских; нет Амвросия, не убоявшегося величия царской власти Феодосия Великого; нет Василия Великого, который премудрым учением навел страх на гонителя сестры моей Валента; нет Иоанна Златоустого, который изобличил сребролюбивую и лихоимствующую царицу Евдокию... Не справедливо ли уподобляюсь я вдове и сижу при пустом пути окаяннаго нынешнего века, будучи лишена таких поборников и ревнителей. Таковы бедствия мои, странник, достойные многих рыданий. Ты же, слышав об этом, непрестанно молись всех царю и владыке, да благоизволит оказать свою благодать, чтобы они восприняли правду и богоугодное жительство, проявили щедрость к подвластным и отступили от всякой злобы и неправды, чтобы сподобиться праведною и богоугодною «властью земскою» получить бесконечного царствия небесного со всеми, кто благоверно и богоугодно «устроили земскую сию царскую державу».

Те, кого имеет в виду это Слово, в различных местах его называются различно. То говорится о «саволобцах» и «власлобцах»,¹ которые пытаются подчинить себе Василию, то об «исполубручниках» Василии.² В одном месте просто упоминаются «сущіи во властехъ», в других местах речь идет о тех, «иже благочестный санъ царскій растлѣвають всяческими своими неправдѣми и лихоимѣми и богомерскими блужевіи»,³ или, наконец, о тех, «иже ложнѣ обложени суть... царскимъ саномъ отъ многоаго своего безумія же и безчувствія».⁴ Несмотря на разнообразие этих выражений, ясно, что все они могут относиться или к носителям царской власти, или к правящим от ее имени. Как видим по содержанию Слова, конкретные обвинения его сводятся к следующим основным пунктам:

1) Правители, охваченные страстью сребролюбия и лихоимства, притесняют подвластных всевозможными денежными поборами и принудительной постройкой дорого стоящих домов.

2) Вопреки призывам слова божия, они незаконно пируют, предаваясь пьянству и разврату, отвергая поучение пастырей и советы многоискусных старцев.

3) Внешние отношения государства они определяют, руководствуясь одной мыслью только бы расширить пределы своей державы; поэтому опол-

¹ Каз. изд., II, стр. 323.

² Ibid., стр. 326.

³ Ibid., стр. 327.

⁴ Ibid., стр. 335.

чаются против единовѣрныхъ народовъ, а о защитѣ церкви христовой отъ ея враговъ магометанъ совсемъ не думаютъ.

4) Во главѣ церкви нѣтъ тѣхъ поборниковъ и ревнителей царства, которые избѣгали бы злоупотребленія правителей, и какими некогда были: Самуилъ, Нафанъ, Ілія и Елисей, Амвросій, Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ.

Исходя изъ соображенія, что приведенный взглядъ на главѣ церкви Максимъ Грекъ едва ли бы высказалъ по поводу деятельности митр. Іосафа или Макарія, мы пришли къ заключенію, что данное Слово относится къ тѣмъ годамъ малолѣтства Грознаго, когда во главѣ церкви стоялъ митр. Даниилъ, т. е. ко времени между 1533 г. и 1539 г., иными словами къ правленію Елены Глинской. Въ соответствии съ этимъ необходимо объяснить и другіе элементы исторической действительности, которые отразились въ Словѣ.

О внешнихъ отношеніяхъ государства слѣдуетъ замѣтить, что значительная часть правленія Елены была занята войной съ Литвой съ 1534 г. до 1537 г. Получивъ благословеніе на нее отъ митрополита Даниила, правительство вело ее достаточно энергично и съ большою неуступчивостью отвѣчало на неоднократныя предложенія со стороны Сигизмунда вступить въ мирныя переговоры. Въ то же самое время по отношенію къ татарамъ правители держались пассивной политики, они не отвѣтили на набегъ казанскаго Сафа-Гирея на Муромъ и уступили передъ угрозами крымскаго Саип-Гирея. Позднѣе во вторую половину малолѣтства Грознаго эти внешнія отношенія изменились. Съ Литвой поддерживался миръ (въ 1542 г. истекшій срокъ перемирія былъ продолженъ еще на 7 лѣтъ), а отношенія къ татарамъ стали переходить въ форму болѣе активной и болѣе успешной обороны. Если имѣть въ виду основныя черты внешней политики въ правленіе Елены Глинской—борьбу съ Литвой и уступчивое миролюбіе съ татарами,¹ соответствующіе упреки Максима Грека станутъ понятны. Онъ имѣлъ основаніе говорить, что современныя правители не хотятъ дружно вести борьбы съ врагами христовой вѣры, вместо этого стремятся расширить предѣлы державъ своихъ «другъ на друга враждебнѣ ополчаешся, другъ друга обидяще и кровопролитію радующеся вкупѣ вѣрныхъ языкъ, другъ другу навѣтующе, аки звѣри дивіи всяческими лаяніи и лукавствіи, о поклоняемѣй же церкви спаса Христа, лютеѣ растерзаемѣ и навѣтуетѣ различными образы отъ христіаноборныхъ измалчѣвъ, ни едино попеченіе есть имѣть».² Прекратить христіанское кровопролитіе, чтобы помешать успѣхамъ татар,—было мыслію Максима Грека. И любопытно, что формула, почти совпадающая съ этою мыслію, служила

¹ С. Соловьевъ. История Россіи, т. VI, гл. I, изд. 2-е, СПб., 1860.

² Каз. изд., II, стр. 335, 336.

тогда для подготовки мирных переговоров. Так, кн. Иван Телепнев-Оболенский в ответ на сделанное предложение мира, писал своему брату Феодору, находившемуся в литовском плену, для передачи королю и папам: «А государь нашъ, какъ есть истинный христіанскій государь, и прежде не хотѣлъ и теперь не хочетъ, чтобъ кровь христіанская лилась, а бусурманская рука высилась; хочетъ нашъ государь того. чтобъ христіанство въ тишинѣ и покоѣ было. Такъ если король желаетъ того же и приплетъ къ нашему государю, то пересылками между государей добрыя дѣла становятся».¹

Остальные два пункта Слова, отмеченные нами и относящиеся к фактам внутренней жизни государства, особенно интересны и даже отчасти загадочны. Таково именно указание на то, что правители, одолеваемые сребролюбием и лихоимством, «лютѣйше морятъ подручниковъ всяческими истязаніи денежными и нужными строеніи многодѣльныхъ домовъ, ничимъ же пособствующи ко утверженію державы ихъ, но точію на излишнее угоженіе и веселіе блудливыхъ душъ ихъ».² О какой принудительной постройке и какихъ зданій говорится здесь? Из всей первой половины XVI века трудно привести какое-нибудь документальное свидетельство, которое полностью покрыло бы указание Максима Грека. Но вся совокупность косвенныхъ данныхъ убеждаетъ в том, что соответствующие факты следуетъ искать и предполагать именно в правление Елены. Под многоценными домами здесь, конечно, разумеются каменные дома, ибо деревянные стоили тогда очень дешево. Какъ известно, каменные жилые постройки начались в Москвѣ с середины XV в.³ и в течение всей второй половины этого века были очень редкимъ явленіем, обращавшим на себя внимание и заносимым в летопись. Ко времени с 1499 г. до 1508 г. относится постройка великокняжескаго каменнаго дворца.⁴ Вел. кн. Василий Иванович, переехавшій на житье в новый дворец, вскоре развил в широкихъ размерахъ строительство каменныхъ храмов. В 1514 г. под руководствомъ того же Алевиза Фрязина, который строил дворец, былъ заложенъ целый ряд каменныхъ церквей. Надо думать, тогда именно во вторую половину княжения Василия Ивановича и в малолетство Грознаго за примеромъ великаго князя последовало боярство, и постройка каменныхъ палатъ отдельными лицами стала частымъ явленіем, уже не останавливавшим на себѣ вниманія летописца.

¹ С. Соловьев. История России, т. VI, стр. 18, 19.

² Каз. изд., II, стр. 323.

³ И. Забелин. История города Москвы, стр. 147.

⁴ Ibid., стр. 150.

Вероятно даже, что постройка эта сделалась своего рода модой времени. Митрополит Даниил (1522—1539 г.), хорошо подмечавший людские слабости и пороки современников, едва ли без основания говорил о страсти их к возведению домов и советовал «домы созидати въ потребныя времена и лѣта и отъ избытковъ, а не отъ лихоимства».¹ Принудительный характер построек, упоминаемых Максимом Греком, находит себе известную аналогию в способе сооружения Китай-города, который, как известно, возводился как-раз в то время, в 1534—1535 г. К земляным работам по сооружению его было привлечено все трудовое население Москвы. Карамзин, сводя в одно показания разных летописей, так говорит об этом: «Еще великий князь Василий, finding Кремль тесным для многолюдства Московского и недостаточным для защиты оного в случае неприятельского нашествия, хотел оградить столицу новою, обширнейшею стеною. Елена исполнила его намерение, и в 1534 г., мая 20, начали копать глубокий ров от Неглинной вокруг посада (где были все купеческие лавки и торги) к Москве-реке через площадь Троицкую (место судных поединков) и Васильевский луг. Работали слуги придворные, митрополитовы, боярские и все жители без исключения, кроме чиновников или знатных граждан, и в июне кончили; а в следующем году, мая 16, после крестного хода и молебна, отпетого митрополитом, Петрок Малой, новокрещеный италиянец, заложил около рва каменную стену и четыре башни с воротами Сретенскими (Никольскими), Троицкими (Ильинскими), Всесвятскими (Варварскими) и Козмодемьянскими на Великой улице. Сей город был назван по-татарски Китаем или средним, как изъясняют».²

Московские бояре, вероятно, пользовались и для своих личных целей содействием искусного архитектора Петра Фрязина, в 1539 г. «от великаго мятежа и безгосударства», как он сам говорил, уже бежавшего из России. Весьма возможно, что бояре не сумели разграничить государственного дела от своего частного и применявшейся к сооружению Китай-города строительной повинностью злоупотребили для возведения своих собственных роскошных хором. Ведь и Максим Грек подчеркивает, что речь идет о возведении многоценных домов, нисколько не содействующих утверждению державы, а служащих к излишнему самоугождению и ублажению развратных душ.

Последний пункт касания Слова к тогдашней действительности заключается в обличении правителей в пьянстве и разврате. Припомним соответ-

¹ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения, стр. 582.

² Карамзин. История государства российского, т. VIII, изд. 2, стр. 40 и 41, СПб., 1819

ствующие места Слова: «Сущіи во властехъ, говорит Максим Грек, беззаконно и богопротивно нынѣ пируютъ, гуслими и сурнами и тимпаны и смѣхотвореніи всяческими, сквернословіи же и бусловіи себе обливающе»¹. Указав примеры из ветхого и нового завета, к чему приводили беззаконные «пированія», Максим Грек замечает, что таково бывает возмездие царям, князьям и сребролюбцам, которые предаются всякому лихоимству, пьянству и плотским нечистотам. К этому присоединяется неразумение бога, забвение смерти и мук после смерти, ожидающих нечестивых и грешников; к тому же—безмыслие и безумие, сатанинская гордость, иступление ума и наконец самоволие и самоугодие. Такие правители не принимают поучения священников, ни советов многоопытных старцев, не внимают прещению боговдохновенных писаний, но остаются ко всему этому глухи, подобно аспидам глухим, затыкая свои уши; они всецело поработены игрой сатанинским, объядением, пьянством и сладострастием («единнымъ же играніемъ сатанинскимъ и пищи всяцѣ и пїянству и подчревнымъ страстемъ поработившеся»).² Поэтому их оставляет бог и владеют ими лукавые духи и бесы. При этой картине, нарисованной Максимом Греком, невольно вспоминаются свидетельства иностранцев о любовной связи Елены с боярином Иваном Овчиной Теленевым-Оболенским. Герберштейн говорит об этом кратко, замечая, что «по смерти государя вдова его стала позорить царское ложе с неким боярином, по прозвищу Овчиной»... «Михаил (Глинский)... неоднократно наставлял ее жить честнее и целомудреннее, но она отнеслась к его наставлениям с таким негодованием и нетерпимостью, что вскоре стала придумывать, каким бы образом погубить его».³ Сообщение Одерборна гораздо выразительнее: «*Sublato enim e vivis Basilio, — говорит он, — Helena dehonestamentum generis sui facta est, quam assiduae in lupanari computationes et cum adultero Ivano Oczvina quaesitus ad libidinem thorus in agnoscere de foedarunt*». Одерборн замечает далее, что Елена была известна во всей Московии как *vulgatissima meretrix*: «*vulgatissimae meretricis nomine in omni Moschovia infamis erat*».⁴

Итак Слово Максима Грека, «пространнѣе излагающе, съ жалостію, нстроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія»—по своей реальной основе является аллегорией, изображающей Россию в правление

¹ Каз. изд., II, стр. 332.

² Ibid., стр. 334.

³ Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московских делах, стр. 39. Введение, перевод и примечания А. И. Маленина, СПб., 1908.

⁴ *Ioannis Basilidis magni Moscoviae ducis vita a Paulo Oderbornio tribus libris conscripta. Anno MDLXXXV. D3 v. и D4.*

Елены Глинской. Может быть, конкретный образ недостойной вдовы по контрасту вызвал в представлении Максима—отвлеченный образ овдовевшей власти, царственной жены Василия, которая в траурной одежде сидит у дороги, окруженная со всех сторон зверями.¹ Тема Слова была ответственной и рискованной: нужно было сказать всю правду и вместе с тем не раздражить зверей. Не даром Василия, уступая настойчивым просьбам странника поведать о своих бедствиях, говорит, что она не хотела сначала рассказывать о себе, чтобы ее рассказ, будучи записан странником, не навлек на него какой-нибудь напасти.

II. ВЗГЛЯДЫ МАКСИМА ГРЕКА НА ВЛАСТЬ И ЕЕ ЗАДАЧИ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

§ 10. Исходной точкой Максима Грека во взглядах на светскую власть, на отношение ее к власти духовной служила так называемая заповедь Юстиниана, вошедшая в Кормчие и давно известная нашим публицистам.² Максим Грек в своих сочинениях несколько раз вспоминает эту заповедь и по поводу ее высказывает свои мысли. Есть у него и другие места, касающиеся вопроса об отношении светской и духовной власти. Необходимо рассмотреть этот материал в хронологическом порядке, чтобы уяснить не только постоянные пункты в позиции Максима, но и те отдельные стороны вопроса, которые освещались в зависимости от условий момента. Впервые ссылка на заповедь Юстиниана встречается у Максима в 1519 г. в послании к вел. кн. Василию Ивановичу по поводу окончания перевода псалтыри. В этом послании Максим Грек приводит точную цитату из заповеди Юстиниана (т. е. из предисловия к 6-й новелле Юстиниана) в таких словах: «Превеліа въ челоувѣцѣхъ суть дарованіа божія отъ вышняго челоувѣколюбіа дана, священство и царство; священство убо божественнымъ служаще, царство же челоувѣческихъ вещей начальствующе и промышляюще, и отъ единого и того же начала обоя исходяща челоувѣческую украшаютъ

¹ Как в других случаях, так и здесь я не касаюсь чисто литературных влияний на Максима Грека, но кстати отмечу, что некоторые соображения о литературном происхождении образа Василия были высказаны акад. А. С. Орловым в докладе, читанном 22 февраля 1920 г. в заседании Общества истории литературы, где он предположил, что на создание этого образа могло повлиять «такое византийское произведение, в котором государство изображалось бы в виде опозоренной царственной женщины, подобно тому, как это читается в одном стихотворении Иоанна Геометра и в Истории Никиты Хониата». По этому поводу можно добавить, что образ государства-женщины или церкви-женщины достаточно распространен в средневековой литературе. Есть он и у Савонаролы. См. Виллари. Савонарола и его время, т. I, стр. 18, 1913.

² М. Дьяконов. Власть московских государей, стр. 115, 116.

жизнь».¹ Следовательно, царская власть, так же как и власть священства,—божественный дар. Обе власти происходят из единого высокого источника, обе имеют свое важное назначение, обе украшают человеческую жизнь. Как видно далее, идеал Максима Грека является дружный и тесный союз представителей той и другой власти. В качестве примеров он указывает на «богоизбранное супружество» Моисея пророка и Аарона иерея, Иисуса Навина и Елиазара священника, Самуила пророка и Давида царя. Из эпохи нового завета достойнейшие носители власти: папа Сильвестр и царь Константин Великий, Григорий Богослов и царь Феодосий Великий, Иоанн Златоуст и царь Аркадий. Переходя к современности, Максим Грек, исполненный оптимизма, заявляет, что в наше время доказательством истинности слов Юстиниана является богохранимая держава Василия Ивановича, рядом с которым правит архиерейским престолом светлый во архиереях преосвященный Варлаам, митрополит всея Руси: при их управлении сияет благочестие, соединенное с правдой и благозаконием.² Конечно, в этих словах многое нужно отнести на долю комплиментов иностранца, тогда еще мало знакомого с Россией и питавшего надежду, что по исполнению возложенного поручения его отпустят на родину, но идеал Максима Грека выразился с достаточной определенностью: он заключается в тесном союзе, во взаимной согласованности светской и духовной власти, исполняющих свое высокое назначение. В другом произведении,³ написанном, вероятно, также до 1525 г., Максим Грек, касаясь священства и царства, точнее определял задачи того и другого: благодаря священству освящаются и просвещаются верующие, чтобы спастись богоугодно, и прилежным исполнением заповедей божиих сохраниться в вере и любви к вышнему; назначение царства—ограждать, доставлять безопасность, чтобы не боялись нападений иноплемеников, так как благоверно царствующие всегда ополчаются на супостатов и устраивают подвластным спокойную жизнь. Таким образом задача священства—духовное просвещение и руководство верующих в делах спасения; задача царства—внешняя оборона

¹ Каз. изд., II, стр. 297.—«Заповедь» Юстиниана дана здесь в ином переводе, чем в Кормичих и в Стоглаве. (Ср. М. Дьяконов «Власть московских государей, стр. 115; Стоглав, гл. 62). Подлинный латинский текст приведенных строк следующий: «Maxima inter homines sunt Dei dona a supera benignitate data, sacerdotium et imperium, quorum illud quidem divinis intersit, hoc vero humanas res regit eorumque curam gerit atque utrumque ab uno eodemque principio proficiscitur et humanam vitam exornat...» Novell. VI, praefatio.

² Каз. изд., II, стр. 298.

³ «Инокса Максима Грека слово о томъ, яко промысломъ божиимъ, а не звѣздами и колесомъ счастья вся человѣческая устрояются». Сочинения М. Г., стр. 302. 303. Каз. изд., I (второе изд.).

государства и устроение мирной жизни. Ближе подходя к определению целей той и другой власти, Максим Грек здесь однако не касается вопроса об их взаимных отношениях. Позднее и эта сторона была затронута. В первые годы малолетства Грозного, когда государственная власть представлялась Максиму Греку в виде Василии, со всех сторон окруженной зверями, когда власть эта находилась в руках тех, «иже ложнѣ обложени суть... царскимъ саномъ отъ многаго своего безумія и безчувствія»,¹ или тех, кто «благочестный санъ царскій растлѣвають всяческими своими неправдованіи и лихоиманіи и богомерскими блуженіи»,² тогда Максим Грек скорбел, что нет достойных представителей духовной власти, которые могли бы обличить и наставить бесчинствующих обручников Василии и влагал в уста ее полные горечи слова: «Не имамъ Самуила великаго, іерея вышняго, противоополчившагося, со дерзновеніемъ, Саулу преступнику (преслушнику); не имамъ Наоана, исцѣлившаго благокозненною притчею Давида царя и отъ паденія оного лютаго избавивша»...³ и т. д. Таким образом Максим Грек признавал особенно необходимым вмешательство духовной власти в дела царства в момент злоупотреблений и вмешательство это представлял себе в форме безбоязненного протеста и обличения. В Главах поучительных, написанных для молодого царя, Максим Грек снова дает общее определение духовной и светской власти и считает задачей царства—направлять державу к лучшему «совѣты премудрѣйшими и всяческими устроеніи и смотреніи, владычески купно и отечески промышляюще о подручныхъ».⁴ Он прямо указывает далее, что священство и царство тогда воистину составляют великое благо, когда согласуются между собой, стараются быть покорными перед вышним, твердо соблюдая его заповеди и согласно их отечески и вместе с тем властно устроявая жизнь подданных («вещи подручныхъ»). В том же произведении находится интересное указание, что Максим Грек в известных случаях считал допустимым и желательным вмешательство светской власти в дела духовные. Говоря о том, что архиереи присваивают себе доходы с церковных имений, данных князьями для прокормления нищих, Максим Грек обращает внимание царя на «такую нищихъ обиду», исправить которую вполне может только бог, но «и царствующимъ благовѣрно на земли нужно и зѣло прилично благочестивымъ царемъ сидевыя священническія недостатки, да не реку прегрѣшенія,

¹ Каз. изд., II, стр. 335.

² Ibid., стр. 327.

³ Ibid., стр. 336.

⁴ Ibid., II, стр. 162.

исправляти, по ревности древнихъ православныхъ царѣхъ Константина, Θεодосіа и Іустиніана великихъ»...¹

Итак принципиальная точка зрения Максима Грека на светскую и духовную власть и на их отношения все время оставалась одна и та же. Менялась только в зависимости от условий времени формулировка: сначала Максим Грек хотел видеть осуществление своего идеала в вел. кн. Василии Ивановиче; затем в задачах светской власти подчеркивал обязанность ограждать государство от нападений иноплемеников; позднее в малолетство Грозного он смело указывал, что царская власть узурпируется недостойными ее представителями и что высшее духовенство не поднимает своего обличающего голоса; и, наконец, после переворота 1547 г., когда надежды на будущее окрылили многих, Максим Грек также мечтал о преобразованиях и видел главную задачу царской власти в том, что она «исправляетъ всегда царскія скипетры на лучшее».²

С течением времени точнее определились и взаимные отношения той и другой власти: прочно установленный идеал взаимной согласованности допускал в отдельных случаях протестующее вмешательство одной власти в действия другой; но эти случаи можно назвать исключительными; Максим Грек указал их всего два: это узурпация светской власти в малолетство Грозного, когда недоставало авторитетного голоса церкви; и злоупотребление церковным имуществом со стороны епископов, нуждавшееся в пресечении светскою властью.

§ 11. Как смотрел Максим Грек на царскую власть не только в отношении ее к церкви, но и в ее особых задачах,—вопрос этот имеет для своего исследования достаточный материал в сочинениях Максима. «Главы поучительны начальствующимъ правовѣрно», как произведение наиболее общего характера, должны послужить исходным пунктом. Содержание этих «глав»,³ написанных для молодого царя Ивана в 1548 году,⁴ в существенных чертах следующее:

1. Подобно тому как мужество телесное способно побеждать тела, сокрушать крепкие стены городов и ополчаться против супостатов, так и мужество духовное царской души заключается в том, чтобы бороться с восстающими на нее плотскими страстями. Какое зло больше этих стра-

¹ Каз. изд., II, стр. 175.

² Ibid., стр. 162

³ Разделение на главы (27), опущенное в печатном издании, сохраняется в рукописях; воспроизвожу его по ркп. Госуд. архива Феод.-крепостн. эпохи в Москве, б. Архива мин. ин. дел, собр. Оболенского, № 69 (Ср. Каз. изд., II, стр. 157—184).

⁴ Обоснование этой датировки за недостатком места опускается.

стей? Благовернейший царь, старайся соблюсти душу свою чистой от них.

2. Истинным царем и самодержцем считай того, кто не только старается устроить жизнь своих подданных правдою и хорошими законами, но и стремится побороть бессловесные страсти своей души — ярость, напрасный гнев, плотские похоти. А кто одолевает этими страстями, тот не есть одушевленный образ небесного владыки, а челоукообразное подобие бессловесного естества.

3. Истинный разум божий не только украшает мудростию, кротостию и всякою правдою внутреннего человека, но и внешние члены тела его устроит: очи, уши, язык, руки. Он не велит его очам блудно наслаждаться чужой красотой, не велит слушать песен непристойных, шуток смехотворцев-кошунников и завистливой клеветы, не велит языком досаждать, злословить и сквернословить, не велит поднимать руки на притеснение неповинных и хищение чужого имени. О том, как достигнуть этой спасительной благодати, учит пророк Давид. Отвечая на вопрос: «в чем исправит юный путь свой?», он объясняет, что к этой благодати ведет исполнение заповедей божиих.

4. «Правда возвыситъ языкъ, глаголетъ премудрый Соломонъ, злоба же разоряетъ престолъ сильныхъ». Для благоверно царствующего на земле нет ничего нужнее правды, т. е. справедливости. Эту добродетель постарайся приобрести, благочестивейший царь.

5. Толкованием слов Давида: «Поминухъ бога и возвеселихся» — подчеркивается необходимость постоянно помнить о боге.

6. Слова писания: «многіе пастыріе разглиша виноградъ мой, оскверниша наслѣдіе мое» дают повод говорить о великой нравственной ответственности перед богом царей и святителей за вверенных им людей.

7. По словам писания: «Царство божіе нѣсть брашно и питіе, но правда и миръ и радость о душѣ святѣ». Между тем мы всю надежду на наше спасение видим в воздержании от мяса и рыбы в течение поста, а притеснять обидами и лихоимством бедных подчиненных и влачить их в суды, враждебно нападать на них и всячески озлоблять — не перестаем. Конечно, пост нужен для умерщвления плотских вожделений и молитва для просвещения душевных сил, но сюда нужно присоединить и воздержание от душевных страстей.

8. Дивным советником, добροхотным твоему царству, считай не того, кто вопреки правды поощряет тебя к боям и войнам, но кто советует тебе любить мир со всеми соседями богохранимой твоей державы.

9. Далее речь идет о задачах священства и царства и необходимости их взаимного согласования, место, которого мы уже коснулись, см. выше стр. 61.

10. Противопоставляя красоту внешнюю красоте внутренней, «умной добротѣ души», Максим убеждает царя стремиться именно к последней: «Потщися убо, о, благовѣрнѣйшіи

царю, умную души доброту стяжати». 11. Подобно тому как солнце теплою своею оплодотворяет землю, так и прекрасная душа благоверного царя, украшенная правдою, кротостью, чистотою и милосердием, все подвластное и окружающее ее освещает, украшает, и примером своей жизни поощряет к преуспеянию в добрых делах. 12. Маленькое облачко, став перед светлейшим солнцем, может света его лишить вселенную; так и душа благоверного царя, если объята будет облаком животных страстей, яростию и гневом безвременным, пьянством и похотями скверными, то и сама, увь, омрачается, и все подвластное ей истребляется «и буря люта и мятежна частыхъ треволнений» смущает и все колеблет. Поэтому ум царев нуждается в великом трезвении. Не будем же спать душою, но будем трезвиться и бодрствовать умом. 13. Ум человеческий, хотя и создан по образу и подобию божью, но по отношению к навыкам ничем не отличается от воска и бумаги. Как на них каждый может написать, что угодно, так и человеческий ум, к каким обычаям его приучишь и чему научишь, доброму или злему, того он держится до конца. Если кто действительно хочет украшать ум богоугодными обычаями, тот пусть внимательно слушает сотый псалом¹ и часто повторяет его себе. 14. Подобно тому как человеческому естеству совсем не свойственно летать по воздуху, так не полезно и не подобает царю богомудрому желать чужих имений и стяжаний; ибо желание чужих имений вызывает страшного и праведного судию к отмщению за обиженных. 15. Божественный песнопевец, исповедуясь ведущему сердца человеческие, сказал: «не прильпе ми сердце развратно». В этих словах заключается глубокий смысл для внимающих им разумно. Ведь не малое требуется старание благоверному царю не только свою совесть соблюсти до конца в правоте и чистоте боголюбивых мыслей, но и говорящих и советующих что-нибудь развратное тотчас отсылать и удалять от себя. Подобно тому как общение с добрыми и праведными людьми просвещает и вразумляет наши мысли, так обыкновенно беседа и общение с дурными людьми омрачает и в конец развращает нас. 16. Щедро награждать и одарять стоящих у власти вельмож и других

¹ Не лишне припомнить здесь этот псалом: «Милость и суд воспою тебе, господи: пою и разумею в пути непорочне, когда приидеши ко мне; прехождях в незлобии сердца моего посреде дому моего. Не предлагах пред очима моима вещь законопреступную: творящие преступление возненавидех. Не прильпе мне сердце строптиво: уклоняющегося от мене лукавого не познах. Оклеветавшего тай искреннего своего, сего изгонях: гордым оком и насытым сердцем, с сим не ядах. Очи мои на верные земли посаждати я со мною: ходяй по пути непорочну, сей ми служаше. Не живяше посреде дому моего творяй гордыню, глаголая неправедная, не исправляше пред очима моима. Во утрия избивах вся грешныя земли, еже потрещати от града господня вся делающая беззаконие».

служат — свойственно царю благоверному. Таким образом властвующие на земле уподобляют себя царствующему в вышних, который «сияет солнце свое на праведных и на неправедных и дождит на благих и лукавых».

17. «Жезлъ силы послеть ти господь отъ Сіона и господствуй посредѣ врагѣ твоихъ», говорит Давид. Пусть царь господствует «жезлом силы», живогворящим крестом, и уподобляется Моисею и Константину Великому правою верою в бога, чистотою, правдою, милостию, кротостию и прилежным хранением заповедей.

18. «Уста праведнаго поучатся премудрости», по словам Давида. Но для премудрости необходим страх божий. Ибо где страх господень, тут и соблюдение заповедей его, а где соблюдение заповедей, тут и ума очищение, а где ума очищение, тут премудрость и разум.

19. Иносказательное толкование стиха псалма: «Словомъ господнимъ небеса утвердишася и духомъ устъ его вся сила ихъ» дает основание для вывода о необходимости православным царям неизменно соблюдать слово господне, божественные заповеди, если они хотят, чтобы земное временное царство их утверждалось царством вышним.

20. Мысль идеального царя, преданного богу, проникнутого любовью к подданным, неусыпно и неустанно печется об утверждении и мирном устройении подвластных.

21. Христос, уподобляя себя пастырю, оставившему 99 овец и пошедшему искать одну заблудшую, дал этим образ и правило богоугодного пастырства для последующих пастырей своей паствы — святителей и православных царей, чтобы они одинаково заботились о всех подвластных им городах и народах, чтобы все держались любви и правды и жили по святым заповедям. Тот по истине заблудился от этой паствы, кто радуется о неправде и всяческом хищении чужих имений, а тот, кто обращает его на истинный путь, есть истинный пастырь словесных овец христовых.

22. Подобно тому, как пастырь радуется и веселится, видя, что его овцы досыта питаются мягкой травой и чистой водой, так и царь благочестивый и праведный веселится, когда видит, что подвластные ему города наслаждаются таинственным и духовным бытием и водой спокойствия и мира. Свойство благоверного царя и пастыря неложного заключается в том, чтобы не искать себе сокровищ на земле «неправдою и хищеніемъ чужихъ имѣній и стяжаній», но всякою правдою и страхом божим, верою и любовью полагать на небесах сокровища неископаемые милостыни, кротости и благости к подвластным. Будучи царем, пресветлым и преславным, утверди себя богомудренно, чтобы не быть когда-нибудь побежденным страстью богомерзкого и рабленного сребролюбия. Вспоминай всегда слова пророка и царя: «не уповайте на неправду

и на восхищеніе не желайте», и не предпочти ему какого-нибудь другого суетумудрого земного советника. 23. «Солжетъ дѣло маслинно, и поля не сотворять яди», говорит пророк Аввакум. Эти слова пророчески относятся не только к архиереям иудейского народа в ветхом завете, но могут быть справедливо применены и к представителям святых божиих церквей в наше время. Нынешние делатели мысленной священной маслины не творят ее дела так, как повелевают божественные правила. Все имения и стяжания, данные правочерными царями и христоролюбивыми князьями святым божіим церквам для прокормленія нищих и сирот, они употребили на свои излишества и житейскіе дела. Сами живут во всяком изобилии и довольствѣ, роскошно питаются, обильно обогащают своих родственников, а нищие христовы презираются ими и погибают от голода, наготы и страданий. Эту обиду нищих кто другой может отвратить, кроме бога; и царствующим благоверно на землѣ благочестивым царям подобает исправлять эти священническіе недостатки, чтобы не оказать прегрешения. Ничто другое так не может утвердить царскій скипетр, как во имя бога попеченіе о нищих и милосердіе к ним. 24. «Коль благъ богъ израилевъ правымъ сердцемъ». Толкованіе этих слов Давида дает повод говорить о долготерпѣнии к беззаконным, о том, что посылаемые богом наказанія служат знаком его милости к нам. Не будем же огорчаться скорбями, посылаемыми на нас праведным судом божіим, не будем неблагодарны к создавшему нас, будто он презирает нас, отдавая в обиду нечестивым, но познавъ похристиански беззаконія наши, покаемся со слезами, исповедаемся богу, «и той уничижитъ стужающихъ намъ». 25. Душу человеческую ждет в будущем или место пресветлое, исполненное всякого веселія и божественнаго благоуханія, где нет болѣзни, печали и воздыханія, или бесконечныя горькіе муки: огонь неугасимый, тьма крошечная, скрежет зубов от безмерных страданій и плач непрестанный. Об этом говорится во многих писаніях и особенно в притчѣ о богатом и Лазарѣ. И вот, кто по истинѣ желает избавиться от горькаго и вѣчнаго осужденія того безумнаго богача, ненавидѣвшаго нищих, и хочет получить такое же утѣшеніе, как блаженный убогий, тот пусть всею душою возненавидит ненависть, которую питал к нищим тот безумец, и не только перестанет причинять обиды, похищать чужое и собирать себе великіе сокровища на землѣ, но пусть щедрою рукою удовлетворяет убогих, заступается за сирых и вдовиц и защищает их от обидящих и грабящих их. А кто превосходит других выотою власти и изобиліем богатства, будет ли то царь, или святитель, или князь, тот больше других должен миловать нуждающихся и благоотво-

рить им. 26. Тремя главным образом страстями бывает непрестанно одолеваема всякая разумная душа, в особенности держащая царский скипетр. Это — сластолюбие, славолубие и сребролюбие. Порождением сластолюбия является ненасытное угождение чреву, услаждение гортани всяческой пищей и удовлетворение подчревной скотской похоти. От славолубия происходит то, что человек ничего не хочет делать во славу Божию, но всячески старается об угождении людям, чтобы всегда получить от них славу и похвалу, и если достигнет желаемого, то ко всем кроток и добр, если же узнает, что над ним кто-нибудь смеется, он, забыв о кротости, неудержимо неистовствует и свирепее всякого зверя старается мстить тому, кто его не хвалит. От корня всякого зла, сребролюбия, порождением является ненасытное желание всячески собирать себе богатства, копить их хищением, неправдою и лихоимством и всю надежду возлагать на свои сокровища, а не на бога. Кто поправил и преодолел указанные три страсти, тот воистину присный угодник и верный поклонник всемогущей пресвятой троицы и царь-самодержец по отношению к себе и к подвластным. А кто одержим и водим этими страстями, тот пусть услышит слова общего всех владыки: «всякъ творий грѣхъ, рабъ есть грѣху, а рабъ не пребываетъ въ дому во вѣки». И что может быть позорнее, чтобы не сказать окаяннее того, когда думающий, что он владеет городами преславными и народами бесчисленными, сам во власти бессловесных страстей и устами самого спасителя называется рабом? Пусть понимающий разумеет ясно сказанное. 27. Среди многих дивных праведных дел, которыми украшается и благодаря которым всеми любима и восхваляема бывает душа благоверного царя, наиболее полезным и необходимым для власти благоверных царей считаю страннолюбие, т. е. отношение, проникнутое человеколюбием, кротостию и уважением к приезжающим иностранцам, будут ли это купцы или приглашенные: необходимо тщательно заботиться об удобном их пребывании, о том, чтобы не подвергались они обидам от местных жителей, чтобы их силой не удерживали и не возбраняли возвращаться на родину. Принимаемые таким образом, оберегаемые и снова отпускаемые к себе, они будут дружелюбно относиться к нам, станут с доброй похвалой всем рассказывать о царских добродетелях. И что может быть полезнее для власти благоверных царей? Ибо все, слыша о таком благоразумии царей, кротости и заботливости относительно иностранцев, воздадут им обильными молитвами и вознесут их хвалами, и всякий захочет прийти сюда и быть очевидцем их благости. Пусть благоверные цари доброхотно и с уважением отпускают от себя всех приходящих к ним иностранцев, если хотят

всегда наслаждаться дружбой со всеми повсюду живущими народами, и хотят, чтобы находящиеся под их властью города украшались и изобиловали людьми опытными во всякой премудрости, в словесном искусстве и житейском искусстве. Ведь все люди стремятся идти туда, где слышат, что близкое им словесное искусство или житейское искусство находится в большом уважении.

Таково содержание глав. Отдельные места их определенно указывают на то, что они имеют в виду именно юного царя. Не даром в главе третьей вспоминается вопрос Давида: «Въ чемъ исправить юный путь свой?»¹ В поучениях к юноше особенно уместно также приведенное в гл. 13 сравнение восприимчивой человеческой души с воском и бумагой: «Умъ всякъ человѣческій, аще по образу и по подобію божію созданъ глаголется, обаче ничтоже по навиканію разликуеть воска и бумаги. Яко же бо на тѣхъ якова же письма хочетъ кто начертаетъ; тѣмъ же образомъ и человѣческій умъ: въ нихъ же ни буди привыкнеши его обычаехъ и ученихъ, или благихъ или злыхъ, въ тѣхъ же до конца пребываетъ и любезно водворяется».² Все произведение носит преобладающий дидактический характер, но дидактика его чужда мелочности: здесь излагается ряд моральных наставлений, переносящих центр тяжести в глубь нравственного сознания. Красоте внешней земной противопоставляется красота внутренняя, «умная красота души», «умная души доброта», достижение которой и считается самым главным делом. Истинная нравственная настроенность украшает душу человека и ведет по пути добра его внешние поступки. Но вполне естественным является вопрос, что представляют собою «Главы»: просто ли это кодекс морали, состоящий исключительно из общих мест вне живой связи с современностью, или нужно понимать эти «Главы» иначе. Мы уже раньше останавливались на одном месте «Глав», именно на гл. 23, содержащей вполне определенный конкретный совет относительно церковных имуществ. Теперь следует указать еще на последнюю 27 главу, советующую в интересах процветания державы гостеприимное отношение к иностранцам. Эта мысль возведена в нравственную норму для правителя, конечно, из того тяжелого жизненного опыта, который претерпел сам Максим в Московской державе, не только радушной, но и подозрительной к своим гостям. Главы 23 и 27 уже не укладываются целиком в схему общих мест. Наоборот, они естественно вызывают предположение, нельзя ли искать связи с реальностью и в других пунктах. «Главы», как видели мы, начинаются с вопроса о борьбе со

¹ Каз. изд., I, стр. 158.

² Ibid., стр. 165.

страстями как плотскими, так и духовными. В одолении их заключается духовное мужество. Только тот истинный царь и самодержец, кто стремится побороть бессловесные страсти души своей: ярость, гнев напрасный и плотские похоти. Мысль о необходимости борьбы со страстями проходит через все произведение. И в гл. 7 говорится, что нужен не только пост, но и «душевныхъ страстей воздержаніе».¹ И в гл. 12 страсти, бушевающие душу царя, сравниваются с облаком, закрывающим солнце. Упоминаемые здесь страсти приблизительно те же: ярость, гнев безвременный, пьянство, похоти. И в других местах подчеркивается сребролюбие, хищение чужих имений. Так в гл. 14 и особенно в гл. 23, где после призыва не искать себе сокровищ на земле «неправдою и хищеніемъ чюжихъ имѣній и стяжаній», читаем: «Царь убо пресвѣтель сый и преславенъ, утверди себе богомудренно, да не побѣжденъ будеши когда страстію іудейскаго богомерскаго и работѣннаго сребролюбія».² Глава 26, предпоследняя, снова возвращается к основной мысли и, объединяя раньше сказанное, облакает его в еще более выразительную форму. Она опять подчеркивает, что только тот, кто поборол три страсти, бушевающие всякую душу и царскую в особенности — сластолюбие, славолубие и сребролюбие, — только тот есть действительно царь и самодержец и по отношению к себе и к подданным, а одержимый ими есть раб греха. И в этом последнем случае контраст величия власти и нравственного ничтожества ее носителя представляется более всего вопиющим: «И что убо быти можетъ сего зазорнѣйшее, да не глаголю, окаяннѣйшее, яко мяншагося владѣти градовомъ преславнымъ и языкомъ неудобъ счисляемымъ, самому владѣму и водиму бывати бессловесными страстьми и рабу нарицатися отъ святыхъ устъ спасовыхъ?» Так говорит Максим, заканчивая 26 главу, и добавляет к этим словам красноречивое *sapienti sat*: «Разумѣваяй да разумѣть внятно глаголемая».³ Молодой Иван должен был понять Максима. И мы поймем его, если представим себе те годы молодости Ивана, под впечатлением которых писались «Главы». Перечитаем Курбского: «По немногихъ лѣтахъ, и мати ему умре; потомъ питаша его величые гордые паны, по ихъ языку, боярове его на свою и дѣтей своихъ бѣду, ретящися другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденію и сладострастію. Егда же началъ приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ дванадесять, и впредь что творилъ, умолчю иные и иные, обаче же возвещу сіе. Началъ первіе

¹ Каз. изд., II, стр. 161.

² Ibid., стр. 173.

³ Ibid., стр. 181, 182.

безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечюще ихъ, а по ихъ языку, съ крылецъ, або съ теремовъ, тако же и иные многіе неподобные дѣла творити; а пѣстуномъ ласкающимъ, попускающе сіе и хваляще, на свое горшее отрока учаше. Егда же уже приходяще къ пятомунадесять лѣту и вящей, тогда началъ человѣковъ ураняти. И собравши четы юныхъ около себя дѣтей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ сиклитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на конѣхъ съ ними ѣздити и всенародныхъ человѣковъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачюще и бѣгающе всюду неблагочиннѣ. И воистинну, дѣла разбоническіе самыя творяще, и иные злыя исполняше, ихже не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкателемъ же всѣмъ таковое на свою бѣду восхваляющимъ: «О храбръ, глаголюще, будетъ сей царь и мужественъ».¹ Далее речь идет о казнях отдельных князей и бояр. Для иллюстрации «ярости» и «гнева напрасного», неожиданно овладевавших царем, достаточно из многих примеров вспомнить хотя бы один, записанный Псковской летописью под 1547 г. «Въ лѣто 7055, въ Петровъ постъ, Псковичи послаша 70 человѣкъ на Москву, жаловатися на намѣстника на Туранта, и оны жалобщики били челомъ государю великому князю на селцѣ на Островкѣ, и князь великій государь опалился на Псковичъ, сихъ безчествовалъ «обливаючи виномъ горячимъ, палилъ бороды и волосы, да свѣчею зажигалъ и повелѣлъ ихъ покласти нагихъ на земли; в ту пору на Москвѣ колоколъ благовѣстникъ напрасно отпаде. а государь поѣде къ Москвѣ, а жалобщиковъ не истеря».² Ивана, действительно, обуревали те страсти, о которых говорит Максим. Рисуемая Курбским картина молодого царя, окруженного развратной средой «ласкателей», «человѣкоугодниковъ», «парозитовъ или тунеядцовъ, сирѣчь товарищей трапезамъ», чувствуется и в «Главах». Максим говорит, что общение с дурными людьми омрачает и развращает нас и советует царю «глаголющихъ развратна или совѣтующихъ отнюдь отсылати и отгнати царскія и свободныя мысли и бесѣды своя».³ Любопытно, что соответствующая глава (15) начинается словами, заключающими в себе своего рода *nota bene*: «Божественный пѣснопѣвецъ, исповѣдуяся вѣдущему сердца человѣческая, не приле ми, рече, сердце развратно. Мало убо склады божественное слово сіе, много же умомъ и вельми душеполезно и подужно смыслено внимающимъ е».⁴ Интересно также, что Максим Грек,

¹ Сочинения кн. Курбского, т. I, стр. 165, 166 (Русск. ист. библ., т. XXXI).

² Полное собрание русских летописей, IV, стр. 307.

³ Каз. изд., II, стр. 167.

⁴ Ibid., стр. 166.

сравнив человеческий ум с воском и бумагой, особенно советует вспоминать сотый псалом и руководствоваться им.¹ А в сотом псалме (см. выше стр. 64) Давид говорит об удалении от себя дурных людей.

Необходимость нравственного влияния на царя определенно чувствовалась. Появление у власти Сильвестра и Адашева, вызванное грозными событиями 1547 г. (пожаром и восстанием «черных людей»), ставило на очередь вопрос о новой политике и об осуществлении ее с помощью новых методов воздействия на подраставшего царя. «Главы» Максима, написанные и посланные митрополиту Макарию для царя около 1548 года, отвечали запросу времени; ведь перелом Ивана, риторически описанный Курбским, в действительности не мог быть таким резким, влияние «избранной рады» упрочивалось постепенно. Борьба со «страстями» Ивана и его «ласкателями» в 1547 г. только началась и шла с успехом далеко не полным и не устойчивым.² «Главы» Максима вписывают видную страницу в историю нравственных воздействий на молодого Ивана. И страница эта интересна не только своей негативной стороной, но и тем положительным идеалом власти, который рисуется здесь Максимом. В духе византийских теорий идеал царя, по Максиму, заключается в уподоблении богу «правдою, человеколюбиемъ и кротостію» по отношению к подданным и милостию к вельможам и другим слугам. Неустанные заботы идеального царя о подданных сравниваются то с непрестанным волнением моря, то с беспокойством материнского сердца о детях. «Не оскудѣють николи же смущающе лице морское вѣтренныя бури: и царя благовѣрнаго любоподручная мысль не получитьъ николи же тишину отъ окрестныхъ сосѣдъ ея воздвигаемыхъ частыхъ обстояній и стуженій. Не толико тужить утроба матерня о скудости потребъ житейскихъ чадамъ ея, елико боголюбиваго царя любоподручная мысль печется о утверженіи опаснѣмъ и мирномъ устроеніи подручникомъ ея; точію тогда воистину веселится боголюбивая душа ихъ, егда видить подручныхъ людей своихъ тихо и мирно житіе имущихъ».³ Об отношении к вельможам и другим слугам Максим Грек говорит, что, щедро награждая и одаряя их, «владѣющіе на земли» уподобляются «царствующему въ вышнихъ, иже сіяетъ солнце свое на праведныя и на неправедныя и дождитъ на благыя и лукавыя».⁴ Кроме обязанностей к подданным и слугам, на царе

¹ Ibid., стр. 165—166.

² И. Н. Жданов. Материалы для истории Стоглавого собора. Сочинения, т. I, стр. 212, СПб., 1904.

³ Каз. изд., II, стр. 170, 171.

⁴ Ibid., стр. 167.

лежат еще более важные обязанности по отношению к собственной душе. Исполнение этих последних не только самоценно, но и обуславливает успешность исполнения первых. Борьба с страстями, достижение чистоты и красоты души — в этом главный и нравственный долг правителя. Душа идеального царя, украшенная добродетелями, словно солнце освещает все кругом и оплодотворяет для добра. «Свѣтлѣйшу солнца звѣзду нѣсть смотрити въ твердѣ небеснѣй, едино бо то своими лучами осіяваетъ всю вселенную; сие и душа благовидная благовѣрнаго царя, правдою и кротостію и чистотою и щедротами украшаема же и веселящися, все еже подъ нею и окрестъ ея подручное осіяваетъ же и украшаетъ и на преспѣваніе добрыхъ дѣлъ своимъ нарочитымъ жительствомъ увѣщаетъ тщитися всегда, имъ же образомъ и солнце теплотою своею землю и яже на ней сады плодоносить готовляетъ».¹ Из всех попыток нравственного воздействия на молодого царя «Главы» Максима выделяются решительно. Нигде вопрос о власти не ставился на такую идейную высоту и не получал такого освещения. Знаменитый Сильвестр не обошелся без нравственной кривизны в своих наставлениях царю: он старался запугать его «чудесами», в истинности которых сомневался даже Курбский, назвавший Сильвестра за этот благочестивый обман «льстецом истинным».² Гораздо честнее был другой участник избранной рады — митрополит Макарий, но наставления его не отличались достаточной широтой и силой. Еще одно из поучений к царю, относящееся к той эпохе, так называемое Сильвестровское послание (появившееся, как думают, около 1550 г.), было слишком многословно по форме и скудно по содержанию, ограничиваясь бичеванием содомского греха. Только «Главы» Максима, охватывая весь вопрос в целом, давали ему постановку, наиболее широкую из всех, какие только возможны были на почве византийской культуры. Повидимому, сам автор признавал эту предельность своего достижения, без ложной скромности заметив, что «Главы» его написаны «мудро добрѣ».³ Именно здесь в «Главах» Максима полагались идейные основы для первых лет царствования Ивана.

§ 12. В другом произведении, в послании к царю,⁴ появившемся, вероятно, вскоре после «Глав» и не позднее 1551 года, Максим Грек еще

¹ Каз. изд., II, 164, 165.

² Сочинения кн. Курбского, т. I, стр. 169 (Русск. ист. библ., т. XXXI, СПб., 1914).

³ Каз. изд., II, стр. 383.

⁴ «Инока Максима Грека посланіе къ благовѣрному царю и великому князю Іоанну Васильевичу всея Русіи», после обращения: «Благовѣрнейшему и боголюбивому царю и самодержцу всея Русіи, преславному государю великому князю Іоанну Васильевичу, нищій твой государевъ богомолецъ Максимъ инокъ изъ Святыя Горы. смѣя и не смѣя, низко челомъ біеть»,

яснее развивает те же мысли о задачах царской власти. Полагая, что идеальный царь уподобляется богу заботою о подданных, благоволением к боярам, правдою, милостию и человеколюбием к обидимым, Максим призывает Ивана стремиться к этому идеалу, взирать на самого высшего, вверившего ему «скипетръ царства преславнаго», стараться идти путем угодным богу. Чтобы узнать, каков этот путь, Максим советует царю чаще читать послание царьградского патриарха Фотия богарскому царю Михайлу: отсюда он почерпнет «великую премудрость и пользу» (II, стр. 351). Мало того, в этом послании Максим идет дальше, чем в «Главах»: говоря об идеале царя, к которому должен приближаться Иван, он дает ему определенные советы, как следует править, которые не только вытекают из того идеала, но и мотивируются уроками истории. Падение Византийского царства надолго взволновало мысль православных и обогатило политический кругозор, вызвав различные объяснения этого события. Одно из таких объяснений предлагает и Максим. Он убежден, что Византия погибла исключительно по вине своих последних царей. Проникнутые

начинающееся словами: «Многа убо и ина суть уподобляющая небесному владыцѣ»..., с указанным заглавием и обращением читается в Казанском издании (II, стр. 346). Между тем во многих списках XVI в. это послание озаглавлено: «Того же инока Максима Грека слово къ начальствующему на земли» и прямо без обращения начинается: «Многа убо и ина суть»... Так в ркп. Публ. библ. имени Ленина в Москве, из бывш. Моск. дух. акад. № 19(42); в ркп. Госуд. архива феод.-крепостн. эпохи в Москве из б. Моск. Архива мин. ин. дел, собрания Оболенского, № 69; ркп. Публ. библ. в Ленинграде, б. Общ. люб. древн. письм. О, СLXXVI и пр. В рукописи собрания М. С. Воронцова, полууст. XVI в. (так. наз. Воронцовский сборник, по которому издана Археографической комиссией Псковская Судная грамота), данное послание заглавия не имеет, но имеет обращение к Ивану Васильевичу, почти совпадающее с напечатанным: «Благовѣрнѣшему і боголюбивому царю и самодръждю всея Русіи православному государю, великому князю Ивану Васил(ь)евичу нишій твой государевъ богомолецъ Максимъ інокъ изъ Святыя Горы низко челомъ бьетъ». Кроме того, в ркп. Воронцова вслед за посланием сохранилась любопытная приписка, адресованная, повидимому, к одному из тех лиц, через которых Максим Грек обращался к Ивану Васильевичу. Привожу ее полностью, как нигде не напечатанную.

Подписание на грамоте: «Прочти, молю тя, со обычнымъ промысломъ и разумнымъ промысломъ и разсуднымъ и разсудомъ праведнымъ тетраťou сію писаную (sic) мною малоумнымъ со всякою истинною і нелицебною любовью, юже имѣлъ есмь изначала і нынѣ имѣю и до смерти имѣти буду къ православиѣ державѣ рустій. Единый сердцеѣдецъ Исусъ Христосъ свидѣтель вамъ, господамъ моимъ, от мене, яко ничто же лестию, ни хитростию, ни пронырствомъ, ни по ласканію говорю, ни пишу къ вамъ. Всѣхъ васъ возлюбилъ есмь изначала і нынѣ люблю всѣмъ сердцемъ моимъ, какъ и себе самого, благоизволите убо и вы ту же любовь показати къ вашему богомолцу нищему. Здравъ всегда живи и весель, послѣ ми пожалуй мало иберы, корицы и ино что индѣйское бы жилие, аще ест у тебе, прошу та у тебе на нужу со всякимъ упованіемъ добрымъ по твоему жалованію». (Ркп. Археогр. ком. Акад. Наук СССР из собр. М. С. Воронцова, полуустав XVI в., на 461 л., л. 32 об.). Эта приписка сделана, должно быть, для того митрополичьего казначея Алексея, через которого посылались «Главы поучительны», и которого тогда Максим Грек просил о присылке греческой книги Григория Богослова и «греческого клубочка».

гордостью, сребролюбием и лихоимством, они «хищаху неправеднѣ имѣнія подручниковъ, презираху своя бояры въ скудости и лишениі потребныхъ живущихъ, вдовицы обидимыя и сироты и нищая, не отмищая обидящихъ я».¹ Злоупотребления царей по отношению к подданным, их презрение к боярам, равнодушие к слабым и притесняемым — навлекли гнев праведного судии на византийское царство. Максим советует Ивану не следовать примеру византийских царей, но осуществлять свою власть, руководствуясь противоположными принципами, — устроить жизнь подданных «всякою правдою и благостию и царскимъ разумомъ».² Для этого царь, по мысли Максима, должен относиться с уважением ко всем группам, облеченным той или иной властью или осуществляющим ее. Прежде всего он должен почитать духовную иерархию, митрополита и епископов и слушаться их советов: «сущаго у тебе преосвященнаго митрополита и боголюбивыя епископы всякія чести сподобляй и бреги, аки ходатая суща богу и челоувѣкомъ, и о твоємъ богохранимомъ царствіи безпрестани молящася... Сице убо почитай ихъ и бреги, и полезная богохранимѣй державѣ твоей совѣтующихъ послушай. сихъ бо слушая, самого спаса и царя твоего Іисуса Христа слушаешь...»³ Также с уважением царь должен относиться к боярству и воинству и щедро награждать их за службу. В этом залог могущества державы: «Такожде и сущая о тебѣ пресвѣтлыя князи и бояры и воеводы преславныя и добляя воины и почитай и бреги и обильно даруй; ихъ бо обогашая, твою державу отвсюду крѣпиши и ограждаеши».⁴ Наконец, последний совет царю — совет о заступничестве за обидимых, вдов и сирот убогих: «Вдовы и сироты убогія обидимы да не презрѣши воздыхающа и слезы горкія проливѣюща предъ отцемъ сирыхъ и судію вдовицъ и предстателемъ убогихъ».⁵

Кроме указания на отрицательный пример византийских царей, Максим Грек в подтверждение своей мысли ссылается еще на новые исторические примеры — на Кира персидского, как положительный, и царей иерусалимских, как отрицательный. Он говорит, что бог возвысил царство Кира, несмотря на его идолопоклонство «за превелію правду и кротость и милосердіе его къ подручникомъ своимъ»,⁶ а царство Седекиево и Ехо-

¹ Каз. изд., II, стр. 351.

² Ibid., стр. 352.

³ Ibid., стр. 352.

⁴ Ibid., стр. 353. В печатном издании две фразы слиты в одну: после слова «ограждаеши»

должна быть точка.

⁵ Ibid., стр. 353

⁶ Ibid., стр. 354.

ниеву, царей иерусалимских, «хоти и благовѣрни бяху отчасти», разорено «за ихъ всяческое беззаконіе и сатанинскую гордость и богомерское лихоиманіе».¹

Советы Максима Грека об отношении царя к иерархии, боярству, воинству и нищей братии, вытекающие из его религиозно-нравственного мирозерцания и подкрепленные историческими примерами, если рассматривать их вне условий того времени, когда они были высказаны, могут показаться имеющими исключительно моральный смысл. На самом деле значение этих советов должно измеряться не только в глубину их моральной концепции, но и в ширину их политической значимости. Правда, в этих советах Максима нет детально разработанной программы, но политического значения их отрицать нельзя. Максим говорит о дружной согласованной работе светской и духовной власти, о благожелательном отношении власти к важнейшим политическим группам. Его позицию можно характеризовать как точку зрения координации политических сил, причем состав их он не ограничивает духовенством и боярством, но вводит сюда и молодую силу, только что начинавшую заявлять о себе — воинство (т. е. дворянство, военно-служилых людей). Взгляд Максима Грека не оставался отвлеченным построением ученого отшельника, но тогда же претворялся в действительность. Политика «избранной рады» и представляет собою политику согласованного действия духовенства, боярства, воинства и торгово-промышленного класса, так называемых «посадских».² Представитель «посады» протопоп Сильвестр и дворянин Адашев, удалив от царя «ласкателей», как сообщает Курбский, пригласили прежде всего митрополита, «и къ тому всѣхъ предобрыхъ и прендобныхъ мужей, презвитерствомъ почтенныхъ». Затем они привлекли «совѣтниковъ, мужей разумныхъ и совершенныхъ, въ старости мастите сущихъ, благочестіемъ и страхомъ божіимъ украшенныхъ; другихъ же, аще и во среднемъ вѣку, тако же предобрыхъ и храбрыхъ, и тѣхъ и онѣхъ въ военныхъ и въ земскихъ вещахъ по всему искусныхъ». Здесь весьма интересно деление советников на две группы: одну «въ старости мастите сущихъ» и другую «во среднемъ вѣку», «хра-

¹ Ibid., стр. 355.

² Время господства «избранной рады» в управлении Г. В. Плеханов считал «временем компромисса между боярством, духовенством и дворянством» (История русской общественной мысли, т. I, стр. 181). Но В. А. Келтуяла в своем курсе «Истории русской литературы» (ч. I, кн. 2, стр. 626) и М. Н. Покровский в «Курсе русской истории с древнейших времен» (т. I, стр. 247 и след.) с большим основанием полагают, что это был компромисс всех руководящих классов населения, включая сюда и торгово-промышленный класс, интересы которого представлял протопоп Сильвестр, сам торговавший и учивший других промыслам и торговле.

брыхъ». Политика «избранной рады», по словам Курбского, соответствовала ее названию: «воистинну по дѣламъ и нареченіе имѣли, понежъ все избранное и нарочитое совѣты своими производили, сирѣчь судъ праведный, нелицепріятенъ, яко богатому, тако и убогому, еже бываетъ во царствѣ наилѣпшее». Политика «рады» отражала и присутствие в составе ее молодой силы, какой был сам Алексей Адашев и советники «во среднемъ вѣку», «храбрые»: отсюда понятны те реформы, которые были проведены в интересах устройства служилого сословия: «и къ тому воеводѣ, искусныхъ и храбрыхъ мужей, сопротивъ враговъ избирають, и стратилатскіе чины устрояють, яко надъ ѣздными, так и надъ пѣшими; и аще кто явитца мужественнымъ въ битвахъ и окровилъ руки въ крови вражѣи, сего дарованными почитано, яко движными вещи, такъ и недвижимыми».¹ В известной идейной роли Максима Грека по отношению к «избранной раде» едва ли можно сомневаться. Высокая авторитетность Максима для Сильвестра и митрополита Макария является засвидетельствованной и со стороны их личных отношений. Макарий мысленно целовал узы Максима «яко единого отъ святыхъ»,² читал его произведения, «зѣло» «хвалил» их и просил посылать новые.³ Сильвестр также получает «слова» от самого Максима и Максим со своей стороны считал возможным обращаться к Сильвестру с просьбой за известных ему сирот.⁴

§ 13. Года через четыре после венчания Ивана на царство, когда проведены были реформы 1550 г. и созван был Стоглавый собор (23 февраля 1551 г.)—весной 1551 г. Максим Грек обратился к царю с новым посланием, ныне впервые издаваемым. Здесь он высказался с глубоким сочувствием о той преобразовательной и устроительной деятельности Ивана, которая была подготовлена его советниками. Во второй части послания, для нас особенно интересной, Максим восхваляет царя, как поборника правды и устроителя земли. Он выражает пожелание, чтобы все сочувствовали «нарочитымъ и достохвальнымъ исправленіямъ царствующихъ благовѣрно»,⁵ и далее рисует внутреннюю деятельность царя следующими чер-

¹ Сочинения князя Курбского, т. I, стр. 171, 172 (Русск. ист. библиот., т. XXXI), СПб., 1914.

² Москвитянин за 1842 год, № 11, стр. 91.

³ Ibid., стр. 94.

⁴ Каз. изд., II, стр. 379—381.

⁵ Приложение. По ркп. публ. Библиот. имени Ленина в Москве, б. Рум. музея, № 264, XVI в., л. 303. Послание до сих пор оставалось не изданным и не привлекало внимания исследователей средневековой русской литературы. Оно не имеет отдельного заглавия и прямо начинается на л. 302 следующими словами: «Да исчезнет от всякия благочестивыя мысли лъжа и ласканіе и завистливъ нравъ, такожде да исчезнет всяко неправодѣство и лихорадство, да множит же ся всяко праводѣство и истина и християноулюбенъ нравъ и кротость»... В пользу

тами. Царь правит царство правдою и правосудием, своими «премудрѣйшими умышленіи и строеніи»¹ очищает его от разбоя, кровопролития и всяких преступлений, от клеветников, от волшебной «прелести» и сатанинских играний. И действительно, результат реформ налицо. Земля, раздираемая прежде злодействами и неправдой, успокоилась. Как в древности при знаменитых царях Александре Македонском и Августе-Кесаре страны их благоденствовали, так и теперь Русь, управляемая предобрými и премудрыми велениями Ивана Васильевича, пользуется внутренним миром. Послание заканчивается просьбой Максима о милости и помощи царской, которой ждет он, чтобы с веселым сердцем приносить молитву богу о благоверной державе. Эти молитвы приносит он непрестанно, и теперь, хотя не сподобился видеть царского лица, но услышав об «исправлениях и строениях»² царских, исполнился духовной радости.—Представляя живой отклик на события своего времени, рассматриваемое послание находится в самой тесной связи с памятниками законодательной работы 1551 г. Самые термины «исправления и строения» не раз употребляются в Стоглаве. Так, например, в рассказе о созваніи собора говорится: «Доблїй же онъ миротворецъ, державный самодержецъ, прекроткїй царь Иванъ, мнозѣмъ разумом и мудростію венчанъ и в совершенномъ благочестїи царство съдръжа, осїаваемъ благодатію божественного духа, зѣло воспалился утробою и с теплымъ желаніемъ подвижесе не токмо о устроенїи земномъ, но и о многоразличных

принадлежности послания Максиму Греку ясно говорят не только язык его, представляющий такие формы, как например род. пад. множеств. числа на «-хъ»: еллинѣх, халдеех, но и содержание, в котором мы снова встречаемся с просьбой, характерной для всех почти посланий Максима Грека к царю. Максим и здесь умоляет царя избавить его от претерпеваемых бедствий и страданий: «помощи царския... да сподоблюся получитьи и азъ окаянный, лѣта ужъ доволна удръжимъ и различными обстояніи озлобляемъ я, яко же лодїа въ пучинѣ, безпрестанно обуреваемъ всякими тревоженїи. Ущедри мя, благовѣрнѣйшїй царю, и многолѣтнаго злослєбіа благоизволи избавити мя щедротъ ради всемилостиваго бога» (л. 304). «Исправления и строения», о которых идет речь в изложенном послании, очевидно, относятся к эпохе 1550, 1551 гг., когда состоялся Стоглав и был проведен ряд реформ как церковно-православного, так и политического характера. Послание писано, вероятно, в 1551 г. Позднее появиться оно не могло. Во-первых, Максим Грек в конце послания замечает, что он не сподобился видеть царского лица. Нам же известно, что Максим видел царя в 1553 г., как об этом свидетельствует Курбский. Сочинения кн. Курбского, т. I (Русск. ист. библ., т. XXXI), СПб., 1914.—(Ср. В. С. Иконников. Максим Грек, стр. 537—538, 2-е изд., Киев. Во-вторых, просьба о помощи царской, об избавлении от многолетнего озлобления, дает понять, что в то время автор еще был заключен в Тверском монастыре. А так как освобождение Максима Грека из заключения и переселение его к Троице относится ко второй половине 1551 г., то послание, очевидно, писано весной этого года.

¹ Приложение. По ркп. Публ. библ. имени Ленина в Москве, б. Рум. музея. № 264, л. 303 об.

² Ibid. л. 304.

церковныхъ исправленіи, и возвышаетъ сіе отцу своему пресвященному Макарію, митрополиту всея Руси».¹ То же самое еще яснее видно в писании царя, представленном на собор, где он обращается к отцам собора с следующей просьбой: «бога ради и пречистые богородицы и всѣхъ святыхъ ради потружайтесь по еже исправить истинная и непорочная наша христіанская вѣра, еже от божественаго писанія, во исправленіе церковному благочинію и царскому благозаконію и всякому земскому строенію, и нашимъ единокровнымъ и безсмертнымъ душамъ на просвѣщеніе и на оживленіе».²

Описание преобразовательной деятельности царя в послании также указывает на церковные и земские реформы 1550, 1551 гг. Максим Грек говорит, что царь очищает царство от «вльщебныя прелести и всяческихъ сатанинскихъ играній чюwestвенныхъ бѣсовъ, слуговъ алтіхристовыхъ, пленящихъ душа вѣрныхъ въ всякихъ богомръзскихъ блуженіи».³ Стоглав вполне подтверждает справедливость этихъ слов, когда восстаетъ против игрищъ «эллинскаго бесованія», против волхвования и чародеянія, говоря между прочимъ, что «играніе всему злу начало ест и погубленіе веліе».⁴ В Словахъ Максима, что царь правит царство «всякою правдою и правосудіемъ», очищает его «премудрѣйшими умышленіи и строеніи от всякаго неправдованія, разбойничества же и кровопролитія неправеднѣйшихъ и клеветникъ бездушнѣйшихъ»⁵ — нельзя не видеть указанія на те меры, которые в 1550, 1551 гг. предприняты были правительствомъ в целяхъ правосудія. Таково в особенности исправленіе Судебника, относящееся к 1551 г. Наконец, Максим Грекъ говоритъ объ умиротвореніи земли, какъ результате мудрыхъ веленій царя: «Утѣшила(ся) же и при тебѣ, благовѣрнѣйшій самодръжче нашъ, от различныхъ злобы и неправодѣльства велеименитаа страна всея Руси, управляема предобрѣйшѣ твоими премудрыми умышленіи и велѣніи».⁶ При этихъ словахъ, кроме упомянутыхъ уже меръ, невольно припоминаются те меры умиротворенія и примиренія, предпринятыя в 1550 г., после которыхъ должны были исчезнуть вражда и злоба между царемъ и боярствомъ, между кормленщиками и землей.⁷

¹ «Царьскія вопросы и соборныя отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинехъ» (Стоглав), стр. 18. Москва, 1890.

² Стоглав, стр. 24.

³ Приложение. Ркп. Публ. библ. им. Ленина в Москвѣ, б. Рум. музея, № 264, л. 303 об.

⁴ Стоглав, стр. 385.

⁵ Приложение. Ркп. Публ. библ. им. Ленина в Москвѣ, б. Рум. музея, № 264, л. 303 об.

⁶ Ibid., л. 303 об.

⁷ Сомневаясь в подлинности речи Грозного по Степенной Книгѣ, имеемъ однако в виду «царское рукоисаніе», представленное на Стоглавый соборъ и речъ Грозного на Стоглавомъ

§ 14. Характеризуя взгляды Максима Грека на идеальные задачи царской власти и отношение его к политике 1547—1551 гг., интересно также ближе подойти к вопросу, как мыслил Максим отношения царя к духовенству во главе с митрополитом, боярству и воинству в отдельности. Хотя материал для освещения этого вопроса не настолько достаточен, чтобы удовлетворить нас вполне, однако и он должен быть использован, насколько возможно. Отношение царя к духовенству в лице иерархии определяется для Максима, конечно, теми принципами, из которых он исходил, говоря о взаимном отношении светской и духовной власти. Так как идеалом его является взаимная согласованность властей, то он вменяет в обязанность царю выслушивать и принимать от митрополита и епископов полезные советы в делах державы. Об этом он прямо и говорит в одном из посланий к Ивану: «Сице убо почитай ихъ (т. е. митрополита и епископов) и бреги, и полезная богохранимѣй державѣ твоей совѣтующихъ послушай, сихъ бо слушаю, самого спаса и царя твоего Иисуса Христа слушаешь, но божественному уставу, глаголющу: слушаай васъ мене слушаетъ, а отменяйся васъ мене отменяется и пославшаго мя. Видзь, о, благовѣрнѣйшій государю! гдѣ восходитъ, яже къ боголюбивымъ архіереомъ, честь и безчестіе. Страшно слово сіе, о, благовѣрнѣйшій царю, и достойно всякаго храненія и бжеженія, аще къ самому вышнему переходитъ еже ко архіереомъ послушаніе же и преслушаніе наше».¹ В этом же смысле говорит Максим в одном из посланий к Макарию, обращаясь с молитвой к богу за царя и митрополита: «соблюди ихъ, владыко, на многа лѣта, въ мирѣ и утверженіи всякомъ пасущихъ благовѣрное наслѣдіе твое по твоимъ спасительнымъ заповѣдемъ, ового убо апостололѣпно вкупѣ и безъ обиновенія обильнѣ учаща и совѣтующа царю твоему, яже тебя угодная и любимая и елика спосиѣшествуютъ въ снисканіе и утверженіе православныхъ людей твоихъ, ового же благопокорнѣ послушающа и приѣмлюща архіерейскія совѣты и поученія и дѣломъ совершающа, яко да обоими прославляется всесвятое имя твое предъ всѣми окрестными языки».² Считая право и обязанность совета принадлежащими прежде всего иерархии, Максим Грек не ограни-

сборе, в которой он говорил между прочим: «въ предъидущее лѣто бить есмь вамъ челомъ и съ бояры своими о своемъ согрѣшеніи, а бояре такоже и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили, а язъ по вашему прощенію и благословенію бояръ своихъ въ прежнихъ во всѣхъ винахъ пожаловалъ и простилъ, да имъ же заповѣдалъ со всѣми хрестьяны царствия своего въ прежнихъ во всякихъ дѣлехъ помирится на срокъ и бояре мои всѣ приказные люди и кормленщики со всѣми землями помирились во всякихъ дѣлехъ». Стоглав, стр. 24, изд. 2-е, Казань, 1887.

¹ Каз. изд., II, стр. 352, 353.

² Ibid., II, стр. 360.

чивается этим. Он думает, что советовать царю может всякий человек, способный дать совет, полезный обществу и отвечающий интересам времени. И власть должна выслушать и принять к сведению полезное, хотя бы оно предложено было человеком, стоящим на низшей ступени. В послании вел. кн. Василию Ивановичу, впервые издаваемом нами, Максим Грек замечал об этом: «Сія же писах къ высоге крѣпкаго и чествуемаго царствіа твоего, надѣявсья въ ми(ло)сть его и в дарованную ему от бога благоразумную мудрость, ею же кротко услышитъ всѣхъ могущихъ съвѣтовати, что полезно обществу и времени присгоящее, избираетъ же благоразумно пользующаа, аще и от худѣйшаго будутъ реченаа».¹ Итак право совета с точки зрения Максима не есть чья-либо исключительная привилегия. Советников нужно выбирать, руководствуясь качеством советов. В «Главахъ поучительныхъ» он говоритъ Ивану: «Дивна совѣтника и доброхотна твоему царствію оного возми, не иже чрезъ правду на рати и воеванія вооружаетъ тя, но иже совѣтуетъ тебѣ миръ и примиреніе любити всегда со всѣми окрестными сосѣды богохранимыя ти державы».² Предполагать у Максима Грека мысль об ограничении царя советомъ именно боярскимъ нетъ никакихъ оснований.³ Даже в первые годы деятельности Максима в Москвѣ, когда он былъ особенно близокъ къ боярству и в своей чудовской келии велъ не только академическія бесѣды съ культурнѣйшими его представителями («спиралися межъ себя о книжномъ», по словамъ келейника), но и принималъ опальныхъ и наединѣ разговаривалъ съ ними о политикѣ, даже тогда взгляды его далеко не отвечали чаяннѣмъ оппозиціоннаго боярства. Однажды во время одного изъ такихъ разговоровъ извѣстный бояринъ-консерваторъ Берсень-Беклемишев высказалъ ему свое недовольство переменой порядковъ со времени появленія в Москвѣ вел. кн. Софьи и жаловался на вел. князя, что тотъ все дѣла решаетъ запершихъ самъ-третей. Берсень видѣлъ в этомъ нарушеніе старыхъ обычаевъ и мрачно смотрѣлъ на будущее. Он говорилъ Максиму: «Максимъ господине, вѣдаешь и самъ, а и мы слышали у разумныхъ людей: которая земля переставливаетъ обычи свои, и та земля недолго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычи князь велики перемѣнилъ; ино на насъ котораго добра чаяти?». Максимъ отвѣтилъ на это Берсеню: «господине, котораа земля преступаетъ заповѣди божьи, та и отъ бога казни чаетъ, а обычаи

¹ Приложение. По ркп. Публ. библ. в Ленинградѣ, f. XVII, № 13, л. 81 об.

² Каз. изд., II, стр. 162.

³ Нельзя поэтому согласиться съ мнѣніемъ Вл. Вальденберга, который предполагаетъ у Максима Грека мысль об ограничении царя боярскимъ советомъ, и пытается объяснить ее какъ отголосокъ чужихъ мнѣній (Древнерусскіе учения о пределахъ царской власти, стр. 261—265, II, 1916).

царьскіе и земскіе государи перемѣняютъ, какъ лутче государству его».¹ Мысль Максима была выражена в этих словах совершенно ясно: он далек был от настроения Берсена. И позднее культурная близость Максима с лучшими представителями московского боярства, как мы знаем, не помешала ему в малолетство Грозного безбоязненно выступить против злоупотреблений боярской власти. Максим Грек оценивал роль боярства не с точки зрения узких симпатий, подсказанных традиционными боярскими интересами. Им руководило более широкое понимание роли боярства в изменяющихся условиях. Он беспощаден в обличении злоупотреблений «судей», «наместников», узурпаторов власти, но с другой стороны в то же время он далек и от принципиального отрицания политических прав боярства: князья и бояре для него — «соначальники» и «споспѣшники»² великого князя и царя. В другом месте он говорит о «соправящихъ царю» «православныхъ князехъ и боярехъ»³ и, обращаясь к Ивану, напоминает, чтобы он берег, почитал и обильно одарял «пресвѣтлыя князи и бояры и воеводы преславныя».⁴ Со стороны бояр и воевод Максим особенно необходимым считал правду, справедливость и взаимное «единомысліе» и «друголюбіе», намекая, очевидно, на частые споры, вызывавшіеся местничеством. В послании к одному боярину и князю озаглавленном: «Къ начальствующимъ правовѣрно, о исправленіи. Рассуждайте богоугодно, вкупѣ же и челоувѣколюбно», он пишет, что идеальную земскую державу, руководимую премудростью благовернаго царя, растворенною правдою, кротостию, заботой о подданных, любят все соседи за правоту и справедливость соправящих царю ее православных князей и бояр; с этой державой все хотят жить в мире, вследствие должной заботы держащего в ней царский скипетр о воинском деле и более всего благодаря единомыслию и дружбе между собою бояр и воевод: ибо крепче и страшнее этого нет ничего для врагов. Далее, в том же послании, Максим снова подчеркивает высказанную мысль: «Не солгахъ убо, повыше рекъ: ничто же крѣпчае, ниже страшнѣе быти супостатомъ единомысліе боляромъ, еже другъ ко другу, и правды ихъ, ихъ же сподобляются отъ прилежнаго храненія заповѣдей и велѣній, всевладушаго самого имѣюще поборюща по нихъ и заступающа».⁵ Вопрос об отношении идеального царя к боярам и воеводам и о том, каков должен быть воевода, видимо, интересовал Ма-

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук, т. I, № 172, стр. 142, СПб., 1836.

² Каз. изд., II, стр. 419.

³ Ibid., стр. 338.

⁴ Ibid., стр. 353.

⁵ Ibid., стр. 340, 341.

ксима Грека. Специально на эти темы мы находим у него два переводных отрывка. В первом из них рассказывается об Александре Македонском.¹ Когда все правители греческой земли единодушно избрали Александра своим царем и перед походом против персов вокруг него собралось «премного благородных государех и княз и властелех», Александр, видя их усердие и готовность, «все головы своя положити за отечество свое», сейчас же щедро наделил их, раздав все свое Македонское царство: города, волости, села, имущество. Все были удивлены и обратились к Александру с вопросом: «Царю Александре, государю, вся твоя намъ роздавалъ, а себѣ что еси оставилъ?» Александр им ответил: «Себѣ есмь оставилъ надѣжы, рекше, что въперед добуду вашими труды и подвигы, то себѣ оставилъ». Отрывок заканчивается дидактическим резюме, которое ставит Александра в пример всякому государю и воеводе: «Таковому подобаеъ быти всякому преславному государю и воеводѣ пресловутому: воинолюбцу, а не самолюбцу, подвиголюбцу и трудолюбцу, а не лѣнливу и пищелюбцу, на полах за все съ вои своими въворяющуся въ шатрѣхъ, а не в теплых и прекрасных храминах и частых мылнѣх, аще въ истину желает свою убо державу крѣпити отвсюду, а своя недруги смирити».² Другой переводный отрывок взят из Свида и озаглавлен: «О архистратигѣ еже по-русски воевода, какову ему быги во исправленіи земстѣмъ».³ Идеал военачальника и воеводы рисуется здесь такими чертами. Велизарий архистратиг был телом прекрасен, ростом высок, обходителен, настолько скромен и доступен для обращавшихся к нему с жалобами, что с нищими и людьми незнатными держал себя, как равный им. Сочувствие и любовь к его воеводству со стороны воинов и сельских жителей были велики; ибо воинов он щедро одарял больше всех, страдания получивших раны в сражении облегчал, наделяя их большими именьями; проявивших особую храбрость награждал гривнами и золотыми цепями; а кто из воинов лишился в бою коня или лука, тому Велисарий возмещал утраченное. К сельским жителям Велисарий относился так милостиво и бережно, что они никогда не подвергались насилию со стороны воинов во время его воеводства; все они продавали по справедливой цене, и когда цвели посевы, он строго наблюдал, чтобы кони, проходя, не потоп-

¹ Отрывок этот находится в рукописи Публичной библиотеки им. Ленина в Москве, б. Румянцовского Музея № 264, XVI в., на лл. 18, 18 об. и печатается нами в приложении. За принадлежность его Максиму говорит язык (формы род. пад. мн. ч.: «государех», «властелех»).

² Приложение. По ркп. Публ. библ. им. Ленина в Москве, б. Рум. музея, № 264, л. 18, л. 18 об.

³ Каз. изд., III (1897 г.), стр. 193, 194.

тали их; когда же поспевали плоды, не позволяя их касаться. Был он, кроме того, целомудрен и украшен всякими добродетелями.

Боярство в представлении Максима не занимает исключительного положения. Везде рядом с ним он ставит и воинство. Мы уже видели, что в «Главах» Максим говорит царю не только о боярах и воеводах, но и о воинах: «Такожде и сущая о тебѣ пресвѣтлыя князи и боляры и воеводы преславныя и добляя войны и почитай и бреги и обильно даруй; ихъ бо обогащая, твою державу отвсюду крѣпиши и ограждаеши».¹ Вообще для государства Максим считает очень важной заботу о «воинственныхъ дѣлехъ»;² она необходима и в интересах силы государства, и в интересах мира, так как с идеальной державой все соседи желают жить в мире «праведнаго ради прилежанія же и бодрости о воинственныхъ дѣлехъ держащаго царскіе скипетры ея».³ Деятельная любовь к войску — необходимое качество царя и воеводы. Взгляд Максима может быть иллюстрирован еще новой цитатой. В неизданном послании вел. кн. Василию Ивановичу он говорит между прочим, что, предпринимая войну, надо «воскрылить» дух войска дарами и «изострить» возбуждающими мужество речами: «Въскрилимъ нашихъ многихъ и добрыхъ сущихъ царскими дарованіи и изостримъ ихъ благими словесы и подвизательными, и каковыми великий въ царѣхъ Ираклій, на Перьсыду устремився, изострилъ ест своихъ».⁴

Итак Максим заранее предвосхищал заботу о воинстве-дворянстве, характерную для первых лет царствования Грозного. Кроме приведенного выше свидетельства Курбского «о стратилатскихъ чинахъ», припомним также показания летописей. Никоновская летопись и так называемая Царственная книга под 1551 г. так рисуют заботы царя о «воинахъ»: «...многое множество раздаваше, паче же своихъ воиновъ жалуючи: въ преднихъ бо лѣтописцѣхъ такихъ расходовъ не пишеть, каково государь жалованіе къ своимъ и ко всѣмъ приходящимъ показуетъ; богъ бо вложи въ сердце его, хотя помиловати родъ христіанскій, избавити отъ нападенія варварскаго и свободити родъ христіанскій на вѣки отъ бесерменства. И видѣвъ такую его любовь и жалованіе и на всякъ часъ попеченіе о людехъ, порученныхъ ему отъ бога, и всѣ почали тѣдиться, какъ за бога и за него государя пострадати, а окрестныи страхъ и ужасъ на собѣ имѣти. И не исписати бо сего, какъ призвалъ бога на помощь и на конь свой сѣлъ, како строити

¹ Каз. изд., II, стр. 353.

² Ibid., стр. 338, 339.

³ Ibid.

⁴ Приложение. По ркп. Публ. библ. в Ленинграде, f., XVII, № 13, л. 80.

учаль вѣиьство свое, богу ему такъ пособствующу»¹ ...Аналогичную картину дает и Казанский летописец. И здесь в таком же свете рисуется отношение царя к ратным, служилым людям. Рассказывается, что царь, видя запустение своей земли от нападения крымцев и казанцев, скорбел и молился: «да вразумитъ его богъ то же языкомъ воздати, еже они христѣяномъ воздаша. И смѣти по всей области своей ратныхъ людей служивыхъ ему, и любля и(хъ) и брежаще старыя яко отца, средовѣчныя яко братію, юнныя же яко сыны, всѣ почиташе честми прилѣжными. И отъ сѣго самодержца почашася воемъ быти трудъ великъ и печали велицы, и брани, и кровопролитіе, обещашеся копьѣ, и мѣдныя щиты, златыя шлемы и железныя одеянія на всѣхъ. Яко разуме, яко мощно есть, божіею помощію и съ тѣмъ своимъ воинствомъ, бреши землю свою со всѣхъ странъ отъ поганыхъ языкъ, и еще ново прибави (к)ъ нимъ огненныхъ стрелцовъ много, къ ратному дѣлу гораздо изученыхъ и главъ своихъ не шадящихъ, а въ нужное время отцы и матерей и женъ и детей своихъ забывающи, и смерти не боящеся, ко всякому бою, аки къ велице которой корысти или къ медвяной чаше царева, другъ друга напередъ течаху и сильно бѣхуся, и складаху главы своя неместно за вѣру христѣянскую и за любовь къ нимъ царскую, забывал жены своя и дѣти».²

Когда взято было Казанское царство, мысль о воинстве, положившем свою жизнь при его взятии, была настолько жива у Максима Грека, что он, несмотря на свои преклонные годы, решительно и безбоязненно заступился перед Иваном за вдов и сирот этого воинства. В 1553 г. Иван проезжал через Сергиев монастырь, направляясь по обету в Кириллов с царницей и новорожденным сыном, и остановился в Сергееве на три дня. Максим, находя царский обет неразумным, мужественно выступил перед царем, и, отговаривая его от далекой поездки с женой и младенцем, советовал лучше исполнить долг по отношению к убитому воинству: «Аще, рече, и обещался еси тамо ѣхати, подвижуще святаго Кирила на молитву къ богу; но обѣты таковыя съ разумомъ не согласуютъ. А то сего ради: егда доставалъ еси такъ прегордаго и сильнаго бусурманскаго царства, тогда и воинства христѣанскаго храброго тамо не мало отъ погановъ падоша, яже бращася съ ними крѣпце по бозѣ за православіе, и тѣхъ избѣенныхъ жены и дѣти осиротѣли и матери обещадели, во слезахъ многихъ и въ скорбехъ

¹ Полное собрание русских летописей, т. XIII, перв. полов., стр. 166. Ср. там же, т. XIII, вторая полов., стр. 467.

² Полное собрание русских летописей, т. XIX, История о Казанском царстве (Казанский летописец), стр. 44, 45, СПб., 1903.

пребываютъ. И далеко, рече, лучше тѣхъ тобѣ пожаловати и устроить, утешающе ихъ отъ таковыхъ бѣдъ и скорбей, собравше ихъ ко своему царственнѣйшему граду, нежели тѣ обещанія не по разуму исполняти. А богъ, рече, вездѣ сый все исполняетъ и всюды зрѣтъ недреманнымъ своимъ окомъ...» Но царь не послушался, твердя свое: «ѣхати, да ѣхати ко святому Кирилу».¹

§ 15. На этот раз напоминание об убитом воинстве было вместе с тем заступничеством за вдов и сирот. Здесь мы подходим еще к одной черте взглядов Максима на власть, тесно связанной с основами его миро-созерцания. Исходя из евангельских заветов Христа, Максим Грек был убежден, что милосердие к нищим составляет главный долг человека, неразрывно связанный с любовью к богу и к ближним. Он говорил: «Милость, яже къ нищимъ и яже отъ чистаго сердца къ самому господу и всѣмъ чело-вѣкомъ любви, то есть все, еже взыскуетъ отъ насъ Христосъ богъ, ихъ же кромѣ вся прочая безъ успѣха суть: и воздержаніе отъ брашенъ и долги подвиги молитвенніи».² Дух милосердия к нищим и убогим, вдовам и сиротам проникает всю публицистическую деятельность Максима. Он составляет животворящую и зиждущую силу всех его обличений. Поэтому и в вопросе об идеальной власти милосердие к нищим, убогим и заступничество за оби-димых возводятся в число важнейших обязанностей царя, и Максим, сказав об отношении царя к духовенству, боярству и воинству, продолжает: «вдовы и сироты, убогія обидимы, да не презрѣши въздыхающа и слезы горькія проливѣюща предъ отцемъ сирыхъ и судією вдовицъ и предстателемъ убо-гихъ. Не полезно бо твоей державѣ сичево презрѣніе и нерадѣніе, ни что же иво прегрѣшеніе наше толь прогнѣваетъ неисчетную благодѣтельность и на отмщеніе обидимымъ воставляетъ его, елико въздыханіе и слезы, писано бо есть святымъ царемъ и пророкомъ Давидомъ: озлобленія ради нищихъ и въздыханія убогихъ нынѣ востану, глаголетъ господь, и прочая».³ Искренняя любовь к обиженным проникала и литературную деятельность Максима и всю его жизнь. Мы знаем неоднократные случаи его заступни-чества. И еще в царствование Василия III эта деятельная любовь, пови-димому, навлекла на Максима обвинения. По крайней мере, когда в 1525 г. он был привлечен к суду по делу Берсеня-Беклемишева, ему пришлось оправдываться по поводу какого-то обвинения, текст которого до нас не дошел, но ответ Максима сохранился, и он весьма интересен: «Да Мак-

¹ Сочинения князя Курбского, т. I, стр. 208, 209, СПб., 1914.

² Каз. изд., II, стр. 33.

³ Ibid., II, стр. 353.

симъ же говорилъ: истинну, господине, вамъ скажу, что у меня въ сердцѣ, ни отъ кого есми того не слыхалъ и не говаривалъ ни съ кѣмъ, а мнѣньемъ есми своимъ то себѣ держалъ въ сердци: вдовици плачють, а пойдетъ государь къ церквѣ и вдовици плачють и за нимъ идутъ, и они ихъ бьютъ; и язъ за государя молилъ бога, чтобы государю богъ на сердце положилъ и милость бы государь надъ ними показалъ».¹

§ 16. Переходя к взглядам Максима Грека на внешнюю политику Московской Руси, мы вступаем в область, особенно нуждающуюся в объективном освещении. Оно необходимо ввиду недостаточности данных, которыми мы до сих пор располагали, оно важно для понимания самого Максима. Начнем с предварительных соображений о том, что может считаться вполне ясным и не вызывающим возражений. Нет сомнения, что в Максиме было чрезвычайно сильно и ярко греческое сознание. Прибыв в Россию человеком, окончательно сложившимся, уже ранее в Италии и на Афоне выработавшим и путем внутренней борьбы выстрадавшим свои убеждения, Максим, несмотря на долгие годы жизни на Руси и активное участие в идейном творчестве русской жизни, до конца дней своих остался истым греком. В своем «исповѣданіи православной вѣры», написанном в малолетство Грозного, он прямо заявлял, что дело его по обвинению в отступлении от православной веры подлежит суду вселенского патриарха, а не русского митрополита: «Грекъ бо азъ и въ гречестѣй земли и родився и воспитанъ и постригся въ иноки. Сего ради и греческыя земли святителемъ повиненъ есмь по божественнымъ правиломъ и уставомъ святыхъ соборъ».² Очень характерны и неоднократно на протяжении многих лет повторяющиеся просьбы Максима отпустить его в родной Ватопед, где он трудился с юности, где его ждут, где он хочет сложить свои кости. Устойчивый национальный облик Максима естественно мог приводить его к столкновению с отдельными чисто-русскими тенденциями как в сфере церковных отношений, так и в области внешней политики. Самый факт таких противоречий несколько не удивителен, но тем серьезнее необходимость внимательно проследить, как разрешал их сам Максим. Одно из противоречий, рано вскрывшееся, касалось вопроса об отношении русской церкви к константинопольскому патриарху. После падения Византии в Московском государстве стало все более и более распространяться мнение, что свет греческого православия меркнет, и русским митрополитам не следует получать поставление от царе-

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук, т. I, стр. 142, прим. СПб., 1836.

² Каз. изд., I, стр. 30, изд. 2-е.

градских патриархов в области, подвластной туркам. Эти вполне понятные стремления к автокефальности не получали однако церковно-юридической санкции и приводили к актам односторонним и случайным, которые Максим Грек не мог иначе квалифицировать как самочинные. Еще в первые годы пребывания своего в Москве он упрекал современников за непоминовение имени патриарха при богослужении, за поставление митрополитов в Москве, а не в Царьграде; он допытывался, на каком основании митрополиты русские ставятся не по прежнему, старому обычаю, у патриарха цареградского. Ему отвечали, что патриарх цареградский дал благословенную грамоту русским митрополитам — «поставлятися имъ волно своими епископы на Руси». Но Максим Грек, как ни искал этой грамоты, не мог ее нйти.¹ Упреки Максима показались дерзкими и включены были в число обвинений, предъявленных ему на соборах 1525 и 1531 гг. Но, по словам историка церкви: «относительно всего, что читается в обвинении (по этому вопросу), вина Максима состояла единственно в том, что он смел говорить русским неприятную для них правду, на которую они не в состоянии были отвечать ему что-нибудь удовлетворительное».² Глубоко убежденный в своей правоте, Максим Грек не только устно отстаивал свою мысль, но мотивировал ее в особом произведении, написанном, вероятно, по поводу возведения в митрополиты Даниила в 1522 г. Это «Сказание ко отрицающимся на поставленіи и кленущимся своимъ рукописаніемъ русскому митрополиту и всему священному собору, еже не пріимати поставленія на митрополию и на владычество отъ римскаго папы латынскія вѣры и отъ цареградскаго патріарха аки во области безбожныхъ турковъ поганаго царя, и поставленнаго отъ нихъ не пріимати».³ Здесь Максим говорит, что отказ принимать рукоположение от римского папы вполне правилен, ибо папа отпал от «лика православныхъ архіереевъ», но отказ признавать рукоположение константинопольского вселенского патриарха совершенно непонятен. Если рукоположения его гнушаются на том основании, что правоверные цари изгнаны из Царьграда и их заменили неверные, то нужно помнить, что власть нечестивых никогда не может осквернить святынь: ведь и в первые триста лет сваяга церковь, несмотря на власть гонителей христианства, во всем мире сияла, как солнце, посреди нечестия и ни один народ не отлучался от нее, как от оскверненной властью нечести-

¹ Чтения в Обществе истории и древностей рос., 1847 г., № 7. Список с судного списка, стр. 5, 13.

² Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, перв. полов., стр. 714. М. 1900.

³ Каз. изд., III, стр. 126, 1897.

вых. Кроме того, святительство выше царства, ибо, «святительство и царя мажетъ и вѣнчаетъ и утверждаетъ, а не царство святителехъ».¹ Падение царской власти в Византии еще не влечет за собой падения святительства; хотя и изгнаны судом Божиим мирские цари, но духовно царствующий не отвергнут богом. Ту же мысль о неизменности святынь развивал Максим и в другом своем произведении, по поводу подобного же национально-церковного увлечения на этот раз одного из своих собеседников, который находил, что в нынешнее время имя Иерусалима должно принадлежать Москве, так как старый Иерусалим стал непотребен, в течение многих лет находясь во власти нечестивых сарацин. Данное произведение Максима так и озаглавлено: «Сказаніе о томъ, яко не оскверняются святая николи же, аще и многа лѣта обладаемы суть отъ поганыхъ».² Максим обращается к истории Иерусалима, вспоминает факты языческого владычества и доказывает, что и прежде, несмотря ни на что, святыни иерусалимские не падали, и благодать свыше, пророческий дар и чудеса не оскудевали. Власть сарацин над Иерусалимом оскверняет не его, а их самих, злостиво и скверно в нем живущих. Вообще города благоверных и находящиеся в них святыни оскверняются только тогда, когда живущие в них, отступив от христовой веры и честной жизни, принимают богомерзкие обычаи и бесовское учение безбожных агарян; но доколе они держатся крепко благочестивой веры и за нее доблестно терпят всякие скорби и различные напасти от безбожных агарян или злостивых еретиков, города их уподобляются темницам, в которые древле заключали мучеников, а сами они, страждущие подобно им, справедливо будут названы исповедниками и живыми мучениками. Защищая святость древнего Иерусалима и возражая против перенесения его имени на Москву, Максим считает необходимым снять с себя возможный упрек в зависти к «преславнѣйшему граду Москвѣ». Такую зависть он считает неистовством, безумием и говорит о своей постоянной любви к Москве и Московской державе: «азъ бо изъ начала и возлюбихъ и почтохъ славный градъ Москву, и всегда люблю, и въ чести множайшей имамъ, и молюся о немъ выну, яже лучшая и полезная ему и яже о пребیتی и утверженіи благочестивыя державы его въ безконечныя вѣки».³ Но, по убеждению Максима, почитать какого-нибудь человека, или город, или страну выше достоинства их служит для них более в укоризну, чем приносит славу и похвалу.

¹ Каз. изд., III, стр. 127. 1897.

² Ibid., стр. 127.

³ Ibid., стр. 128.

Взгляд Максима Грека на отношение московского митрополита к константинопольскому патриарху, мотивированный неоскверненностью святынь, хотя и вызвал против него обвинения, однако, повидимому, имел и свое положительное действие. В Исповедании веры, произнесенном Иоасафом при поставлении в митрополиты в 1539 г., не только совсем не говорится об отказе принимать поставление от цареградского патриарха, но выражается, наоборот, признание вселенских патриархов: «во всёмъ послѣдую и по изначальству согласуя всесвятѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ».¹

§ 17. Другое столкновение национальных устремлений Максима с отдельными русскими течениями входит в область наших отношений к татарским ханам и к турецкому султану. Как горячий патриот, преданный Византии, Максим Грек в первые годы пребывания в Москве лелеял мечту об освобождении своей родины от владычества турок и об ее политическом возрождении. Он не думал, что Византийская царская держава восстановится такой, как и была прежде: подобная мысль казалась ему обольстительной и суетной;² но он верил в политическое возрождение Византии под властью православного царя из династии московских государей и эту надежду открыто и ярко выразил уже в послании вел. кн. Василию Ивановичу, написанном вслед за окончанием перевода толковой псалтыри, т. е. в 1519 г.: «Буди намъ нѣкогда царствовать отъ нечестивыхъ работы свободеннымъ тобою, — писал он великому князю, — вся бо возможна и удобъ совершаема всѣхъ владыцѣ и, якоже древле отъ нижнихъ галловъ воздвигнуть великаго во царѣхъ Константина, древняго Рима, злѣ стужима, избави отъ нечестиваго Максентіа, сице и нынѣ новаго Рима, тяжцѣ волнуема отъ безбожныхъ агаряня, благочестивѣйшею державою царствіа твоего да изволитъ свободити и отъ отеческихъ твоихъ престолѣ наслѣдника покажетъ и свободы свѣтъ тобою да подастъ намъ бѣднымъ, милостію и щедротами его».³ Настроенный так, Максим Грек, конечно, не мог сочувствовать уступчивой политике по отношению к Казани и Крыму и исканию союза с турецким султаном. Между тем московские дипломаты двадцатых годов, повидимому, увлеченные турецкими победами, несмотря на призыв, шедший с Запада, — ополчиться вместе против турок — настойчиво добивались именно союза с султаном. Таким образом они надеялись разрешить свои очередные задачи, избавиться от своих ближайших, наиболее беспокойных врагов — Крыма и Литвы. По

¹ Е. Голубинский. История русск. церкви, т. II, 1, стр. 740. М., 1900.

² Каз. изд., I, 1894. «Инокъ Максима Грека Слово 2-е о том же къ благовѣрнымъ, на богоборца пса Моамеа, въ немъ же и сказаніе отъ пасти о кончинѣ вѣка сего», стр. 116.

³ Каз. изд., II, стр. 318—319.

словам исследователя,¹ опубликовавшего документы московских сношений с Турцией с 1522 г. по 1533, «наши дипломаты выработали и старались осуществить следующий план: Московское государство заключает союз с Турцией, который сулит при своем осуществлении блестящие перспективы. Турецкий султан как союзник удерживает своего вассала крымского хана от набегов на Украины «своего брата» московского, великого князя. А так как хан крымский не мог существовать с своей ордой без набегов на чужие земли, то московские дипломаты, предвидя это, предусмотрительно указывали ему на Литву, которую отдавали ему «на поток и разграбление», причем не прочь были в этом деле помочь туркам и крымцам». Но союз с Турцией, которого настойчиво добивались в течение нескольких лет, встретил серьезные препятствия. Таким послужил прежде всего вопрос о Казани. Василий считал Казань своим юртом (вассалом), между тем Казанский царь Саип-Гирей обратился к султану и «заложился» за него, и турки претендовали считать Казань своим юртом. С другой стороны, у Турции не было непосредственного интереса к заключению союза со столь далекой от нее Москвой. И, наконец, против союза России с Турцией были греки, действовавшие как в Турции (султанский казначей грек Абессалом и близкий к нему грек Адриан), так и в России, и прежде всего сам турецкий посол Скиндер, грек по происхождению. После его смерти (в 1529 г.) в числе бумаг его нашли донесения султану, будто в Москву пришел один пленник из Азова и рассказывал, что турецкие войска потерпели поражение от венгерского короля, и будто великий князь, узнав об этом, обрадовался и велел звонить в колокола. Когда дело союза с Турцией потерпело окончательное крушение в 1530 г., вся вина за неудачу возложена была на греков. Отсюда и объясняются те политические обвинения, которые были выдвинуты на соборе 1531 г. и против Максима и против другого грека Саввы, архимандрита Спасского монастыря. В переложении В. С. Иконникова обвинения эти заключались к следующему: «Вы пришли из Святой Горы из турецкой державы к благочестивому и христолюбивому государю царю и вел. князю Василию Ивановичу, ради милостыни, и государь вас жаловал милостынями и всем изобилием и многие дары посылал в ваши монастыри и честию великою почитал, и вам следовало за государя бога молить и за всю его державу, о здравии, спасении и одолении врагов, а вы с Саввою, вместо блага, умышляли зло, советовались и посылали грамоты турецким пашам

¹ Б. И. Дунаев. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. Историческое исследование с приложением текстов дипломатических сношений России с Турцией в начале XVI ст., стр. 19. Москва, 1916.

и к самому турецкому царю, подымая его на благочестивого и христолюбивого государя и вел. князя Василия Ивановича всея Руси и на всю его благочестивую державу. Да вы же говорили: ратует вел. князь Казань, да его не будет и турецкий царь сраму не потерпит». «Да вы же ведали советы и похвалы турецкого посла Искандера, который хотел поднимать турецкого царя на государя и вел. князя и на всю его державу». «Да ты, Максим, то ведал, а государю вел. князю и его боярам не сказал. Да ты же говорил многим людям: быть на русской земле турецкому султану, потому что султан не любит сродников цареграцких царей, а князь великий Василий внук Фомы Амореяского. Да ты же, Максим, вел. князя называл нечестивым гонителем и мучителем, как и прежние нечестивые гонители и мучители были. Да ты же, Максим, говорил: вел. кн. Василий выдал землю крымскому царю, а сам, испугавшись, побежал от турецкого. Да и как ему не бежать? Пойдет на него турецкий царь и ему нужно дать харач (дань) или бежать».¹

Наиболее определенное и мотивированное мнение по поводу обвинений Максима, касающихся вопросов внешней политики, принадлежит, как известно, Голубинскому. О первом из них, особенно тяжком, Голубинский говорит так: «Обвинение на Максима с Саввой, будто они посылали грамоты к турецким пашам и к самому султану, поднимая султана на великого князя, не только представляет pendant к обвинению Максима в ереси, но нечто и еще гораздо более удивительное и в своем роде совершенное. Два греческие монаха, живущие в Москве, затевают такое дело, как посредством своих писем к султану возбудить последнего к войне против великого князя: похоже ли это на что-нибудь сколько-нибудь вероятное. И для чего монахи пожелали бы возбудить султана к войне? Чтобы он завоевал Россию? Но какая бы была монахам польза от этого и была ли хоть одна, не совершенно скотская душа в Европе, которая желала бы, чтобы какая-нибудь страна была завоевана турками? Но положим, что совершенно невозможное было возможно; султан, вовсе не помышлявший о том, чтобы воевать против России, о чем по географическим условиям помышлять ему было бы и совсем нелепо, находился тогда в таких отношениях с великим князем, что письма монахов тотчас же были бы доставлены в Москву. И если бы до такой степени тяжкое обвинение имело хоть тень правды, то вместо заточения в монастырях, которым подверглись Максим и Савва, не случилось ли бы того, чтобы они осуждены были на самую ужаснейшую и позорнейшую

¹ В. С. Иконников. Максим Грек и его время, стр. 465, 466. Изд. 2-е. Киев, 1915. Слово «испугавшись» пропущено у В. С. Иконникова; в подлиннике ему соответствует: «изробѣвъ».

смертную казнь, какую только можно выдумать. К обвинению, вероятно, подала повод какая-нибудь нелепая клевета, и хотя ему не верили, но так как нужны были обвинения для комедии суда, то поспешили сказать: давай и его сюда и, чем страшнее, тем лучше. Что касается до речей Максима и Саввы: ведет великий князь войну против Казани и пр., то очень могли они говорить что-нибудь в том роде, что великий князь может поссориться этой войной с султаном и что ссора с последним есть нечто не совсем приятное; но и тут не невозможно, что Максиму с Саввой усвоены были речи, которые говорили не они».¹

Второе обвинение, касающееся того, что Максим и Савва знали про замыслы и похвальбу турецкого посла Скиндера, который похвалялся поднять султана прогив государя, и Максим, зная про это, не донес великому князю и его боярам, Голубинский разъясняет так: «Турецкий посол или точнее посланец Скиндер, родом грек (князь Мангупский), несколько раз приезжавший в Москву при Василии Ивановиче не столько для переговоров государственных, сколько для закупок султану русских товаров (мехов), и между прочим находившийся в Москве перед временем опалы Максима, вел себя у нас нехорошо и, может быть, действительно хвалился поссорить султана с великим князем. Знал или не знал Максим что-нибудь про похвальбы Скиндера, если они имели место, мы не можем сказать; но не подлежит сомнению, что великий князь обстоятельно знал обо всем поведении Скиндера помимо Максима. Следовательно ему вменялось в вину только то, что он с своей стороны не сделал доноса».²

Остальные два обвинения относились к разговорам Максима Грека. Максим говорил многим людям: «быть на русской земле турецкому султану, потому, что султан не любит сродников цареградских царей, а князь великий Василий внук Фомы Амореяского». — «Грек и горячий греческий патриот будто бы говорил подобное, становясь на турецкую точку зрения», замечает Голубинский и выдвигает предположение: «Может быть, что по поводу усиленных стараний великого князя Василия Ивановича завязать тесный союз с султанами Максим высказывался совсем в противном смысле, а именно, — что напрасно великий князь сейчас указанное делает, что между ним, как родственником прежних константинопольских императоров, имеющих право на их наследие, и между султаном не может быть искренней дружбы».³

¹ Е. Голубинский. История русской церкви, II, 1, стр. 715, 716.

² Ibid., стр. 716.

³ Ibid., стр. 716.

Наконец, Максиму Греку приписывались слова: «вел. кн. Василий выдал землю крымскому царю, а сам, испугавшись, побежал от турецкого. Да и как ему не бежать? Пойдет на него турецкий царь и ему нужно дать харач (дань) или бежать». «Обвинение это, — цитирую опять Голубинского, — непонятно, а именно — не видно в нем, к кому относится: „а сам, испугавшись, побежал“, — к великому князю или хану. Если к великому князю, то мы вовсе не можем указать случая, который бы разумелся. Если к хану, то обвинение нужно понимать так: Максим смеялся над великим князем, что он выдал свою землю крымскому хану, а напротив последнего, когда этот побежал от султана, старался оправдывать, говоря, что ему и нельзя было не бежать, потому что и пр. Что касается до выдачи великим князем своей земли хану, то тут, нет сомнения, разумеется внезапное и страшное нашествие на Москву хана Магмед-Гирея в 1521 г., когда великий князь удалился из Москвы в Волоколамск и когда он увидел себя вынужденным купить у хана мир ценою обязательства платить ему дань. Что Максим мог отзываться о поведении великого князя в сем случае с большей или меньшей критикой, это совершенно возможно».¹

Объяснения Голубинского в большей части своей должны быть приняты: из четырех пунктов обвинений последние два пункта, действительно, сводятся к одностороннему и пристрастному толкованию отдельных критических замечаний Максима, которые могли высказываться им по поводу отношений к султану и к крымскому хану. Второй пункт вменял Максиму в вину, что он не сделал доноса на турецкого посла Скиндера. Замечания Голубинского только по первому обвинению в сношении Максима с Турцией и в том, что он вместе с Саввой подымал султана на великого князя, кажутся не во всем убедительными и вызывают некоторые возражения. На вопрос Голубинского, для чего двум греческим монахам, живущим в Москве, возбуждать султана к войне против великого князя, Дунаев отвечает: «На это мы, во-первых, заметим, что прямой интерес греков мог их побудить сделать это — отыскивать султану врагов, чтобы тем самым скорее добиться осуществления заветной мечты: освобождения Греции от турецкого ига. Во-вторых, мы постараемся расследовать, действительно ли Максим действовал по приезде в Россию сам-друг только».² Дунаев указывает на важную роль отдельных русских греков в посольском деле и, сопоставляя ее с деятельностью турецкого посла грека Скиндера, официально действовавшего от имени Турции, но тайно проводившего известную греческую тенден-

¹ Ibid., стр. 717.

² Б. И. Дунаев. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке, стр. 12, М., 1916.

цию, находит, что дело союза с Турцией было провалено партией греков как у нас, так и в Константинополе. Объяснение это очень правдоподобно, оно вносит известную поправку к Голубинскому, но к сожалению не проливает никакого света на отношения Максима Грека к «греческой партии». Сведение о том, что в царском архиве находился списанный у Максима Грека «списокъ съ грамоты, что дали в Святую гору прежніе государи земли», еще не говорит за то, что Максим получил доступ к посольскому делу. Вообще, за неимением реальных данных точка зрения Максима и его деятельность освещаются по аналогии с деятельностью Скиндера, и в глазах Б. И. Дунаева¹ Максим рисуется таким же заговорщиком, каким был турецкий посол-грек. Отсюда — чрезмерная доверчивость к обвинению Максима во враждебных России сношениях с султаном: «Как-то содержание переписки Максима с турецкими пашами и султаном стало известным Московскому правительству. Можно думать, что он отправлял с Скиндером свои «лиживые списки» и что они также попали в руки наших переписывальщиков».² Подобная роль Максима совершенно не согласна с его характером человека, действовавшего открыто, не скрывавшего своих убеждений. Поэтому за исключением приведенной поправки относительно «греческой партии» мнение Голубинского все-таки должно быть признано наиболее обоснованным. Обвинение Максима Грека в том, что он сносился с турецкими пашами и султаном, с целью поднять султана на великого князя — должно считаться клеветой. Клевета эта создавалась, вероятнее всего, по поводу резко отрицательного отношения Максима к союзу с Турцией и столь же отрицательного отношения к каким бы то ни было соглашениям с турецкими вассалами Крымом и Казанью. А речь о грамотах Максима в Турцию могла возникнуть в связи с теми просьбами о своем возвращении в Ватопед, с которыми Максим обращался в Константинополь и которые он передавал, вероятно, через турецкого посла.³ Доверчивость к разбираемым обвинениям должна более чем колебаться и потому, что рядом с ними говорится о злодестве Максима: «Да ты же, Максим, волшебными хитростями елинистами писалъ еси водками

¹ Б. И. Дунаев. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке, стр. 12, М., 1916

² Ibid., стр. 31, 32.

³ Мнение В. С. Иконникова по затронутому вопросу неясно. С одной стороны, он допускает, что Максим мог пересылать турецкому послу письма из Волоколамского монастыря, хотя бы с настояниями о возвращении на Афон, с другой — говорит: «Конечно, теперь трудно утверждать, насколько верны обвинения его в сношениях с турецким правительством, но что они не были лишь клеветою — в этом едва ли можно сомневаться» (стр. 481, 482) Да, в самом факте сношений можно не сомневаться, но отрицать сношения, враждебные Московскому государству, есть все основания.

на дланѣхъ своихъ и распростиралъ длани противъ великаго князя, также и противъ иныхъ многихъ поставлялъ, волхвуетъ».¹ Мы не знаемъ, что отвѣчалъ Максимъ суду на политическіе обвиненія, но мы знаемъ, что въ своемъ Исповѣданіи веры онъ отвергалъ возведенную на него клевету въ изменѣ и вражде къ русской державѣ: «Азъ бо благодатию господа нашего Ісуса Христа просвѣщаеми и наставляеми, безпрестани всею душею молюся всѣхъ владыцѣ и содѣтелю о милости, животѣ, здравіи и спасеніи и временнѣхъ мирныхъ, и пребыти въ соблюденіи богохранимыя державы благовѣрнаго великаго князя русскаго Іоанна Васильевича, и о братѣ его, князѣ Георгіи, десятижды по вся дни прекланяя немолчныя колѣна моя о нихъ предъ царствующимъ на небесѣхъ господемъ нашимъ и богомъ Іисусъ Христомъ, иже и свидѣтель ми есть, яко истину глаголю. Како убо нѣции безъ правды оклеветающе мене изменника и врага богохранимѣй державѣ его называютъ? да не поставитъ имъ господь богъ сичево прегрѣшеніе».² В искренности этого заявленія, какъ и всего Исповѣданія, нѣтъ оснований сомнѣваться.

§ 18. Мы слишкомъ долго задержались на разборѣ некоторыхъ спорныхъ вопросовъ, но уясненіе ихъ очень важно для пониманія одного посланія Максима, касающагося отношеній къ Крыму и Казани. Это посланіе до сихъ поръ находилось въ рукописи и теперь, будучи введено въ кругъ изученія, не только станетъ болѣе понятнымъ, но и прольетъ некогорый свѣтъ на соответствующіе пункты обвиненій. Посланіе написано къ вел. князю Василию Ивановичу по поводу нашествія на Русь крымскаго хана Магмед-Гирей въ 1521 г.³ Нашествіе было ужаснымъ. Сопротивленіе съ русской стороны

¹ Чтенія въ Обществѣ Истории и Древностей российскихъ при Московскомъ университетѣ, 1847 г., № 7. «Списокъ съ суднаго списка. Прѣдѣ Данила, митрополита Московскаго и всея Руси, со инокомъ Максимомъ Грекомъ.»

² Каз. изд., I, стр. 28, 29 (1894 г.).

³ Посланіе находится въ рукописи библіотеки Ф. А. Толстаго, Отд. I, № 33 (Публ. Библ. въ Ленинградѣ, F., XVII, № 13) полууставъ XVI вѣка, на 117 л., въ лист. Кроме Похвального слова великому князю Василию, повестей о взятіи Царьграда и отрывковъ изъ Стоглава, рукопись содержитъ въ себѣ слѣдующіе сочиненія Максима Грека: 1) «Главы поучителни къ начальствующимъ правовѣрно»; 2) «Слово благодарствено къ господу нашему Ісусу Христу о бывшей преславнѣй побѣдѣ на Крымскаго (пса) предстательствомъ владычицы нашеа пресвятыа богородицы при благовѣрномъ вел. кн. Иванѣ Васильевичѣ всеа Руси, въ лѣто 49 осмыа тысящи;» 3) Посланіе къ царю Ивану Васильевичу, начинающееся словами: „Многа убо и ина суть . . .“, и кончающееся: „ . . . смѣа, не смѣа, писахъ“. Вслѣдъ за этимъ безъ отдѣльнаго заглавія идетъ другое посланіе Максима Грека къ „царю“, которое не указано въ описаніи и до послѣдняго времени оставалось совершенно неизвѣстнымъ. Посланіе начинается на л. 75 словами: „Ничто же убо нещую безмѣстно . . .“. Посланіе это, несмотря на отсутствіе заглавія, представляетъ собою отдѣльное самостоятельное произведеніе, а не часть другаго. Принадлежность посланія Максиму Греку — вне всякаго сомнѣнія. Вѣтомъ болѣе всего убеждаетъ

не имело успеха. Вел. князь должен был оставить Москву и отправиться на Волок собирать полки. Татары опустошили весь юг и увели огромное количество пленных, отдельные отряды подходили близко к Москве и опу-

конец, где встречаемся мы с просьбой автора отпустить его на родину в Ватопедскую обитель: «Мы же и себе и честную обитель Ватопед поручаем царствію твоему, яко да изволит отпустить и нас восвоися» . . . (л. 82). Просьба эта слишком знакома по другим сочинениям Максима. Время написания послания определяется следующими соображениями. Послание явилось, конечно, до решительных действий против Казани, до казанских походов под начальством царя, т. е. не позднее конца 1547 г. Если послание относится по времени до 1548 г., то каков его повод или другими словами, о каком нашествии крымцев здесь говорится, и к кому адресовано послание, к Грозному или к его отцу? Насколько можно судить по летописям (Полное собрание летописей, т. XIII: перв. половина. Летописный сборник именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, СПб., 1904; вторая половина — так наз. Царственная книга. СПб., 1906) — в первые годы правления Ивана Васильевича до взятия Казани было всего шесть столкновений с Крымом; из них два (1541, 1552 гг.) закончились полной русской победой; в трех случаях (1535, 1540, 1542 гг.) крымские татары встретили более или менее сильное сопротивление, и только один раз, именно в декабре 1544 г., неожиданное нападение крымцев не было отражено (См. Полное собрание русск. летописей, т. XIII, первая половина, стр. 146, т. XIII, вторая половина, стр. 445). В первой части послания Максима Грека говорится именно о внезапном, не отраженном нападении безбожного скифа, крымского нечистого пса. Поэтому, казалось бы, послание написано по поводу события, имевшего место в дек. 1544 г. Но есть больше оснований отнести его ко второй половине предшествовавшего княжения, считая, что оно «бращено не к Ивану Васильевичу, а к великому князю Василию Ивановичу. События борьбы с Крымом и Казанью, как изображены они в летописях, вполне оправдывают такое приурочение. С 1518 г. (год прибытия Максима Грека в Москву) до конца княжения Василия Ивановича произошли три столкновения с крымцами (1521, 1527, 1533 гг.); из них два последние представляются в летописи более или менее удачными для русской стороны. Только в 1521 г. нашествие крымских татар было неожиданным и особенно опустошительным. Летопись так говорит об этом: « . . . лукавѣйши безбожный гордый Крымский царь Магмедъ-Кирѣй, забывъ своя клятвы правду, на ны воинствуетъ: ни дружбы первые, ниже клятвъ вспомянуть, собрался з братьєю своею и з своими дѣтми, и с Крымскими людьми, и Болшія Орды Заволжскія, и съ Нагаи, вскорѣ прииде безвѣстно на великого князя отчину, иже при брезѣ Оки-рѣки; съ воинствомъ пришедъ, удобѣ преиде сію, и Коломенская мѣста повоевать, и пѣдѣтъ не малѣ собралъ, и святыя церкви осквернить» (Полн. собр. русск. лет., т. XIII, перв. половина, стр. 38). Крымское нашествие, о котором идет речь в послании, повидимому, тождественно с нашествием, описанным в летописях под 1521 г.: и тут и там говорится не только о внезапном нашествии, но и о нарушении клятвы, об измене со стороны Крымского царя. Итак, надо думать послание написано в конце 1521 г. или в начале 1522 г. За более раннее происхождение послания говорит и упоминание инока Климента: «Мы же и себе и честную обитель Ватопед поручаем царствію твоему, яко да изволит отпустить и нас восвоися, и аще нехетъ ест инуди индѣ отпустить нас, поне откуда отпусти инока Климента». Это вероятно тот самый старец Климент, о котором в летописи под 1518—1519 г. сообщается следующее: «Того же лѣта, мѣсяца августа, прииде къ великому князю Василию Ивановичю государю всеа Русіи на Москву. отъ Синайскія горы, идѣже Моисей боговидецъ отъ бога законъ пріять, старецъ Климентъ Грекъ милостыни ради, и князь великій его, пожаловавъ, отпустилъ» (Полн. собр. русск. лет., т. XIII, перв. пол., стр. 301). Этот же Климент рассказывал об Иерусалимских монастырях Вассиану Патрикееву (А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков, стр. 388, СПб., 1903). Кроме рукописей и изданий, указанных акад. Соболевским, «Сказаніе старца Климента о іерусалимскихъ монастырѣхъ къ старцу Васіану» находится еще в Кормчей самого Вассиана.

стошили села Остров, Воробьево и Угрешский монастырь. Магмед-Гирей удалился, получив письменное обязательство, что великий князь будет платить ему дань. Нашествие было летом 1521 г. Незадолго до этого, весною того же года и в Казани произошли события, неблагоприятные для Москвы. По внушению из Крыма казанцы свергли поставленного Москвою хана Шиг-Алея, удалили московского воеводу, который его поддерживал, и поставили ханом брата Магмед-Гирея — Саипа. Новый казанский хан принял также участие в нашествии на Русь своего брата.¹ По поводу тяжкого поражения, понесенного от крымцев, Максим Грек и выступил со своим посланием.² Изложим его содержание. Считая разумным предлагать правителям полезные советы, отвечающие условиям времени, питая любовь к Московской державе и болея душою за испытанную ею измену со стороны «безбожных скиф», Максим решил высказать великому князю свои соображения. Он не хочет останавливаться на причинах поражения, произошло ли оно «божіим праведным судомъ», или «нашим замѣдлѣніемъ», или «воевод лѣностію и неискусствомъ», или «нѣкоимъ инымъ нестроєніемъ»: о том ведает бог, который все ведет к нашему исправлению. При такой неудаче всякий благочестивый царь должен прежде всего обратиться к богу с молитвой и творить милостыню подвластным, чтобы бог умилился и подал «разумъ благъ и свѣтъ благополучен и души храбрость на отмщеніе врагом нашим». Не следует удивляться случившемуся вопреки ожиданию, не следует скорбеть выше меры: подобное бывало со многими славными царями и прежде всего с Давидом: когда восстал на него сын его Авессалом, ему изменивший, он покинул Иерусалим, чтобы собрать силу и, хотя все оставили его, за исключением немногих верных, и издевались над ним, он мужественно все претерпел, и бог скоро помог ему и вернул прежнюю славу и честь. Так пострадал Давид от сына. Что удивительного, если с нами случилось подобное не от козней сына или какого-нибудь родственника, но от безбожного скифа, внезапно на нас напавшего. Поэтому и ты, царь, уповай на бога, как блаженный Давид, и смотри, чтобы впредь не случилось такого же. Но об этом довольно. Следует перейти теперь к настоящему и будущему. Как в древности Исав враждовал с Иаковом из-за первенства, так и теперь неверные преследуют верующих во Христа. И нет ничего странного и удивительного, если и на нас исполнились эти библейские прообразы и крымский пес нечистый изменил нам и причинил столько зла и страданий, хотя свачала клятвой подтвердил нам свою мнимую

¹ С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. V, стр. 382—386, изд. 3, М., 1864.

² Приложение. По ркп. Публ. библ. в Ленинграде, ф., XVII, № 13, чл. 75 об. — 82.

дружбу. Если по слову Исаии, нечестивый не научится правде, то как может хан («хаганъ») сохранить истинную к нам дружбу. Этого не может быть. Как не может из тьмы произойти света, от желчи — сладости, так и от нечестивого не может быть истины. Поэтому никогда не следовало верить им, но всегда быть настороже, не удостаивать великих даров: довольно с них и того, что им не будет от нас угрожать никакого зла, пока они будут соблюдать мир. Если же подымут распри и брани, не следует уступать им, но поднять оружие против них с надеждою на бога. К тому же пусть будет ведомо нам, что ненасытность варваров, однажды вкусивших нашей крови, беспредельна, и они не перестанут строить против нас всяческие козни тем более, что есть другой мучитель супостат наш, поднимающий на нас первого обильными дарами: он безумный и окаянный не подозревает, что чем больше засыпает его дарами, тем больше возбуждает против себя же (здесь, очевидно, разумеется турецкий султан в его отношении к вассальному Крыму). Поэтому следует разумно и осмотрительно вести дело и действовать правильно, сообразуясь с нашими силами: «Того ради подобает zde разумно и хитростію дѣлати вещь и добръ устроити и противу мѣры силы нашеа».¹ Бороться сразу с двумя мучителями неудобно, крайне тяжело, чтобы не сказать — невозможно, ибо поднимается на нас и «третій волк». Я разумею змея, гнездящегося в проклятом городе Казани. Но справиться с этим, отогнать его из гнезда нам удобно, если оставив медлительность, быстро нападём на него, пока не угрожает с другой стороны варварское нашествие. И Максим Грек решительно и одушевленно призывает к походу на Казань: «Воспріимем божественную ревность и отмстим кровей убиенных многих тамо провославных братій наших, да не дадим к тому безбожных мѣста хвалитися на Христа и чтущих его православных».² Между царем православных и царем неверных не должно быть ничего общего. Разве подобает «царю христову» ставить «царя сатанина» и видеться с ним, оказывать помощь поборнику нечестия, врагу креста Христова. Разве могут быть большие враги Христа, чем безбожные скифы. Понимаем ли мы, каких зверей вскармливаем против себя? Нет нам от них никакой пользы, они отравляют нашу жизнь бесчисленными утратами, безмерной враждой и непрестанным беспокойством. Долго ли мы будем под властью этих тяжких зол, долго ли будем поработочены боязнью и страхом? Пусть узнают ненавидящие нас, что есть в нас и «храбрость душѣвная и разум прав и благъ о господѣ.» Богом даровано нам все необходимое для

¹ Л. 78 об.

² Л. 79.

ратного дела, нужно только усердие и бодрость; но и они явятся, если захотим. И мы захотим, если поймем, что наше расположение к ним и постоянные дары только еще более возбуждают их и умиравших уже оживляют. Пока удобно время, пока с других сторон не смущает нас языческое нашествие, пойдем, нападём на христианоубийц города Казани, не потратим бесплодно времени, нужного для дела («Доколѣ убо имамы благополучное время, доколѣ отнѣкуди инуди языческое вѣстаніе не смущает нас, найдем и мы и нападёмъ на христианоубійць града Казани, не истеряем дѣланій время в неплодных дѣянїи»).¹ Ведь если мы ожидаем послов из Литвы, никто не помешает нам в войне против Казани, если же не ожидаем, то и в таком случае следует поспешить, пока не тревожат нас из Литвы, ибо, находясь в Казани, мы легко будем бороться с остальными, будучи грозны оттуда («Аще бо ожидаем послов из Литвы, никто же нам запинатель будетъ воюющим тамо, аще же и не чаемъ, и тако нужда ест нам поспѣшити дѣло, донележе из Литвы не стужаемся. Скверной бо Казани от срѣд быв'шѣ, удоб нам противу прочих стояти, грозным оттуда бывшим»).² Невозможно людям спящим и лежащим достигнуть победы. Теперь время подвигов, а не прохлаждений. Время — раздавать серебро, а не беречь. Философы сказали одному царю: серебряными копьями ратуй, и все победишь. Окрылим наших многочисленных и прекрасных воинов царскими дарами и воодушевим их возбуждающими мужество речами, подобно царю Ираклию, который, поднявшись на Персиду, воодушевил своих. Царю Ираклию, одолевшему господство персидского царя Хозроя, и советует подражать Максим: «Како убо неправедно и нам того подражати и ревность божественную въспріяти Христа ради и спасеніи братїй наших, и разорити убо безбожных скифѣ сън'мища, якоже оуѣ перска почитанїа и огнемъ сих опепелити».³ Максим вспоминает других древних царей, подвизавшихся в благочестии — Константина Великого, Феодосия и Валентиниана, которые все делали во славу Божию и для распространения божественного евангелия и потому сподобились иметь самого бога воеводой и советником. Пусть бог, соблюдающий и управляющий державу нашу, и впредь руководит ею. В заключение, обращаясь к мудрости царской державы, которая выслушивает всех могущих подать совет полезный обществу и соответствующий времени и избирает полезное, хотя бы оно предложено было самым незнатным, Максим Грек умоляет

¹ Л. 79 об., 80.

² Л. 80.

³ Л. 80 об.

не вменить ему в вину смелость отдельных выражений, но приписать ее неискусству автора в беседе с царствующими.

Детали послания, как мы видим, вполне отвечают подробностям тех событий и отношений, по поводу которых оно написано. Государь сравнивается с Давидом, которому пришлось оставить Иерусалим, чтобы собрать войска против Авессалома. Вел. кн. Василий Иванович при крымском нашествии 1521 г. также покинул Москву и отправился на Волок собирать полки. В послании говорится об измене «крымского пса», о нарушении им данной прежде клятвы. Действительно, незадолго до 1521 г. Магмед-Гирей, нуждаясь в помощи великого князя против Астрахани и Казани, прислал ему шертную грамоту, в которой обязывался действовать с ним заодно против Литвы с тем, чтобы вел. князь был с ним заодно против его врагов.¹ Отношения к Казани также рисуются чертами, соответствующими тогдашней действительности: говорится о поставлении царя неверного царем христианским. Таким именно был и тот хан Шиг-Алей, которого под влиянием воздействий из Крыма казанцы низложили в 1521 г.: его в 1519 г. назначил вел. князь.² Что касается отношений с Литвой, то они были тогда в состоянии неясном и неустойчивом. В 1520 г. обе стороны никак не могли сговориться из-за Смоленска. Наконец, как читаем у С. М. Соловьева, литовские послы «предложили перемирие с тем, чтобы Смоленск остался за Москвою, но чтоб пленных не возвращать; великий князь настаивал на возвращении пленных; послы не согласились, и порешили на том, что король пришлет великих послов на великое заговенье 1521 года, т. е. через шесть месяцев, в продолжение которых войне не быть. Но Сигизмунд на означенный срок послов не прислал: обстоятельства переменились в его пользу; он одолел великого магистра, а между тем на востоке исполнилось то, чего он с таким нетерпением дожидался в начале своего царствования: две татарские орды Казанская и Крымская заключили союз против Москвы.»³ Однако, после Крымского нашествия сношения с Литвой возобновились, и снова поднят был вопрос о присылке королем «великих» послов для заключения или вечного мира, или перемирия. Такие послы, действительно, прибыли в августе 1522 г. и заключили перемирие на 5 лет.⁴ Неопределенность отношений с Литвой и ожидание послов оттуда отражается и в нашем послании.

¹ С. Соловьев. История России, т. V, стр. 382, изд. 3-е.

² Ibid., стр. 382.

³ Ibid., стр. 381.

⁴ Ibid., стр. 386.

Итак, находясь в курсе тогдашних событий и полагая, что нужно действовать сознательно и осмотрительно «разумно и хитростью дѣлать вещь», Максим Грек предлагает вел. князю решительно изменить внешнюю политику. Он не только исходит из принципиальных соображений, но и учитывает условия момента и соотношение сил. Принципиальные аргументы его основаны на убеждении, что между верующими во Христа и неверными не может быть ничего общего, никакого соглашения, никакого союза, их разделяет полная противоположность: поэтому не следует верить клятве неверных, не следует входить с ними в общение, ставить им правителей, оказывать помощь. От неверных не может быть никакого добра, они враги креста Христова, они «безбожные скифы», а крымский хан не имеет иного названия, как «крымский пес». Учет условий времени и соотношения сил сводится, во-первых, к указанию на удобный момент, пока вражеское нашествие не угрожает с других сторон, во-вторых, к соображению, что бороться сразу с двумя или даже тремя врагами трудно и почти невозможно и, в-третьих, к выбору наиболее удобного противника, каким является Казань. Наступление на Казань представляется важным и по тем перспективам, которые открываются в случае успеха: став твердой ногой в Казани, мы легче справимся с другими врагами, будучи грозны оттуда.

События ближайших лет 1523, 1524 без сомнения отвечали совету Максима Грека. Ряд решительных действий в Казанском направлении был открыт летом 1523 г., и Москва определенно пошла к ликвидации Казани. Но предоставим историку рассказать об этом: «летом 1523 года великий князь сам отправился в Нижний, откуда отпустил на Казань хана Шиг-Алея с судовою ратью сухим путем, велел пленить Казанские места: воеводы возвратились благополучно, и привели с собою много черемисских пленников; но поход этим не ограничился: на устье Суры, в земле Казанской, срубили город Васильсурск; в Москве митрополит Даниил очень хвалил за это великого князя, говорил, что новопостроенным городом он всю землю Казанскую возьмет; действительно, в этом деле высказалось намерение стать твердою ногою на земле Казанской, положить начало ее полному покорению, ибо подручные отношения, клятвы царей казанских и народа уже два раза оказывались ручательствами недостаточными; Василий, построив Васильсурск, сделал первый шаг к совершенному покорению Казанского царства; сын его Иоанн, как увидим, построением Свияжска сделал второй, третьим будет взятие самой Казани.— Летом 1524 года отправилась опять под Казань многочисленная рать,

которую полагают в 150000 и более, под главным начальством князя Ивана Бельского. Саин-Гирей испугался и, оставив в Казани тринадцатилетнего племянника Сафа-Гирей, убежал в Крым, обещая Казанцам возвратиться с войском турецким». На этот раз дело дошло до осады самой Казани. «Под защитою конницы, сдерживавшей натиск казанской конницы, осадные машины были придвинуты к стенам, казанцы отстреливались, но скоро они потеряли своего пушечного мастера, который один только и был в городе. Это обстоятельство заставило их просить мира с обязательством отправить в Москву послов с челобитьем.» Воевода Бельский согласился, так как в его войске начался голод, снял осаду, и взятие Казани, уже почти совсем подготовленное, было сорвано.¹

Неудача казанского дела естественно могла вызвать недоброе чувство по отношению к тому, кто так решительно настаивал на необходимости взять Казань. Психологическая почва для обвинений была готова. И мы не удивимся, когда прочтем: «Да вы же говорили: ратуетъ князь великій Казань, да нѣколи ему будетъ и соромъ Турскому ему не молчати»² (т. е. ратует великий князь Казань, да его не будет и турецкий царь срама не потерпит).³ Но в то же время приписанное Максиму Греку скептическое отношение к возможности успеха в казанском деле находится в решительном противоречии со всем смыслом изученного послания. Такова же и приписанная Максиму Греку насмешка над великим князем Васильем, будто он выдал землю крымскому царю и проявил трусость в отношении к турецкому султану. Из послания мы знакомимся с подлинными взглядами Максима на крымское поражение 1521 г. Неудача, по его мнению, могла произойти от разных причин: или так суждено было богом, или от нашей медлительности, или от лености и неискусства воевод, — или «нѣкоимъ инымъ нестроениемъ»⁴: о том ведает бог, который все ведет к нашему исправлению. И Максим решительно ободряет великого князя по поводу пережитого. Твердое убеждение в необходимости неустанной борьбы с неверными, с агарянами, под которыми разумелись татары и турки, осталось у Максима Грека неизменным на всю жизнь. В «Словѣ, пространнѣ излагающемъ съ жалостію нестроения и безчинія царей и властей послѣдняго житія», он

¹ С. Соловьев. История России, т. V, стр. 388—391.

² «Списокъ съ суднаго списка. Прѣіе Данила, митрополита Московского и всеа Руси съ инокомъ Максимомъ Святогорцемъ». Чтения в Общ. Истории и древн. росс. 1847 г., № 7, стр. 5.

³ Переложение В. С. Иконникова. — Максим Грек и его время, стр. 465, изд. 2-е, Киев, 1915 г.

⁴ Приложение. По ркп. Публ. библ. в Ленинграде, f. XVII, № 13, л. 76.

горько сетовал между прочим, что внешняя политика руководится узкими, своекорыстными интересами и вместо единодушной борьбы с врагами веры, «христианоборными измаильтянами», приводит к кровопролитию среди христиан: «вси бо своихъ си ищуть, а не яже вышняго, не яко да его прославятъ праведными дѣньи и благотворении и противополченіи къ тѣмъ, яже выну истребити отъ лица земли, юже въ него, божественную и поклоняемую вѣру, но яко да себѣ разширятъ предѣлы державъ своихъ, другъ на друга вражебнѣ ополчашеся, другъ друга обидяще и кровопролитію радующеся вкупѣ вѣрныхъ языкъ, другъ другу навѣтующе, аки звѣри дивіи, всяческими лаяніи и лукавствіи, о поклоняемѣй же церкви спаса Христа, лютѣ растерзаемѣ и навѣтуемѣ различными образы отъ христіаноборныхъ измаильтянъ, ни едино попеченіе есть имъ».¹ Выше приходилось уже останавливаться на связи этого заявления с нашими отношениями к Литве и татарам в правление Елены Глинской.

§ 19. Всякие уклонения от борьбы с неверными измаильтянами омрачали Максима Грека, возобновление же борьбы и успех в ней доставляли ему радость. Когда в 1541 г. было успешно отражено угрожавшее самой Москве нашествие крымского хана Саип-Гирея, Максим Грек выразил свою радость по поводу этой победы в особом слове. Таково именно: «Слово благодарствено къ господу нашему Іисусу Христу о бывшей преславнѣй побѣдѣ на крымскаго пса, предстательствомъ владычицы нашея пресвятыя богородицы, при благовѣрномъ великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Русіи, въ лѣто 49 осмыя тысячи».² Вопреки обыкновению прежних

¹ Каз. изд., II, стр. 335, 336.

² Каз. изд., II, 277—283. Слово, надо полагать, написано в последние месяцы 1541 года, вскоре после того события, о котором оно говорит. Победа над крымским царем Саип-Гиреем относится к первым числам августа 1541 г. (Полн. собрание русск. лет., т. XIII, 2-я половина, стр. 433—438). Правда, во многих списках Слова и в Казанском издании упоминается в качестве митрополита Макарий, занявший кафедру 19 марта 1542 г. Но это чтение нужно считать не первоначальным и предпочесть текст ркп. Публичной Библиотеки имени Ленина в Москве, б. Румянцовского музея № 3124, XVI в. (л. 13 об.), где митрополитом, современным Слову, назван Иосаф, сведенный с кафедры 3 января 1542 г. Рукопись Румянцовского музея № 3124 интересна между прочим тем, что в заглавии рассматриваемого Слова не упоминается Максим Грек (тогда как во всех других списках Слово надписано именем автора) и это обстоятельство послужило поводом к недоразумениям. Не зная о принадлежности данного Слова Максиму Греку, Д. П. Лебедев, в статье «Неизвестный Московский проповедник половины XVI в.» (Труды восьмого Археологического съезда в Москве, т. II, стр. 175—182, М., 1895), доказывал, что Слово принадлежит протопопу Сильвестру. Затем в 1915 г. С. А. Щеглова, исходя из статьи Лебедева и опровергая его, пыталась доказать, что Слово написано митроп. Макарием (статья С. А. Щегловой «Слово на победу 1541 года» в Известиях Отделения русск. яз. и словесности Академии Наук, 1915 г., кн. 2, стр. 106—124; там же издан и текст Слова по указанной ркп. Румянцовского музея).

великих князей молодой Иван по совету митрополита Иоасафа и некоторых бояр не покинул Москвы во время приближения к Оке крымского хана. Напротив, приняты были все меры к защите города как на случай нападения, так и к отражению крымских полчищ.¹ Эта предусмотрительность и твердость, проявленная в борьбе с крымцами, отмечается и в Слове Максима Грека, который говорит между прочим, что «благовѣрнаго . . . царя и самодержца всеа Русіи великаго князя Іоанна Васи́ліевича юнна (бог) соблюлъ кромѣ всякого страха и торопа, въ царствующемъ градѣ Москвѣ правяща благонадежно и мужественнѣ потребныя напешшіа нужи; добляя же поборники благовѣрныя державы его, воеводы же и воины со всѣхъ градовъ въ малѣ собравъ и вооруживъ ревностію, яже о благовѣріи, въ противоополченіе устремившагося бѣшено на насъ съ тяжкою силою новаго хагана . . .»²

Наконец, идея борьбы с неверными приводит нас снова к встрече Ивана Грозного с Максимом Греком в 1553 г. К сказанному раньше (см. стр. 84) мы можем добавить теперь, что упомянутое заступничество Максима было не просто заступничеством за вдов и сирот воинства вообще, но именно воинства, погибшего в борьбе за веру: «егда доставалъ еси такъ прегордаго и сильнаго бусурманскаго царства, тогда и воинства христіанскаго храброго тамо не мало отъ погановъ падоша, яже брашася съ ними крѣпче по бозѣ за православіе, . . . и тѣхъ избѣенныхъ жены и дѣти осиротѣли и матери обещадели». . .³

III. ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основании изучения публицистической деятельности Максима Грека мы приходим к ряду выводов. Важнейшие из них следующие.

Публицистическая деятельность Максима Грека развивалась в двух направлениях: одно состояло в обличениях, направленных против тогдашнего общественного зла, как оно понималось обличителем, другое — в развитии положительных взглядов на власть и ее задачи во внутренней и внешней политике. Отдельные обличительные слова Максима Грека часто носят заглавия отвлеченного характера, по которым может казаться, что речь идет об обличении пороков вообще. При ближайшем же знакомстве с содержанием этих слов становится ясно, что они имеют определенное

¹ С. Соловьев, История России с древнейш. вр., т. VI, стр. 70—74, изд. второе, СПб., 1860.

² Каз. изд., II, стр. 283.

³ Сочин. кн. Курбского, т. I. Русск. ист. библ., т. XXXI, стр. 208, СПб., 1914.

общественное назначение, в каждом отдельном случае относятся к известной общественной группе, и хотя обличение ведется в широкой отвлеченной перспективе, однако оно никогда не теряет конкретной точки своего приложения. В одних словах обличается монашество вместе с высшими представителями его, в других — белое духовенство, в третьих — боярство.

Обличению монашества посвящены, главным образом, четыре произведения Максима Грека: 1) «Повѣсть страшна и достопамятна и о совершенномъ иноческомъ жительствѣ». 2) «Стязаніе о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ. Лица же стязующихся Филоктимонъ да Акимонъ, сирѣчь любостяжательный да нестяжательный». 3) «Слово о покаяніи вельми душеполезно вѣроу и любовію нелицемѣрною внимающимъ его и съразумомъ трезвеннымъ прочитающимъ его». 4) «Слово душе полезно зѣло внимающимъ ему. Бесѣдуетъ умъ къ души своей; въ немъ же и на лихоимство». — «Повѣсть» написана, вероятно, до 1525 г., а «Стязаніе», «Слово о покаяніи» и «Слово душеполезно» между 1531 и 1537 гг. К первым выступлениям против стяжательного монашества Максима Грека приводило не только его общее мирозозерцание, но также и рано установившаяся близость его к поборнику нестяжательности Вассиану Патрикееву, полемика которого с иосифлянами подготавливала обличения Максима. В сочинениях того и другого писателя мы находим не только один и тот же общий мотив обличений, но и совпадения их в отдельных существенных элементах. Так, и Максим и Вассиан говорят об одних и тех же формах монастырской эксплоатации: оба указывают и на лихвенные проценты за ссуды крестьянам, и на притеснение их судебными тяжбами из-за земли, и на спекуляцию с хлебом в голодное время. Далее, заметно сходство в отдельных чертах, какими описываются у обоих мирская гордость и роскошь высших представителей монашествующего духовенства. При указанном сходстве с Вассианом Максим Грек глубоко отличен от него. В то время как тон речи Вассиана более житсйскій, более близкий к обыденности и следовательно более задевающий, Максим Грек отвлекается от непосредственно данной пестроты жизненного многообразия, часто не называет вещей их обыденными именами, но зато придает всему обличению особую принципиальную углубленность. Кроме того, Максим Грек идет дальше Вассиана и вводит ряд новых обличительных пунктов: таков очерченный им тип воинственного иерарха-феодала, в мирное время окруженного ратными людьми, а во время войны благословляющего их убивать единовѣрныхъ братьевъ, такова картина шумного проезда по городу высшего сановника церкви; таково, наконец, изображение взаимныхъ отношений честолюбивого монашества, проникнутыхъ духомъ клеветы и лицемерной

дружбы. Новые отрицательные черты из жизни нашего высшего монашества, подмеченные Максимом Греком, находят себе соответствие в других обличительных памятниках XVI в., каковы «Беседа Валаамских чудотворцев», так называемое «Слово к верным» и сочинения митрополита Даниила.

Вдохновенное и красноречивое произведение Максима Грека, написанное по поводу тверского пожара 1537 г., в форме ответа господа на вопросы тверского епископа о причине божьего гнева, постигшего Тверь, представляет собою не что иное, как драматизированное обличение белого духовенства. Названное «слово» напоминает собою те «слова», с какими Максим Грек обращался к монашеству. И здесь вопрос ставится в перспективе духовного понимания заветов Христа и во всей его общественной остроте. На первом плане стоит мысль о высоте пастырского служения, о долге пастыря по отношению к обществу, и в свете ее раскрывается целый ряд отрицательных явлений: достижение недостойными людьми священнического сана по мзде; оскудение учительного слова, различные злоупотребления, прикрывающиеся внешним благочестием: роскошные пиршества в дни праздников, соединенные с пьянством, светскими увеселениями, ссорами и бесчинством; лихвенное притеснение бедных, захват доходов с церковного имущества, предназначенных для милостыни нищим и убогим, страсть к украшениям. Картина, нарисованная Максимом Греком, получает свое фактическое подтверждение и в сочинениях митрополита Даниила и гораздо позднее в постановлениях Стоглава.

Несмотря на горячие обличения монашества и духовенства, мысль о принудительной секуляризации монастырских и церковных вотчин была чужда Максиму Греку. По отношению к монастырскому укладу он был сторонником не внешних воздействий на монастырь, но внутреннего обновления монастырской жизни путем нравственного возрождения самих иноков. В вопросе же о владениях мирских церквей он допускал вмешательство и светской власти, но лишь в целях такой организации церковных имуществ, при которой доходы с них действительно шли бы на нищих и убогих.

Фактическое отношение Максима Грека к предпринятым в середине XVI века реформам монастырской и церковной жизни понималось прежними исследователями как непосредственное влияние писателя или на царя Ивана, или на Стоглав (1551 г.). Однако внимательное сопоставление так называемых «царских» вопросов с взглядами Максима приводит к выводу, что непосредственного влияния здесь не было. Тут важно общее влияние обличений Максима на современников, которое, судя по всему, было

значительно. Максим Грек после Вассиана был самым ярким поборником «нестяжательности», голос которого не только не умолкал после суда над ним и в малолетство Грозного, но оставался таким же твердым. Актуальность обличений Максима Грека была обусловлена уже тем, что они являлись среди тогдашней публицистики самыми содержательными выступлениями по вопросам монастырской и церковной жизни и вполне отвечали как практической остроте этих вопросов, так и необходимости их широкого освещения. Сочинения Максима, обличающие монашество и духовенство, вошли в сборник Слов, составленный самим автором и при жизни его получили распространение. Настроение общества было подготовлено этими сочинениями. Сознание необходимости реформы как монастырского, так и церковного быта нарастало даже в правящей среде, и жизненность обличений Максима не только в плоскости партийной борьбы «нестяжателей» с «иосифлянами», но и в плане касания с острыми социальными противоречиями тогдашней современности — была велика. Культурная близость между Максимом Греком и виднейшими представителями московского боярства первой половины XVI века не заслоняла от взора Максима отрицательных явлений и фактов в деятельности правящих феодалов. Раскрытие их содержат в себе два произведения, относящиеся, как надо думать, к эпохе около 1537 г., т. е. к ранним годам малолетства Грозного, а именно: 1) «Слово о неизглаголанѣмъ божіи промыслѣ, благодати же и чловѣколюбіи, въ томъ же и на лихоимствующихъ»; 2) «Слово, пространнѣе излагающе съ жалостію нестроения и безчинія царей и властей послѣдняго житія». Первое Слово «на лихоимствующихъ» важно как публицистическое выступление против судебных злоупотреблений, совершавшихся правителями на местах. Оно предвзвѣщает губную реформу, ограничения судебных поединков и находит себе живой отклик в дальнейшем развитии публицистической литературы. Второе произведение, «Слово, пространнѣе излагающе съ жалостію нестроения и безчинія царей и властей послѣдняго житія» имеет в виду центральное правительство, т. е. высших представителей верховной власти или тех, кто правит от ее имени. Такая тема делает вполне понятной не только обобщенность изложения данного слова, но и применение иносказательной формы — разговора автора с горько плачущей царственной женой Василией, одетой в траурные одежды и окруженной дикими зверями. Изучение содержания этого Слова в связи с событиями и фактами 30-х годов XVI в. приводит к выводу, что по своей реальной основе оно является аллегорией, изображающей Россию в правление Елены Глинской.

Принципиальная точка зрения Максима Грека на власть логически вытекает из так называемой заповеди Юстиниана и заключается в признании как светской, так и духовной власти божественным даром и в требовании тесного союза, взаимной согласованности между ними. Эта точка зрения Максима Грека оставалась все время неизменной. Менялась только в зависимости от условий времени ее формулировка: сначала он хотел видеть осуществление своего идеала в великом князе Василии Ивановиче и митрополите Варлааме; затем в задачах светской власти подчеркивал обязанность ограждать государство от нападений иноплеменников; позднее в малолетство Грозного смело указывал, что царская власть узурпируется недостойными ее представителями и что высшее духовенство не поднимает своего обличающего голоса; и, наконец, после переворота 1547 г., когда надежды на будущее окрылили многих, и Максим Грек также мечтал о преобразованиях и видел главную задачу царской власти в том, что она «исправляетъ всегда царскіе скипетры на лучшее».

Характеристика взглядов Максима Грека на задачи царской власти во внутренней политике почерпается из посланий его к Ивалу Грозному, ранее известных и одного вновь найденного (см. приложение). Особенно ценный материал в этом вопросе дают «Главы поучительны начальствующимъ правѣрно», написанные для молодого царя Ивана. «Главы поучительны» нельзя считать кодексом морали, состоящим исключительно из общих мест, вне живой связи с современностью. Анализ вскрывает в них связь с тогдашней реальностью в ряде пунктов, и нужно признать, что «Главы» вписывают видную страницу в историю нравственных воздействий на молодого Ивана с момента появления у власти Сильвестра и Адашева. Из всех попыток нравственного воздействия на молодого царя «Главы» Максима выделяются решительно. Ни у кого из современников вопрос о власти не ставился на такую идейную высоту и не получил такого освещения. Именно здесь, в «Главах» Максима Грека, полагались идейные основы для первых лет царствования Ивана. Сравнивая взгляды Максима на отношения царской власти к важнейшим политическим группам с наиболее яркими направлениями тогдашней публицистики, позицию Максима в этом вопросе можно характеризовать как точку зрения координации политических сил; причем состав их он не ограничивает духовенством и боярством, но вводит сюда и молодую силу, только что начинавшую заявлять о себе, — воинство. Взгляд Максима Грека не оставался отвлеченным построением ученого отшельника, но тогда же претворялся в действительность. Политика «избранной рады», повидимому, и представляет собою

политику согласованного действия всех руководящих классов тогдашнего государства. Положение об идейной связи Максима Грека с политикой «избранной рады» подтверждается не только известными посланиями к царю, но и посланием до сих пор не изданным, написанным весной 1551 г. В нем Максим высказывается с глубоким сочувствием о преобразовательной деятельности Ивана и восхваляет царя, как поборника правды и устроителя земли. В послании внятно слышится отголосок церковных и земских реформ 1550 и 1551 гг. — Отношение царя к духовенству во главе с митрополитом, к боярству и воинству в отдельности мыслилось Максимом Греком так: Максим вменяет царю в обязанность выслушивать и принимать от митрополита и епископов полезные советы в делах державы. В отношении к боярству Максим чужд мысли об ограничении царя советом именно боярским, право совета, по мнению его, не есть чья-либо привилегия: советовать царю может всякий человек, способный дать совет, полезный обществу и отвечающий интересам времени. Далекий от чаяний оппозиционного боярства, Максим Грек наряду с боярством ставит воинство и считает заботу о нем серьезным государственным делом. Он оценивает роль боярства не с точки зрения узких симпатий, подсказанных боярскими интересами. Им руководит более широкое понимание роли боярства в изменяющихся условиях. Он беспощаден в обличении злоупотреблений «судей», «наместников», узурпаторов власти. Но с другой стороны в то же время он далек и от принципиального отрицания политических прав боярства. Идеологически, не покидая боярской позиции, он поднимает ее на более высокую ступень. Концепция идеальной власти, по Максиму Греку, завершается возведением в число важнейших обязанностей царя — милосердия к нищим и убогим и заступничества за вдов и сирот.

Устойчивый национальный облик Максима Грека приводил его, в особенности в первые годы пребывания в Москве, к явным столкновениям с отдельными чисто русскими тенденциями как в сфере церковных отношений к Константинопольскому патриарху, так и в области внешней политики. Как истый византиец, Максим Грек в первые годы пребывания в Москве лелеял мечту об освобождении своей родины от владычества турок и политическом возрождении ее под властью православного царя из династии московских государей. Настроенный так, Максим Грек, конечно, не мог сочувствовать уступчивой политике московского правительства по отношению к Казани и Крыму и исканию союза с турецким султаном. В 1521 г. по поводу нашествия крымского хана Магмет-Гирея он выступил с посланием к великому князю Василию Ивановичу (издаваемым в при-

ложения), в котором ободрял великого князя и советовал воспользоваться моментом для решительных военных действий против Казанского царства. Таков был открыто высказанный взгляд Максима Грека. Судебные же обвинения его в сношениях с турецкими пашами и султаном, с целью под-
нять султана на великого князя, — следует считать клеветой. Сочувствие к борьбе Москвы с «агарянами» высказывалось Максимом Греком и позднее, после судебного процесса. Так, в 1541 г. в особом «благодарственном слове» он торжествует победу молодого Ивана над крымским ханом Саип-Гиреем. Мир с единоверными и неустанная борьба с неверными составляли смысл взглядов Максима на внешнюю политику.

Изложенные итоги исследования рисуют сложный путь Максима Грека как публициста на протяжении всей его литературной деятельности. Итоги эти, будучи объединены с результатами исследования других публицистов, выражавших идеологию иных общественных групп и классов, могут послужить основой для цельной диалектически построенной истории публицистики XVI в., но это уже особая тема, которая должна быть предметом другого опыта.

НЕИЗДАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ МАКСИМА ГРЕКА

1

Послание великому князю Василию III

По рукописи Публ. библ. в Ленинграде, f. XVII, № 13, л. 75 об. — 82.

(л. 75 об.) Ничто же убо неп'щую безмѣстно, ниже внѣ разума творити възмнится, аще кто любовію, яже к начальствующимъ, съдрѣжимъ, съвѣта введетъ и временемъ пристоящаго и самѣмъ во высотахъ учиненымъ полезнаго. Аще бо прочаа, яже телесы служенія симъ благолѣпно съврѣшающе, и хвалими бывають отъ нихъ, аще и х(у)дѣйши будутъ, и дарованія приѣмлютъ, множае паче хваламъ сподобитися имъ праведно естъ, аще начальствующимъ слово мудро и съвѣтъ благоразумень покажутъ. И мнѣ убо любовію къ преимущей дрѣжавѣ царствія твоего подолгу съдрѣжиму, и бывшаа къ ней измѣне отъ безбожныхъ скифѣ навѣты и досажденія къ тому не терпящу, наипаче же и болѣзнующу о всѣхъ случившихся царствию твоему, о нихъ же зрю скорбящу дрѣжаву твою, изволися (л. 76) добрѣ имѣти явѣствена представить царствию твоему разума моего, его же малоуміе мое съвѣща ми. Твой же царскый и велемудреный разумъ да подометъ мѣне по обычаю не обинующуся. Но съдѣяннаа уже намъ отъ безбожныхъ скифѣ оставляю глаголати въ настоящемъ, како сиа быша: или божіимъ праведнымъ судомъ нашаа мудро и праведно правяющаго, и къ нимъ же отечьскы устроится, zde въздающаго о прегрѣшеніи муки, или нашимъ замѣдлѣніемъ, или воеводѣ лѣнностію и неискусствомъ, или нѣкоимъ инымъ нестроеніемъ. О тѣхъ, како убо быша, богъ вѣсть, иже вся къ исправленію нашему устраяй: въ иныхъ бо, рече, сыгрѣшамъ, и въ иныхъ въсприемлемъ. Сего ради подобаетъ всякому благочестивому царю въ таковыхъ неполученіи бога съ слезами и милостынями и къ подвластнымъ благотвореніи молитва творити, аще убо умилосердится богъ о насъ и подастъ разумъ благъ и съвѣтъ благополученъ и души храбрость на отмщеніе врагомъ нашимъ и всяко послушаетъ. «Близъ бо, рече, господь всѣмъ призывающимъ его по истинѣ, волю боящихся его сътворитъ и молитву ихъ послушаетъ и спасетъ ихъ». Да не (л. 76 об.) дивимся убо о случившихся намъ паче надежда, ниже

скорбимся чрез мѣры, ничто же бо странно пострадохом, часто бо сипцеваа случишася многымъ преславнѣйшимъ царемъ, в них же и блаженный Давыд прѣвый есть, иже многыя и преславныя побѣды на иноплеменниковъ приемъ, въ востаніи сына своего Авесалома, ему изменившаго, въставъ изыде от града Іерусалима, мѣсто даа гнѣву и да соберѣтъ силу; всѣ бо его оставиша, кромѣ малыхъ нѣкихъ сердечныхъ друзей своихъ, с ними же и отступивъ от града, и от многихъ поношаемъ и досажаемъ и «изыди от града, слышя, человекѣ кровей» и таковая вся веледушно и смиреномудріемъ претрѣпѣваше, ожида помощи от вышняго, и не сыгрѣшилъ: скоро бо богъ заступи его и враговъ его посрамилъ и в первую славу и честь препоставилъ. Таковъ естъ всякъ уповаѣи на бога и помощи от вышняго ожидая. Аще же блаженный онъ от сына своего таковое пострада смущеніе, яко же съ слезами глаголати своимъ: «изыдемъ, изыдемъ отсюду преже, неже Авесаломъ достигнетъ насъ»; что дивно, аще и на насъ случися сипцевое что не от сына или от нѣкоего сродника навѣтуемыхъ, но от без(л. 77)божнаго скифа, внезапно на насъ нашедшаго, и от своихъ оставленныхъ. Сего ради и ты, царю, уповаѣи на бога, якоже и блаженный Давыдъ, и утѣшаа себе, глаголи къ вышнему: «Господь просвѣщеніе мое и спасъ мой, от кого ся убою? Господь защититель жизни моя, от кого ся устрашю? «И пакы: «А(з) поиду сквозѣ сѣни смертныя, не убоюся злыхъ, яко ты еси съ мною». Сия же глаголя, і попеченіе твори, какъ вперед сипцевое что не случится, занеже и блаженный онъ с надеждою божіею въоружися противу отступника сына своего и богъ его не оставилъ. Но о техъ убо довлѣтъ сіа, о настоящихъ же или о грядущихъ рещи подобаетъ. Оно убо да не утайся намъ, яко изначала Исавъ навѣтоваше безспрестани Іакову і враждебне устраяшеся къ нему первенства ради. Сія же образы бѣша будущимъ: Іаковъ убо языкомъ вѣровати въ Христа имѣющимъ, Исавъ же — невѣрующимъ; и яко вѣрніи выну гоними будутъ невѣрными и възненавидими, яко же Іаковъ от Исава. Ничто же убо странно и дивно естъ, аще и на насъ образы исполнишася, и крымскій песь нечистый и убійствы христіянскими радуяшеся и, еже не хранити вѣру и дружбу тверду къ Христу (л. 77 об.) чтущимъ, повелѣніе имѣа от сквернаго и проклятаго Моамефа учителя своего, измѣниши намъ и толика злаа и скорби сътвори, клятвою пер'вѣе ужъ к намъ утврѣдивъ лѣжную дружбу. Не мощно бо лгати божественому Ісаю въпѣюще намъ и глаголющу по вся дни: «Правдѣ научитесь, живущей на земли, преста бо нечестивый, не научится правдѣ на землю (sic) і истину не сътворитъ». Аще убо преста еже научитися правдѣ и истину на земли не сътворитъ, како убо съхранитъ намъ хаганъ дружбу истинну. Нѣсть сіе, нѣсть! Яко же бо не мощно естъ от тмы свѣту

проити или от желчи сладости, сице не возможно ест и от нечестиваго
 проити истинѣ, сѣдалище бо и жилище суще самого сатаны, отца лганіи,
 есть нечестиваго сердце. Подобаше убо сих ради никакѡ же вѣрити тако-
 вым, но всегда брежнымъ быти от сих и дарованіемъ великим и сипцевым
 почитаніемъ не сподобляти, занеже еже паче достой(н)ства почитати до-
 сажденіе съдѣловаетъ; но довольно им ест еже ничтоже зло от нас чаати,
 донележе мир с нами обლობызают. Аще же начинают распри и брани, не
 уступить им претящим, но бога зрителя дрѣмым (sic) положивъше, оружія
 противу их взяти съ надеждою, яже къ вышнему, и молитвами преподоб-
 ных мужей въоружившеся (л. 78) и благотвореніи, яже къ подвластным,
 аще нѣкоим образом быхом предстуживше их. Да не возмнимъ бо, яко не-
 праведенъ богъ наносяи гнѣвъ, буди далече от нас таковый неподобный
 разум. «Богъ бо, рече, судіа праведенъ и крѣпокъ и долготрѣпеливъ и не-
 наводя гнѣвъ по вся дни» и прочаа, но паче убоимся его и благодарим
 о всѣх его устроеніи. Но тѣм сице имѣющимся и съдѣяннымъ добро и зѣло
 нужно ест къ будущему утвердити себе и в день и в ночь попеченіе
 творити, како вышняго молитва себе сѣтворим. да будет споспѣшник нам
 и покровитель въ всяком дѣле, еже аще съдѣловати въсхопемъ. Не возможно
 бо инако избавитися нам от воставших на ны зол, аще мѣдію и желѣзомъ
 град наших оградим, аще и всякое окіанское множество тамошних людій
 въоружим. И да извѣстит нас блаженный Давыд, по толицех на ино-
 племенники побѣдах глаголя: «Не на лукъ бо мой уповати буду і оружие
 мое не спасетъ мене». Но что глаголетъ: «Сѣтворим силу о господѣ, и той
 уничтожит стужающаа нас». Къ сим буди нам вѣдомо, яко варварьскаа
 несытость и лихоимство, единою вкусивши наших кровей, съ многым без-
 боязніемъ не престанет, ниже отступит навѣтующи нам разными образы
 и пре(л. 78 об.)тящи и гордящися на ны, понеже и мучителя имат другого
 супостата нашего великими и множайшими дары подвизающа его на ны.
 Нъ суетенъ въ истину онъ и велми безумен ест и не вѣст окаанный, яко
 и елико¹ того паче дарми насыпляет, толико на себе раззвѣрит и горшаго
 съдѣловаетъ. Того ради подобаетъ zde разумно и хитростію дѣлати вещь
 и добрѣ устроити и противу мѣры силы нашеа. Противу бо обоих мучите-
 лей стояти неудобно, но и зело пагубно, да не глаголю невѣроятно ест,
 занеже и третій волкъ превозношается на ны. Глаголю же во проклятій
 град Казан гнѣздствующа зміа. Но сего убо удобно ест нам от гнезда
 отгнати, аще всякое замѣдлѣніе отложивше, нападём нанъ скоро, донележе
 отиди (sic) не чаемъ себѣ иное варварское нахождение. И аще про Христа

¹ Испр., в рукоп.: еяко.

небесного царя и владыки и своего евангеліа подвизатися въсходем и всякое убо сатанинское злочестіе отгуду истребити потщимся, свѣтъ же благочестіа въвести въсходем, и царя себе и царицю Христа и его пречистую матере проповѣдати в немъ попеченіе сѣтворим и о тѣхъ хвалитися и славятися възлюбим, аще бо сицевымъ разумомъ въоружимся, богъ с нами и по насъ побораа будетъ отгуд. Аще же не тако, не вѣмъ, что богъ устроитъ. (л. 79) Воспріимемъ божественную ревность и отмѣстимъ кровей убиенныхъ многихъ тамо православныхъ братій нашихъ, да не дадимъ к тому безбожныхъ мѣста хвалитися на Христа и чтущихъ его православныхъ. Единъ естъ намъ царь Ісусъ Христосъ, его же кровію искупленіи быхомъ отъ грѣха, но немъ же твоя богохранимаа дрѣжава царь и князь и государь еси истиннѣйши и святѣйши и яко помазаникъ господень. Почто даемъ иноплеменику дарованную намъ отъ господя славу? Онъ самому сатанѣ сѣдалище и жилище естъ, ты же Христу, истинному богу нашему, образъ живъ и святому духу жилище, о немъ же и венчаеши и освятиши. Симъ убо сице сущимъ, еда пристойтъ царю христову поставляти царя сатанина и видѣтися, руку даяти помощи поборнику нечестіа, врагу кресту христову, скверному и всякого безаконія исполнену? Не буди тебѣ, благочестивѣйшии царю, таковъи смыслъ, но буди тебѣ в разумъ пріяти словеса блаженнаго оного хваленія богоотца Давыда, яже глаголетъ къ вышнему, акы хваляся: «Ни ли ненавидящихъ тя, господи, възненавидѣхъ и на врагъ твоихъ истаяхся, сѣврѣшенною ненавистію възненавидѣхъ ихъ, въ враги быша мнѣ». И кои убо могутъ быти болшіи врагы Христу и кресту своему паче (л. 79 об.) безбожныхъ скифъ? Еда разумѣемъ ли, каковыя звѣри на себѣ питаемъ? Азъ убо во истину срамляюся рещи, ниже бо могу разумѣти бывшую когда намъ отъ нихъ ползунѣкую, токмо тищеты безчисленныя и озлобленія безмѣрныхъ и стуженія безпрестанныхъ горчайшии животъ намъ сѣдѣловающихъ, яко ниже мощи вѣдати намъ, каковъ естъ животъ нашъ. Доколѣ в таковыхъ горчайшихъ злыхъ сѣдрѣжимся? Доколѣ боязни и ст(р)аху работати врагомъ нашимъ возмнимся? Да изволимъ поздно когда таковое поношеніе отъ себе отринуть, да познаютъ возненавидящеи насъ, яко сущи въ насъ и храбрость душѣвная и разумъ правъ и благо о господѣ. «Воскую, рече богословый гласъ, смиренныхъ себѣ сѣтворяемъ, высоки сѣздани». Благодатию христовою вся намъ богата и обилна отъ бога дарована сущи потребнаа въ ратное дѣло и ничимъ же лишаемся, усердіа токмо требуемъ и бодрости. Сія же у насъ сущи, аще хошемъ. Въсходемъ же всяко, аще уразумѣемъ, яко яже къ нимъ дружба наша и великихъ даровъ вселѣнное подаваніе онѣхъ убо паче на насъ раз(ъ)яриши и мертвыхъ бывшихъ ихъ оживиши, насъ же безчисленными озлобленіи и поношеніи безчестіа под-

ложиша. Доколѣ убо имамы благополучное время, доколѣ отнѣкуди инуди
 языческое вѣстаніе не смущает нас, найдем и мы и нападемъ на християно-
 убійць града Казани, не истеряем дѣланій время в неплодных (л. 80) дѣя-
 ніи. Аще бо ожидаем послов¹ из Литвы, никто же нам запинатель будетъ
 воюющим тамо, аще же и не чаемъ, и тако нужда ест нам поспѣшити дѣло,
 донележе из Литвы не стужаемся. Скверной бо Казани от срѣд быв'шѣ,
 удоб нам противу прочих стояти, грозным оттуду бывшим. Немощно
 мужем спящим и возлежащим побѣды въздвигнути. Подвигом время ест,
 а не прохлажденій, исгощанія сребра время, а не пощаждѣнія. Глаголаша
 бо и нѣкии от виѣшнихъ философъ къ единому царю: «Сребряными копіи
 ратуй, и вся победиши». Въскрилимъ нашихъ многихъ и добрыхъ сущихъ
 царскими дарованіи и изѣострим ихъ благими словесы и подвижательными
 и каковыми великій въ царѣхъ Ираклій, на Персыду устремився, изѣ-
 острил ест своихъ. Дивный, дивный бо сей царь, новополучивъ царство
 по разореніи Фоки мучителя, и сі(е) емъ обрѣтъ вел'ми озлоблено и изнемогше
 въ всѣхъ, безчислена зла по вся дни страдаше единнадесять лѣтъ от хагана
 авар'скаго начальника и Хоз'дроя, перьскаго царя, при немъ же персяни взяша
 и под собою подложиша весь Египетъ и Палестину и Александрію и Лівію
 до Ефіоплян. Разумѣвъ же Ираклій царь, яко ничто же успѣетъ дары на-
 сыпая царя Хозроя, но наипаче и множае на себе его раз(з)вѣряетъ,
 божественную ревность (л. 80 об.) въспрїимъ, преведе европійское воинъ-
 ство въ Асію, примирив'шися прежде съ хаганомъ, во второе же на десятъ
 лѣтъ царствія своего противу (Пе)рсиды устремися, вѣры подавъ людемъ
 своимъ, яко с ними и до смерти подвижется и яко чада своя тѣхъ побережетъ.
 «Хотяше бо, рече лѣтописецъ, власть имѣти не столько страхомъ, сколько
 любовію». И вельми тѣхъ словесы подвижательными на брани въздвигъ,
 повелѣваше имъ от неправды убо огребатися, благочестіа же дръжатися.
 Прилагаше же и сіа, глаголя имъ часто: «Множество, братіа, враговъ да не
 смущаетъ вы: богу бо хотящу, единъ поженетъ тысуща. Пожремъ убо себе
 о нашихъ братіи спасеніи, прїимъ вѣн'ци мученическыя. Даже и будущее
 время похвалитъ насъ сицевыми мудрованіи и словесы доблестными». Дивный
 сей царь, воинство свое подвизаа и сійъ вкупѣ с ними ратуя и
 подвизаяся до язвы, божіимъ споспѣшьствомъ в' шести лѣтахъ Хозровое мучи-
 тельство разори и под собою покори і Египетъ и Палестину и Лівію до
 Ефіопіи пакы восъпріятъ. Како убо неправедно и намъ того подражати и
 ревность божественную въспрїяти Христа ради и спасеніи братіи нашихъ,
 и разорити убо безбожныхъ скифъ сън'мища, яко же онъ перска почитанія,

¹ Испр., в рукоп.: послав.

и огнемъ сих опепелити, (л. 81) въздвизати же честныхъ божіихъ церквей, даже и память наша, яко благочестивыхъ и ревнителехъ будетъ въ вѣкы безконечныя въспѣваема. «Въ память бо, рече, вѣчную будетъ праведникъ, отъ слуха лукаваго не убоится». Кто сія реклъ естъ? Не блаженный ли Давыдъ? Еда солга? Ни о немъ бо первомъ исполнися реченое. Колико роды мимотекоша, и память его не истребися, но еще въ устѣхъ всѣхъ носятся его на иноплеменниковъ съ благочестіемъ и правдою безчисленнаа исправленія. Что убо? не бѣ ли и онъ царь златомъ и серебромъ обливаемъ и властію великою обложенъ, но ничто же сіа вся возмогоша повредить его не угодити богу, занеже самъ глаголаше о себѣ къ вышнему: «Въ сердци моемъ скрыхъ словеса твоя, яко не съгрѣшити тебе». И паки, отъ иноплеменниковъ стужаемъ, рече къ вышнему: «ибо седоша князи на мя глаголаху, рабъ же твой поучаашеся въ оправданіи твоихъ, ибо свѣдѣнія твоя поученіе мое суть и свѣты моя — оправданія твоя». И елика иная сицѣвая пророчество съдръжитъ, ихъ же всѣхъ ревнители явившеся, иже во царехъ равноапостоль Константинъ Великій, Феодосій же и Уалентиніанъ и всѣ иже по тѣхъ благочестивѣ царствовавшии и богу благочестіемъ (л. 81 об.) и правдою угодиша, и вѣставшіа по времена врагы свѣтло и преславно угодиша, нѣкихъ же и въ благочестіи предложиша святителскимъ ученіемъ и различными благотвореніи, всѣхъ царю бо Христу себе и дръжаву свою покоривше, и ничто же отъ привлекающихъ въ сладости и временныя славы предпочитавше паче любве, яже въ Христа, но вся умышляюще въ славу христову и разширеніе божественаго его евангелія, самого всѣхъ царя сподобишася и воеводу и победителя и свѣтника, иже и дръжаву твою съблюждаетъ и управляетъ, тако же и въ грядущее (sic) исправитъ. Готовъ бо естъ славящихъ его прославляти и последующихъ ему наставить в' путъ правъ, ведущій въ животъ вѣчный, его же буди дръжавѣ твоей получитьи съ всѣми отъ вѣка царствовавшими славнѣ и благочестивѣ, аминь.

Сія же писахъ къ высоте крѣпкаго и чествуемаго царствія твоего, надѣявша въ ми(ло)сть его и въ дарованную ему отъ бога благоразумную мудрость, ею же кротко услышитъ всѣхъ могущихъ съвѣтовати, что полезно обществу и времени пристоящее, избираетъ же благоразумно ползующаа, аще и отъ худѣйшаго будутъ реченаа. Аще же нѣгде явится словеси усремленіе дръзостнѣ (л. 82) паче подобнаго глаголати, да не вменится, молю дръжавы твоея, изволенію писавшаго, но неискусію въ бесѣдахъ, яже къ царствующимъ. Мы же и себе и честную обитель Ватопедъ поручаемъ царствію твоему, яко да изволитъ отпустить и насъ восвоися, и аще нелетѣетъ инуди индѣ отпустить насъ, поне откуду отпусти инока Климента.

Послание царю Ивану IV

По рукописи Публ. библ. им. Ленина в Москве, б. Румянц. музея № 264.

(л. 302). Да исчезнет от всякыя благочестивыя мысли лъжа и ласканіе и завистливъ нравъ, такожде да исчезнет всяко неправодѣство и лихо-радство, да множит же ся всяко праводѣство и истина и христіанолѣпенъ нравъ и кротост, в них же имі же изрядно украшается иже по образу и подобію божію рукою божіею създанный изначала человекъ, о немъ же премудрѣйшѣ речено быст пророкомъ и боготцомъ: «и человекъ въ чест бывъ не разумѣ, приложися скотом несмысленным и уподоб(и)ся имъ», сирѣчь нетлѣніемъ и безсмергіемъ и всякою премудрѣстію и разумомъ преукрашенъ бывъ, не разумѣ изрядную высоту даровъ небеснаго сана ему от създавшаго его, прельстився словесы льстивыми жены лекоумныя, его же ради приложися скотом несмысленным и уподобися имъ, смертенъ бывъ от безсмертнаго и тлѣненъ от нетлѣннаго преступлені(е)мъ порученныя ему спасителныя заповѣди и вмѣсто съсуда избраннаго и вмѣстителнаго разумѣніи и дѣланіи всякыя премудрости и божественнаго разума, показася прочее съсуд погубленъ, давидьскыи рещи, еже ест съкрушеніа достоинъ, акы непотребенъ прочее бывъ и безсчестенъ отнуд вѣходомъ всяческыя злобы. Но еда презрѣлъ ли създаніе пречистыхъ рукъ своихъ съкрушено бывше по зависти змѣини же нѣкіи прелести? Никако же, но не преста¹ всякими образы посѣщая его и руку помощи простирая (л. 302 об.) ему знаменіи, яже съ небесъ, знаменіи от земли, знаменіи въ мори, законоположеніи и поученіи и наставленіи мужей святыхъ и иныхъ от земли бывшихъ премудрыхъ въ всякомъ языкѣ еллинѣхъ же и египтянъ и халдеехъ и аравлянъ и бывшихъ въ Індіи, в рахманехъ, ихъ же каждо своимъ съплеменникомъ писанныхъ оставиша различныхъ ученіи и яже о нравехъ законоположеніа ко всякой добродѣтели и правдѣ наставляюще своихъ съплеменники и къ познаніи съдѣтеля всѣхъ руководяще ихъ по даннѣй имъ свыше божественнѣй помощи, послѣ же и самъ всѣхъ съдѣтель и промысленикъ съставная премудрость божіа, в немъ же сут вся съкровища божіа премудрости и разума събрана, единородный сынъ и слово божіе утробами щедрот своихъ победенъ иже единъ непобѣдимый самоизволенъ прииде на помощь своего създаніа. И сіе преже многихъ лѣтъ предвѣзгласилъ блаженный пророкъ Давидъ, глаголя: «богъ явѣ приидет и не премолчитъ» и накы: «явит богъ боговъ въ Сіонѣ». И богоглаголивый Аввакумъ: «богъ от юга приидеть».

¹ Испр., в рукоп. преста.

О нем же пришедшим и сугубѣ сущемъ естествомъ бога и человѣка глагола она моляс о немъ богу и отцу, глаголя: «боже, суд твой цареви дай и правду твою сыну цареви судити людемъ твоимъ правдою и нищимъ твоимъ судомъ». Сицевымъ же молится о немъ, акы о человѣцѣ, яко же богъ бо имат сѧ въ естествѣ в'сажена, яко же самъ глаголетъ, отецъ (л. 303) судит ни единому, но вес суд дал ест сыну, да вси почитают сына, яко же почитают отца, а яко конецъ прият сицевая молитва богоу отцова, никто же противляйся, вездѣ бо по подсолнечнѣй въсияша луча разумнаго солнца правды просвѣщающе душы богопокорно и благоразумно прикляняющихъ выя своя подъ иго благое евангельскихъ велѣній и лѣхкое бремя ихъ съ усердіемъ приемлющихъ, яко же и божественный Аввакум, о немъ же предвѣзвѣщаетъ, глаголя: «Покры небеса добродѣтелъ его и хваленіа его испльнь земля, и сіаніе его, яко же свѣтъ будетъ» и прочая... Но яко же повышше предрече ми сѧ, и нынѣ глаголю: Да исчезнетъ отъ всякыя благовѣрныя мысли всяко ласканіе и лѣжа и завистливъ обычай, истину же и правость права да любитъ всякъ и нарочитая и достохвалная исправленія царствующихъ благовѣрно и якоже богу благоугодно ест не млѣчаніемъ миновати, ни забвенію предати, завистию побѣждаемъ, но да хвалитъ я у себе и инымъ вѣдома да творитъ, да презлнѣ въспѣваемъ бываетъ и славится царь царствующихъ и господь господствующихъ, отъ него же учинени сѣтъ по божественному апостолу сущая на земли власти, отъ нихъ же едина ест изрядна и свѣтлѣйша царствіе твое, еже по отческому жребію многолѣтному дошедше даже до твоего благовѣрія, благочестивѣйший самодержче всея Руси, государь князь великій Иване Василіевичъ, ему же вручену бывшу ти отъ вышняго богочначаліа, правилишь е всякою правдою и правосудіемъ, очищая е (л. 303 об.) премудрѣйшими умышленіи и строеніи отъ всякаго неправдованія разбойничества же и кровопролитія неправеднѣйшихъ и клеветниковъ бездушнѣйшихъ и влѣшебныя прелести и всяческихъ сатанинскихъ играній чюественныхъ бѣсовъ, слуговъ антихристовыхъ, пленяющихъ душы вѣрныхъ въ всякихъ богомръзскихъ блуженіи, яко и намъ съ необиновеніемъ мощи глаголати и о твоёмъ царствіи рѣчи пророчскыя молитвы, глаголющія: «Боже суд твой цареви нашему далъ еси и правду твою сыну цареви, яко судити людемъ твоимъ правдою и нищимъ твоимъ судомъ и избавляти сыны убогихъ отъ насильствующихъ я и обидящихъ лютей, тѣмъ же никто же толь готовъ и усерденъ, якоже избранный твой царь и защититель нашъ въ еже пособляти обидимымъ и отмѣстити насилничаемыхъ, поминая добрѣ молящагося тебѣ пророка и царя глаголющаго: «Сътвори хъ судъ и правду, не продаждь мене обидящимъ мя вѣдимымъ и невѣдимымъ врагомъ». Утишилася земля древлѣ.

убо, яко же слышимъ, при пресловутыхъ царѣхъ Александрѣ Маке(до)нь-
стѣм и Августѣ кесарѣ. Утішила же и при тебѣ, благовѣрнѣйшій
самодръжче нашъ от различныхъ злобы и неправодѣльства велеименитаа
страна всея Рус(и), управляема предобрѣйшѣ твоими премудрыми умысле-
ніи и велѣніи, по ихъ же уповаемъ извѣстно, яко и горы словеніи въспри-
имутъ людемъ съвршѣнный (л. 304) мир и холми сущей о благовѣрнѣй
дръжавѣ твоей славніи князи и велможи възлюбятъ всяку правду, повиную-
щися твоимъ праведнѣйшимъ уставомъ и велѣніемъ взирающе на твое челоуѣко-
любнѣйше изволеніе, якоже на доброту одушевленную и образъ самыа
божественнаа благодати, из нея же невидимо озаряемъ велемудренный и
быстрѣйшій умъ твой царскій. Всѣхъ преимѣши и всѣхъ одолеваеши
яко же царскимъ саномъ, тако же превъсходиши всѣхъ и разумомъ и пре-
мудростію божественою и благодію къ всѣмъ требующимъ твоея благо-
лѣпныа помощи царскыа, ея же да сподоблюся получитьи и азъ, окаянный,
лѣта ужъ доволна удръжимъ и различными обстояніи озлобляемъ и якоже
лодіа въ пучинѣ безпрестанно обуреваемъ всякими тревоженіи. Ущедри
мя, благовѣрнѣйшій царю, и многолѣтнаго озлобленіа благоизволи избавити
мя щедротъ ради всемилостиваго бога, да и с. веселымъ сердцемъ обил-
нѣйшихъ приношаю вышнему яже о¹ твоей благовѣрнѣй дръжавѣ длъжныхъ
молитвахъ, ихъ же николи же престахъ принося вышнему, якоже свѣсть иже
вся свѣдѣй, яко не лъжу. Аще и не сподобихся видѣти царское твое лице
по моимъ грѣхомъ, а слышаніемъ твоихъ всехвалныхъ исправленій и строеній
радости духовныа...²

3

Об Александре Македонском

По рукописи Публ. библ. им. Ленина в Москве, б. Румянц. музея № 264.

(л. 18). Александръ Македонскій, царь велик и преславенъ, егда вси
государи греческыа земли зговоромъ и единомысліемъ избрали его царя и
государя над собою, греческою земл(е)ю, и его отпустили противу персід-
скую дръжаву, и събралися о немъ число премного благородныхъ госуларехъ
и князъ и властелехъ, и видѣвъ Александръ усердіе и рѣзвость ихъ, что
готови вси головы своя положити за отечество свое, сирѣчь, да избавятъ
греческую землю отъ частыхъ находженій и плѣненійхъ персідскихъ, и по-
хваливъ мысль ихъ, все царство свое Македонское, рекше грады, волосте и

¹ Испр., в рукоп. от.

² Текст обрывается, вероятно, недостает слова «исполнился».

села, имѣнія вся роздавалъ имъ нещадно. Удивились вси и говорили ему: «Царю Александре, государю, вся твоя намъ роздавалъ, а себѣ что еси оставилъ»? И онъ отвѣчалъ: «Себѣ есмь оставилъ надѣжды, рекше, что въпередъ добуду вашими труды и подвигы, то себѣ оставилъ». Таковому подобаеть быти всякому преславному государю и воеводѣ пресловутому: воинолюбцу, а не самолюбцу, подвиголюбцу и трудолюбцу, а не лѣнливу и пищелюбцу, на полахъ за все съ вои своими въдворяющуся (л. 18 об.) въ шатрѣхъ, а не въ теплыхъ и прекрасныхъ храминахъ и частыхъ мыльняхъ, аще въ истину желаетъ свою убо державу крѣпнати отъсюду, а своя недруги смирити.

ОТ РЕДАКЦИИ

В своей статье В. Ф. Ржиги ставит задачей дать широкую характеристику одного из виднейших публицистов России конца XV в. и первой половины XVI в. — Максима Грека, деятельность которого, по словам автора, представляет «глубокое идеологическое образование, требующее, поэтому, углубленного анализа». Как самое исследование В. Ф. Ржиги, так и приложенные к нему новые, впервые печатаемые произведения Максима Грека, — дают действительно ценный и интересный материал по истории публицистики того времени.

Однако, автору не удалось разрешить полностью поставленную им задачу «глубокого анализа» как самой деятельности и личности Максима Грека, так и всей «сложности развертывающейся тогда, — по словам самого же автора, — классовой борьбы». Не удалось потому, что как раз на связи изучаемого автором предмета с общественными отложениями того времени он слишком мало останавливается.

Вторая половина XV в. и первая половина XVI в. для России были временем бурного роста производительных сил со всеми вытекающими отсюда следствиями. На сцену выступает молодая буржуазия, развертывается борьба между ней, феодалами старого и нового типа, растут вспышки недовольства и революционного настроения угнетаемых масс, на очередь ставятся крупнейшие вопросы внутренней и внешней политики. Не случайно, поэтому, что в изучаемое время мы наблюдаем столь яркие вспышки публицистической мысли, появление ряда других выдающихся для того времени публицистов, выражающих идеологию той или иной классовой группировки (Башкин, Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, Василий Патрикеев, Ермолай Эразм и др.).

Этого в работе В. Ф. Ржиги не показано, место Максима Грека в классовой борьбе не выявлено. Этот основной пробел необходимо иметь в виду, знакомясь с интересной по поданному материалу работой В. Ф. Ржиги.